

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета — **М. А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, член-корреспондент Российской академии образования

Е. В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)

Д. Байчунь, доктор философии, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)

Т. М. Кальво Мартинес, доктор философии, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)

В. Макбрайд, доктор философии, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)

А. Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)

С. Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Мировая экономика и международный бизнес» Финансового университета

В. С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН

М. А. Федотова, доктор экономических наук, профессор, проректор Финансового университета

А. В. Шестопал, доктор философских наук, заведующий кафедрой «Философия» Московского государственного института международных отношений (Университета)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **А. Б. Шатилов**, кандидат политических наук, декан факультета «Социология и политология» Финансового университета

Заместитель главного редактора — **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета
А. В. Брега, доктор политических наук, профессор кафедры «Общая политология» Финансового университета

М. В. Вальяно, кандидат философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета

Е. В. Ганина, доцент, заведующая кафедрой «Русский язык» Финансового университета

Е. В. Зорина, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета

Е. В. Лаптева, доктор исторических наук, профессор кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета

В. А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор кафедры «Теоретическая социология» Финансового университета

А. Н. Лебедев, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Прикладная психология» Финансового университета

И. Л. Масленникова, профессор, заместитель заведующего кафедрой «Русский язык» Финансового университета

Т. М. Махаматов, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой «Философия» Финансового университета

Т. Н. Николаева, доцент кафедры «Иностранные языки-1» Финансового университета

Е. А. Орлова, доктор психологических наук, профессор кафедры «Прикладная психология» Финансового университета

О. Н. Петрова, кандидат технических наук, заместитель заведующего кафедрой «Иностранные языки-2» Финансового университета

Я. А. Пляйс, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая политология» Финансового университета

Г. Г. Силласте, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Теоретическая социология» Финансового университета

И. Н. Шапкин, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета

Учредитель: Финансовый университет

Заведующий редакцией научных журналов **В.А. Шадрин**
 Выпускающий редактор **Д.З. Музашвили**, к. ф. н.
 Верстка **С.М. Ветров**
 Корректор **Е.В. Маурина**
 Перевод **Г.Г. Пушкина**

Подписано в печать 24.12.2014.
 Формат 60 x 84 1/8.
 Объем 11,6 п. л.
 Заказ № 712

Адрес редакции:
 125993, Москва, ГСП-3,
 Ленинградский пр-т, 51, к. 105
 Телефон: 8(499)943-94-82;
 e-mail: gum-nauki@yandex.ru
 Издание зарегистрировано
 в Федеральной службе
 по надзору в сфере связи,
 информационных технологий
 и массовых коммуникаций.
 Свидетельство о регистрации:
 ПИ №ФС77-47101
 от 24 октября 2011 г.

Мнение редакции и членов
 редколлегии может не совпадать
 с точкой зрения авторов
 публикаций.

Рукописи представляются
 в редакцию в электронном виде
 (по электронной почте или на
 диске). При этом необходимо
 указать: ФИО, место работы,
 занимаемую должность, ученую
 степень, ученое звание, адрес,
 контактные телефоны, e-mail.
 Название статьи, сведения
 об авторе, краткая аннотация
 (600–800 зн.) и ключевые
 слова (5–10 сл.) должны
 быть представлены на
 русском и, желательно, на
 английском языках. Список
 литературы должен содержать
 библиографические данные обо
 всех публикациях, упоминаемых
 в статье, и не содержать
 указаний на работы, на которые
 в тексте нет ссылок. Список
 использованной литературы
 (без повторений) оформляется
 в конце текста под названием
 «Литература». В тексте сноски
 обозначаются квадратными
 скобками с указанием
 порядкового номера источника
 и номера страницы через
 запятую. Объем статьи — до 1 п. л.
 Редакция оставляет за собой
 стилистическое редактирование,
 а при необходимости
 и сокращение материала,
 публикуемого в журнале.

ФИЛОСОФИЯ

Зорина Е.В., Музашвили Д.З.

**Россия и глобализация:
 проблемы ценностной
 трансформации сознания
 личности. 4**

Викторов В.В.

**Диалог культурно-исторических
 общностей 10**

ПОЛИТОЛОГИЯ

Кафтан В.В.

**Финансово-экономические
 основания современного
 терроризма 22**

ИСТОРИЯ

Цветков С.Э.

**Как начался «настоящий»
 XX век (к 100-летию начала
 Первой мировой войны) 28**

Скворцова Е.М.

**Проблемы модернизации
 России: опыт историко-
 экономического анализа 42**

СОЦИОЛОГИЯ

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е.

**Временная миграция
 в России: понятийный аппарат,
 классификация
 и статистический учет
 (N.B. Отозвана 08.07.2019) . . 52**

ПСИХОЛОГИЯ

Гагарина М.А.

**Влияние представлений
 о долговом поведении
 на принятие решений. 58**

**ПРОБЛЕМЫ
ОБРАЗОВАНИЯ**

Галичин В.А.

**Университетский сектор
 высшего образования:
 организационные формы
 и модели развития 66**

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Матявина М.Ф., Коровушкина М.В.

**Деловая игра «Модель G20»
 как способ повышения
 мотивации студентов-
 экономистов при изучении
 иностранного языка 73**

АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД

*Трусов Н.А., Башелханов И.В.,
 Колмыкова Е.А.*

**Философия безопасности —
 безопасность информации
 и энергии 78**

Ковалев-Случевский К.П.

**«Русская идея» кающегося
 аристократа. Н.А. Бердяев. . . 84**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мужичкова Ю.Е.

**От кризиса к устойчивому
 благополучию 94**

Кишлакова Н.М.

**Принципы и подходы
 философии толерантности . . 96**

Масленникова И.Л.

В добрый путь, русский язык! . . 97

**Содержание журнала
 за 2014 г. 98**

PHILOSOPHY

*E.V. Zorina, D.Z. Muzashvili***Russia and Globalization: Problems of Value Transformation of Personal Consciousness . . . 4***V.V. Viktorov***The Dialogue of Cultural-Historical Communities 10**

POLITICAL SCIENCE

*V.V. Caftan***Financial-Economic Causes of Modern Terrorism 22**

HISTORY

*S.E. Tsvetkov***How Did the «Real» Twentieth Century (The 100th Anniversary of the First World War) 28***E.M. Skvortsova***Problems of Modernization in Russia: Experience of Historical and Economic Analysis 42**

SOCIOLOGY

*S.V. Ryazantsev, E.E. Pismennaya***Temporary Migration in Russia: the Conceptual Framework, Classification and Statistics 52**

PSYCHOLOGY

*M.A. Gagarina***The Influence of Beliefs about One's Debt Behavior on Decision-Making Process 58**

EDUCATION PROBLEMS

*V.A. Galichin***The University Sector of Higher Education: Organizational Forms and Development patterns 66**

LINGUODIDACTICS

*M.F. Matyavina, M.V. Korovushkina***G20 Model Simulation as a Type of Activity Aimed at Motivating the Students of Economics to Improve their Foreign Language Competencies 73**

AUTHOR'S VIEW

*N.A. Trusov, I.V. Bashelhanov, E.A. Kolmykova***Security Philosophy – Security Information and Energy 78***K.P. Kovalev-Sluchevskiy***The «Russian Idea» of a Repentant Nobleman. N.A. Berdyaev 84**

SCIENTIFIC LIFE

*Yu.I. Muzhichkova***From Crisis to Sustainable Well-Being 94***N.M. Kishlakova***Principles and Approaches of Philosophy of Tolerance 96***I.L. Maslennikova***Good luck, the Russian language! 97****Contents of the journal in 2014 98**

УДК 17.0221.1:008(045)

Россия и глобализация: проблемы ценностной трансформации сознания личности*

ЗОРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета. E-mail: zorel@bk.ru

МУЗАШВИЛИ ДИАНА ЗУРАБОВНА, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Финансового университета. E-mail: mdz1908@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются альтернативные сценарии трансформации сознания современного человека, противоречия глобальных и традиционных ценностей, совместимость ценностей западного и отечественного генезиса. Анализ таких альтернатив дает ответ на вопрос о границах изменения и перспективах движения внутреннего человеческого мира без угрозы его радикальной деконструкции. Ценностный код глобализующегося сообщества плюралистичен и эклектичен. Изменение качественных характеристик человеческого сознания обусловлено инновационными технологиями информационного порядка и формирующимися на этой основе порядками становления социальности неиерархического характера. Виртуализация сознания под влиянием тотальной экспансии сетевых технологий ведет к размыванию социальных статусов, инверсии социального и личностного, фрагментации самосознания, деформации ценностной идентичности и механизмов самоопределения. И, таким образом, кризис идентичности связан с процессом глобализации, реализующимся по западному сценарию.

Дается критический анализ взаимодействия информационных технологий западного генезиса с ценностями современной России с точки зрения расширения коммуникативной культуры. В секулярном обществе естественные социальные регуляторы перестают действовать эффективно. Современное российское общество, воспринимая ценности и идеалы западной демократии, сохраняет в системе ценностей контрсекулярные тенденции. В России традиционный ценностный код находится в переходном состоянии, подобно всему обществу. Он выражен в отсутствии социальной этики, причудливом сочетании религиозных и светских культурных идеалов и установок, в сохранении девиантных (квазианаучных, сектантских) форм сознания личности. Девиантные формы сознания (неомифология, мистицизм) дополнены фрустрационными тенденциями, «рыхлостью» национальной идеи, ростом феномена личного и социального одиночества.

В механизме культурной самоидентификации России присутствуют и традиция, и современность. Традиционные и глобальные ценности настолько переплетены в сознании общества, что их значения имеют «маску» «переходного периода» и компенсированы неустойчивым равновесием относительной деидеологизации. В условиях индустриализации, необходимости создания наукоемкой промышленности, потребностей инновационной экономики смысловые вопросы (цели исторического развития, справедливости, правды) для человека выступают неизменным ресурсом идентичности.

Ключевые слова: альтернативные сценарии развития; девиация; сетевое общество; трансформация сознания; фрустрация; ценности.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2014 г.

Russia and Globalization: Problems of Value Transformation of Personal Consciousness

ELENA V. ZORINA, Doctor of Philosophy, Professor of at the Department of «Philosophy» of the Financial University.
E-mail: zorel@bk.ru

DIANA Z. MUZASHVILI, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of «Philosophy» of the Financial University. E-mail: mdz1908@yandex.ru

Abstract. The article considers alternative scenarios of transformation of the consciousness of modern man, the contradictions of global and traditional values, the compatibility of the values of Western and domestic origin. The analysis of these alternatives gives the answer to the question about the boundaries of changes and prospects of the movement of the inner human world without the threat of radical deconstruction. Value code of the globalizing community is pluralistic and eclectic. Change in the qualitative characteristics of human consciousness is due to the innovative technologies of the information character and can be also attributed to the rules of formation of sociality of non-hierarchical nature formed on this basis. Virtualization of consciousness under the influence of the total expansion of networking technologies leads to the erosion of social status, the inversion of social and personal, fragmentation of self-consciousness, distortion of values, identity and mechanisms of self-determination. And, thus, the identity crisis is associated with the process of globalization, focused on the Western script. There is presented a critical analysis of the interaction of information technology of the Western Genesis with the values of modern Russia from the point of view of the expansion of the communicative culture. In a secular society the natural social regulators fail to act effectively. Modern Russian society, perceiving the values and ideals of Western democracy, keeps countersecular trends in the system of values. In Russia the traditional value code is in a transitional state, like the whole society. It is expressed in the absence of social ethics, a bizarre combination of religious and secular cultural ideals and attitudes in maintaining deviant (quasiscientific, sectarian) forms of personal consciousness. Deviant forms of consciousness (neomythology, mysticism) are supplemented by frustrating trends, the «looseness» of the national idea, the growth of the phenomenon of personal and social loneliness.

In the mechanism of the cultural identity of Russia there is a tradition, and modernity. Traditional and global values are so intertwined with social consciousness that their values bear a mask of «transition period» and are compensated by unstable equilibrium of relative deideologization. In conditions of industrialization, the need to create high-tech industry, requirements of innovative economy vital questions (historical development objectives, justice, truth) for humans are a constant resource of identity.

Keywords: alternative development scenarios; deviation; network society; the transformation of consciousness; frustration; values.

Анализ ценностной трансформации сознания личности по своей сути — это вопрос о границах изменения и перспективах движения внутреннего человеческого мира без угрозы его радикальной деконструкции.

Потеря и приобретение качественных характеристик человеческого сознания обусловлены инновационными технологиями информационного порядка и формирующимися на этой основе порядками становления социальности неиерархического характера. Эти факторы способны трансформировать привычные

механизмы самоопределения личности, ее потребности и интересы. В этой связи исследование механизмов и тенденций трансформации сознания — это проблема границ изменения внутреннего человеческого мира и перспектив идентичности без угрозы их радикальной деконструкции.

Компьютеризация — важнейший инструмент глобализма, воздействующий на идеальный план человека, поэтому виртуализация, замена реальных форм общения виртуальными выступает основным механизмом тотальной экспансии сетевых технологий в сознание.

Виртуализация размывает социальные статусы индивидов; «социальные институты, <...> теряя свою власть над индивидом, становятся образом, включаемым в игру» [1]. Именно здесь происходит незаметная инверсия социального и личностного. В глобальной среде формируются каскадные неиерархические ценности сетевого порядка. Каскады (социальные сети, мода, пиар-акции, рекламные «раскрутки» и т. п.) фрагментируют сознание личности, хотя и облегчают переход с одного компьютерного идеального образа-файла к другому, из одной культурной матрицы в другую. Эти феномены обладают свойствами неиерархической системности.

В отличие от них, традиционные ценности обнаруживают иерархическую системность, и по этой причине их порядок задается социально-этической парадигмой, представлениями о добре и зле, справедливости, жизни и смерти, смысле бытия личности, смысле истории народа и его предназначении. Можно утверждать, что ценностная система традиционного общества устойчива к «имплантатам» в том, разумеется, случае, когда ее ядро сохраняет историческую и этическую идентичность и не разрушено. Кризис человека и есть кризис идентичности. Во многом за кризис идентичности отвечает процесс глобализации, реализующийся по западному сценарию.

Человек с его неизбежной уникальностью, небесспорностью, алогичностью, нерациональностью растворяется, теряется в эпифеномене «человека глобального», становится по существу «Ё-человеком». На место сознания встают сеть, ячейка, на место общения — технологические структуры. Отсюда психологическая фрустрация общества, девиантные мировоззренческие ориентации массового сознания, падение престижа фундаментальной науки, гипертрофия симулякров информационного генезиса, «потеря неких неперменных черт социальности» [2]. «Точки сборки» сознания современного человека лежат в плоскости дихотомических цепочек, характеризующих сам процесс трансформации как противоречивый, двойственный, находящийся в стадии становления. К таким цепочкам можно отнести: традиционное — современное, идентичное — имплантированное, целостное — фрагментарное, реальное — виртуальное, ценностное — псевдоценностное,

теоретическое — повседневное. Характеристики сознания личности во многом обусловлены ценностной идентичностью. «Сдвиг» ценностей, по сути, и является «точкой сборки» в трансформации сознания.

Философия говорит о том, что современный «социальный цемент» — это не интересы, а ценности. Цивилизационные миры, ориентированные на этические, исторические и конфессиональные ценности, демонстрируют одну и ту же установку: западные инновации (глобальные технологии), свои культурные традиции. Если этические ценности (благо, добро, справедливость), отделившись от породивших их потребностей, — центр социального кода, то именно он сохранял до настоящего времени устойчивость социальных систем в целом. Немаловажную роль в этом играла и религиозная мотивация. В секулярном обществе естественные социальные регуляторы перестают действовать эффективно, но российское общество, превращаясь в светское, не превратилось в секулярное. Понимание ценностной нормативности религиозного сознания во многом служит источником и ресурсом поддержания целостности сознания личности в современной России, встраивающейся в мировой процесс глобализации. Ценностный код глобализующегося сообщества плюралистичен и эклектичен. В России традиционный ценностный код находится в переходном состоянии, подобно всему обществу, и выражен в отсутствии социальной этики, причудливом сочетании религиозных и светских культурных идеалов и установок, в сохранении девиантных (квазианаучных, сектантских) форм сознания личности. По этой причине в России есть и традиция, и современность, но их значения «стерты», поскольку замаскированы под «переходный период» и компенсированы неустойчивым равновесием относительной деидеологизации.

Американский социолог Р. Белл в середине XX в. писал о «современной ментальности», ядром которой он считал личный успех, гедонизм и личную ответственность. XXI в. существенно не изменил это ядро, добавив ценность коммуникации. Эти ценности по своему генезису и содержанию раскрывают усиливающуюся тенденцию к прагматизации сознания. «Ничего личного» — максима, которая по своему смыслу соотносима с технократическим типом

отношения к природной и социальной реальности: в ней слышен отзвук механистической парадигмы мировоззрения, сформированной культурой модерна в Европе XVII в.

Для прагматика уникально-личностное, патриотическое, нравственное измерения поступка нежелательны, поскольку они противостоят принципу объективизма, пользы, успеха. Но ведь в России механистическое мировоззрение никогда не обладало приоритетом. Сознание человека в России меньше всего напоминает «однофайловое», наоборот, «файлы» в нем раскрываются одновременно и структурируются немеханическим способом (например, научные ценности оказываются совместимыми с религиозными и даже паранаучными). Даже в условиях индустриализации, необходимости создания наукоемкой промышленности, потребностей инновационной экономики смысловые вопросы в сознании общества (цели исторического развития, справедливости, правды) оказывались тем неизменным ресурсом, который превышал прагматические потребности. В России без энтузиазма, без идеи невозможен экономический подъем, потому что он всегда коррелируется исторической спецификой сознания. Об этом говорит возвращение в социальную культуру патриотизма, религиозности, чувства коллективизма, осознание сомнительности либеральных ценностей.

Социальная ценность власти как коллектива топ-менеджеров входит в противоречие с историческим отношением национального сознания к самому смыслу ее, власти, существования. Глобальный «менеджеризм» плохо согласуется с уважением к субъектам власти, за исключением критики ее во все времена узкой группой интеллектуальной оппозиции. Оппозиционные настроения общества по отношению к власти, в какой бы форме она ни осуществлялась (император, генеральный секретарь, президент), всегда выполняли функцию ресурса развития как самой политической власти, так и общества в целом. Не следует, однако, путать оппозиционность и критичность: критика, даже самая сущностная, далеко не всегда оппозиционна, и у нее продуктивные, созидательные задачи. Оппозиция же, вырастающая из западного принципа универсализма демократии, чаще всего воспроизводит стереотипность демократических интересов — своих собственных.

Ценность демократического образа жизни несомненна, но ее редукция к одному лишь культурному контексту — западному русским человеком в России не опознается как «своя». Не случайно Президента России воспринимают не как менеджера, а как защитника Отечества. Доверие к нему — это доверие к своему прошлому и будущему, вера в великое будущее своего Отечества. Можно утверждать в этой связи, что личностные качества политического лидера в России значимы гораздо больше, чем стереотипы государственного топ-менеджера.

Связь путей трансформации сознания человека в России с ценностным сдвигом измеряется не только шкалой общезначимых, хотя в ценностном отношении небесспорных, приобретений (информационно-коммуникативные артефакты), но и развитием девиантных линий. Онтологическим фундаментом девиаций выступают две важнейшие «волны» социокультурных изменений в России последней четверти века — распад Советского Союза и приобщение к мировому сообществу и его ценностям. Третья волна — постглобальная культура — в своей перспективе еще больше изменит сценарии трансформации личности.

Девиантные ценности — это отклонение от общезначимого национально-исторически сложившегося культурного ядра; своеобразные идейные «вирусы», которые могут сосуществовать с традициями, но способны и разрушать их. Девиации такого плана можно определить как тенденцию к ремифологизации массового сознания. Ремифологизация обозначена главным образом поиском экзистенциальных ориентиров во «вненаучном знании» — сайентологии (дианетике), уфологии, астрологии, экстрасенсорике, парапсихологии, в неомистических (колдовских) практиках самого разного временного и культурного генезиса. Основным сценарий мифологизации сознания — это инверсия ценностей: утилитарное и возвышенное меняются местами. Если в веке XX неомифология вырастала из постсоветского «приступа» неограниченной свободы, то в XXI в. неомифология поддерживается не столько объективными факторами (освобождение от идеологических догм, потеря привычных статусов и т. п.), сколько виртуальными технологиями.

«Ветвление» («ризомность») неомифа, высокая степень его символической свободы по

сравнению с теологией, полихрония смыслов (инокультурных и эндогенных) в сочетании с культурно-историческим фоном их формирования и легитимацией массового сознания обусловили социальный запрос на девиантные формы. Всякий миф — это «образец оптимальной организации духовной среды, оружие совместного общественного выживания», образно-эмоциональный портрет эпохи [3]. Личностный и социальный уровни мифогенерации в условиях распада старых идеологем маркируют устойчивость восприятия массовым сознанием мифологической схемы как замещающей идеологемы. «Снятие» порчи и сглаза, «отмывание ауры», избавление от всех болезней, «наведение» успеха в бизнесе, заговоры, «привороты» и «отвороты» стали обыденной реальностью, поддерживаемой средствами массовой информации. Успех вненаучного знания у определенных социальных слоев обусловлен резонансным эффектом декларируемого антиутилитаризма, нерутинности представлений, «теплотой объединяющей тайны» (образ С. С. Аверинцева), визионерским характером русского интеллектуала, его ориентацией на идеальные ценности.

Мистицизм в своих новейших формах — явление неоднозначное и опасное для молодежи, не имеющей школы жизненного опыта и твердых убеждений. Опасность заключается прежде всего в том, что молодые люди попадают к харизматичному лидеру, исповедующему (часто под прикрытием конфессионального сознания) свои собственные взгляды и требующему безусловного подчинения.

Другой яркой чертой неомистических девиаций выступает коммерциализация мистического «обучающего процесса». Харизматичность лидера, отсутствие навыков критического мышления, коммерциализация являются предпосылками возникновения сектантского типа сознания. В свою очередь, он служит источником социальной легитимации глобальных сект, таких как сайентология, например сект, служащих чаще всего средством влияния иностранных держав на сознание россиян [4].

Показателен тот факт, что носители неомифологии, как правило, апеллируют к научному знанию как подтверждающему. Это новое явление отражает влияние на мифотворчество рациональных ценностей и секуляризацию

теологического мышления, освоение мистически ориентированным разумом ценностей науки и новых социальных идеалов, поиск таких форм выражения, которые могли бы адекватно выразить проблемные сектора, возникающие в духовной культуре общества.

Результатом критического анализа тенденций неомифологизации массового сознания выступают ее оценки феномена как «сознания эпохи кризиса» [5], «квазинаучной формы культуры» [6], «онаученного» мистицизма. Девиантная неомифология воспроизводит не только архаические элементы, но и способна выступить специфическим текстом, неким методом мышления, направленным на противостояние отчужденным от человека формам специализированной духовной культуры общества. Социальное измерение мифа, помимо фактора отчуждения личности от общества, массового сознания от научного, дополняется еще и постмодернистскими влияниями, которые, безусловно, не осознаются массовым сознанием, но в рамках философской оценки «укладываются» в контекст симулякра, мультикультурализма, борьбы личности против «оков» любой идеологии.

Социально-политическая и экономическая ситуация в России третьего тысячелетия обозначила рост социальной фрустрации со всеми ее негативными элементами — тревожностью, страхами, раздражительностью, усталостью, агрессивностью. Процессы глобализации не только не заглушили этих явлений, но и усилили их, декомпенсируя возможности сознательной адаптации. Различные исследователи и в различных дисциплинарных контекстах изучают тенденции и сценарии развития фрустрационных составляющих и в западном, и незападном обществе. Небезынтересно, что экономические потрясения не являются здесь единственным «сильным аргументом» фрустрации. Синергетическая методология, примененная к анализу социальных процессов, в том числе и трансформации сознания личности, помогает увидеть роль «слабых», иногда почти незаметных, факторов в росте «усталости» общества. Компенсационное сознание деградирует вместе с размыванием ценностного ядра личности, за которое отвечают в первую очередь духовно-культурные традиции, социальные идеалы. К числу фрустрационных факторов относится чувство

одинокости, девальвирующее успех, богатство, свободу личности. Глобальные информационные сети в силу своей виртуальной природы, создавая общий «фон» бесконечной доступности разнообразных и часто хаотических контактов, в лучшем случае являются медиаторами, а чаще всего «эрзацами» живого общения, дружеского и родственного участия и сострадания. Монитор не может заменить дружескую беседу. Ни один общественный, государственный, социальный институт, как бы гуманно он ни был устроен, сегодня не в состоянии реально решить проблему психологического одиночества современного человека.

Одиночество как продукт и ресурс социальной фрустрации имеет ярко выраженное аксиологическое и экзистенциальное основание. Тема одиночества в экзистенциальной философии в свое время указала на проблематизацию межличностных связей и процесс неуклонной трансформации коммуникативной природы человека [7–9].

Масштаб одиночества объективируется под воздействием внешней среды: созерцательность и замкнутость, ограниченность досуговой формы жизни, трудности семейного статуса, ненадежная дружеская сфера, психологические трудности в установлении общения формируют сознание человека одинокого.

Одиночество как самодостаточность и автономия субъекта отлична от одиночества, порожденного влиянием общества. Так, все чаще те, кто живет в больших городах, выбирают для себя одиночество как наиболее комфортный способ существования, обеспечивающий им свободу, независимость и возможность посвящать себя собственным целям. Ряды одиноких людей постоянно пополняются — об этом свидетельствуют статистика и социологические опросы. Но самое негативное в этой ситуации — то обстоятельство, что большинство одиноких людей находятся в детородном возрасте, и это создает угрозу демографической ситуации и основания для распространенного мнения о том, что общество «вырождается». Преодоление одиночества возможно только как сознательная работа над восстановлением диалога, живого контакта с людьми [10].

Глобальный сценарий развития сознания требует альтернативы. Для русской философии и культуры России в целом общинность

повседневной жизни (или коллективизм советского периода), понятой в духе соборности, духовного единения, являлась высшей ценностью личности, идентифицирующей себя с национальной культурой. Ценность индивидуализма как способа встраивания личности в систему общественных отношений, России исторически нерелевантна; отсюда явный дефицит творческих идей и гениальных произведений в искусстве.

Восстановление и сохранение ценностной субъектности в России имеет устойчивое основание только в отечественной тысячелетней традиции, но не в виртуализации духовного мира личности.

Литература

1. *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.
2. *Ядов В. А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов. [Электронный ресурс] URL: http://2001.isras.ru/Publication/Yadov/Arti_Yad.htm (дата обращения: 29.10.2014).
3. *Насонова Л. И.* Мифотворчество обыденного сознания // *Философские исследования*. 1993. № 3. С. 54.
4. *Калужская Е. В.* Современное сектантство как явление эпохи постмодерна: социально-философский анализ: автореф. ... канд. филос. наук. М., 2010. С. 14–15.
5. *Гуревич П. С.* Возрожден ли мистицизм? М., 1984.
6. *Найдыш В. М.* Квазинаука как форма духовной культуры / *Наука и квазинаучные формы культуры*, 1999. М.: Альфа-М, С. 12–22.
7. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм / *Сумерки богов*. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
8. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
9. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.
10. *Музашвили Д. З.* Фактор одиночества личности в современном обществе / *Человек в инновационном обществе* / Под общей ред. проф. М. А. Федотовой. М.: Финансовый университет, 2013. С. 181.

УДК 316.72(045)

Диалог культурно-исторических общностей

ВИКТОРОВ ВЯЧЕСЛАВ ВИКТОРОВИЧ, кандидат исторических наук, доцент, почетный профессор Финансового университета. E-mail: vvv1210@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает проблему придания развитию экономики России инновационного характера и ухода от ее традиционного характера, во многом связанного с остатками азиатского способа производства. Он подчеркивает, что правителями Древней Руси, Российской империи, СССР и постсоветской России неоднократно предпринимались попытки перехода на путь инноваций и рационализма. Однако в силу объективных и субъективных причин они не приводили к постоянному, желаемому и устойчивому результату.

Переходу на путь инноваций мешали заимствованные и прижившиеся в России черты управления, присущие Древнему Востоку, а позднее — Византии. Они обретали сначала восточнославянский и великорусский, а затем российский и советский традиционный характер. Менялся характер управления Россией, а традиционные черты, присущие российскому культурно-историческому типу, переходили из одного этапа его развития в другой.

По мнению автора, российской цивилизации по-прежнему присущи такие традиционные черты, как чувственно-созерцательное восприятие окружающего мира и реальной действительности, жизнь во имя Бога, Правителя и Государства, вера в справедливое решение вышестоящей властью всех вопросов и их слепое выполнение, склонность в политическом устройстве к единодержавию и т.д.

Без преодоления сохраняющихся традиционных черт Россия не избавится от негативных явлений в экономике, политике, культуре и менталитете людей. На рубеже XX–XXI столетий определились положительные тенденции, свидетельствующие о демократизации российской государственности, предпринимаются попытки перехода от традиционной к инновационной экономике. Однако главное, по мнению автора, заключается в том, чтобы принятые решения реализовывались правящими кругами, обществом, а главное — каждым гражданином. Для этого необходимо развивать демократические начала, добиваясь их добровольного восприятия большей частью населения, совершенствовать правовую культуру и продолжать равноправный диалог с другими мировыми культурно-историческими общностями.

Ключевые слова: авторитаризм; азиатский способ производства; бюрократия; диалог; инновации; культура; менталитет; прагматизм; рефлексия; реформирование; традиционализм.

The Dialogue of Cultural-Historical Communities

VYACHESLAV V. VIKTOROV, PhD in History, Professor, Honorary Professor of Financial University. E-mail: vvv1210@mail.ru

Abstract. The author considers the problem of making the development of Russia's economy innovative, abandoning its traditional character, largely associated with the remnants of the Asiatic mode of production. He emphasizes that the rulers of Ancient Russia, the Russian Empire, the USSR and post-Soviet Russia have repeatedly attempted to go on the path of innovation and rationalism. However, due to objective and subjective reasons, they did not lead to a permanent, desired and sustainable result.

Transition towards innovation was hampered by features of control inherent in the Ancient East, and later Byzantium that were borrowed and took root in Russia. They gained first East Slavic and great Russian, and then Soviet and Russian traditional character. The nature of management in Russia was changing, and the traditional characteristics of the Russian cultural-historical type, transferred from one stage of development to another.

According to the author, the Russian civilization is still characterized by traditional features such as sensuously contemplative perception of the world and reality, life in the name of God, the Ruler and the State, the belief in a just

decision of all questions by the higher authorities, and their obedient execution, the tendency to autocracy in the political system, etc.

Without overcoming the existing traditional features Russia will not get rid of the negative phenomena in the economy, politics, culture and mentality of people. At the turn of XX–XXI centuries there appeared positive trends indicating the democratization of Russian statehood, attempts are being made to transfer from traditional to innovative economy. But most important, according to the author, is the fact that the decisions should be implemented by the ruling circles of society, and also most significant – by every citizen. For this purpose it is necessary to develop democratic principles, seeking their voluntary perception of the majority of the population, improve the legal culture and continue equal dialogue with other world cultural and historical communities.

Key words: authoritarianism; the Asiatic mode of production; bureaucracy; dialogue; innovation; culture; mentality; pragmatism; reflection; reforming; traditionalism.

На протяжении столетий основой российской цивилизации был и ныне в значительной степени остается сохраняющийся принцип традиционализма. С одной стороны, он являлся гарантом стабильности и здорового консерватизма, с другой стороны, сдерживает новации и тем самым не содействует продвижению российской культурно-исторической общности по пути общественного прогресса. Как показывает практика последних десятилетий, стремление современного руководства придать развитию экономики России инновационный характер связано с немалыми трудностями и внедряется с большим трудом.

История России свидетельствует, что переход на путь инноваций, рационализма и прагматизма неоднократно предпринимался правителями империи, начиная с XVIII столетия. Но ни одна из этих попыток не была устойчивой и долговременной, не охватывала большинство населения и даже не поддерживалась всеми слоями правящего сословия. Уход из жизни правителя-реформатора вел к возвращению традиционной для России внутренней политики в сфере экономике, социальных отношений и культуры.

Это происходило в силу целого ряда причин, и одной из них было проведение преобразований сверху, без привлечения к их осуществлению широких кругов общества. Поэтому не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин высказал свою точку зрения о том, что «современной России необходима широкая общественная дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение» [1].

2014 г. объявлен в России «Годом культуры». По мнению В.В. Путина, он призван стать годом истинного просветительства, обращения к нашим культурным корням, к вопросам патриотизма, нравственности и морали. В Послании Федеральному Собранию Президент РФ заявил о том, что «мы знаем всеохватывающую, объединяющую роль культуры, истории, русского языка для нашего многонационального народа и с учетом этого должны выстраивать государственную политику...» [1].

Культура должна найти свое проявление в методах их проведения. Крайне важно, чтобы они не превращались в бесконечную череду наукообразных рассуждений без практических шагов, анализа сделанных как положительных, так и негативных шагов и корректировки практических планов.

Общеизвестно, что в конце XVII в., как и в начале XXI столетия, Россия не могла продолжать движение по прежнему пути, ведущему к стагнации, загниванию и гибели. В такой ситуации необходим приход к власти правителя-реформатора, понимающего сложность ситуации, потому что предстояло ломать устаревшие традиционные устои.

Для этого был необходим правитель, обладающий большой самодержавной или конституционной политической волей и властью, историческим видением настоящего и будущего, любящий Родину, наполненный чувством боли и ответственности за ее судьбу. Такой правитель дает первый толчок к проведению преобразований, невиданных по размаху и масштабам. Однако, реформируя Россию, один из великих ее преобразователей Петр Великий, например, проявил себя так же как личность, которой в известной степени было чуждо чувство бережного

отношения к полезным и жизненно необходимым традициям великорусской нации.

Первый русский император, опираясь на малочисленную группу российских сподвижников и на многочисленных иностранцев, проделал работу, изменившую судьбу страны. Он пытался вырвать с корнем традиционную старую и во многом отжившую систему. Это был тот редкий случай, когда с консервативными и отжившими традициями можно было покончить, используя самодержавную власть, при помощи которой можно их беспощадно ломать. Видимо, прав историк Н. И. Костомаров, писавший, что «только там, где самодержавие безгранично, смелый владыка может отважиться на ломку и перестройку всего государственного и общественного здания... Петру помогло более всего его самодержавие, унаследованное от предков» [2, с. 781]. В то же время нельзя насильственно насаждать новые явления, порой во многом чуждые российскому менталитету. Именно поэтому Петровские реформы не были близки русскому мужику — основе Российского государства.

Приобретенная Россией позитивная и негативная практика реформирования заслуживает глубокого изучения и осмысления. Накоплен огромный опыт, который необходимо знать, уметь оценивать и учитывать в практической работе. Эта оценка должна быть взвешенной и осмысленной, даваться без торопливости и боязни ошибиться, ибо боязнь и нерешительность могут привести к непредсказуемым последствиям. Чтобы побороть чувство неуверенности, необходимо уметь отделять главное от второстепенного, отбирать для оценки и использования действительно, общественно значимые события и явления. Конечно, при такой деятельности руководство России всегда подстерегали опасности.

Одними из них были и остаются поспешность, непоследовательность, порой нерешительность, желание быстро получить любой ценой положительный результат. Сегодня это проявляется в бесконечных декларациях и уговорах действовать. Отсюда складывается впечатление, что власти боятся допустить ошибку, хотя это и неизбежно в условиях масштабного реформирования, но в то же время считают принятые решения единственно правильными и непогрешимыми.

Принимая решение, как теоретики, так и практики должны помнить о необходимости уметь критически оценивать собственную деятельность и в случае необходимости своевременно признавать и исправлять допущенные ошибки. Именно правящая политическая и экономическая элита должна прежде всего самокритично подходить к оценке собственной деятельности, помня, что не все сделанное предшественниками подлежит неприятию, осуждению или непомерному восхвалению. Между тем только в XX столетии, как минимум, дважды руководители России совершали ошибки, отвергая сначала положительный дооктябрьский российский опыт, а потом также непродуманно и в спешке ломая советскую систему, отвергая и очерняя накопившийся опыт созидания.

Советская экономическая и политическая система, наряду со многими положительными сторонами, конечно, имела немало недостатков, которые, в конечном итоге, привели к ее гибели. Хотя следует отметить, что ее разрушение является результатом не столько объективных, сколько субъективных факторов. К числу последних можно отнести некомпетентность и субъективизм высшего руководства при принятии решений и оценке положения дел. Оно на протяжении многих лет фактически недооценивало роль материального фактора, не уделяло должного внимания удовлетворению возраставших материальных потребностей широких народных масс, допускало нарушения прав человека, использовало «телефонное право» при решении многих вопросов и т. д. Высшее советское руководство необдуманно расходовало огромные средства на военные цели.

Таким образом, исходя из накопленного исторического опыта, структурная и интеллектуальная элита, выстраивая модель современного развития России, должна знать и помнить об историческом опыте, учитывать его, прогнозируя будущее. При этом необходимо предусматривать различные возможные сценарии развития при продвижении к главной цели. Немецкий философ, психолог и культуролог К. Ясперс считал, что «свершение настоящего определяется и скрытым в нем будущим, ростки которого мы, принимая или отвергая, считаем своим» [3, с. 28].

Вывод Ясперса, видимо, будет актуальным до тех пор, пока на Земле существует общественная жизнь. Нельзя исключать такого варианта

развития, когда человечество наиболее последовательно будет следовать гипотезе Платона об управлении государством философами. Они, по его мнению, должны будут «принять на себя заботу о государстве, желают они того или нет (и государству придется их слушаться)» [4, с. 279].

К сожалению, крайне редко в мировой практике можно встретить правителей, использующих философские законы и категории, метод философской рефлексии. В данном случае мы встречаемся с одним из негативных последствий мировой современной системы образования, которая недооценивает роль и значение философского фактора при изучении прикладных дисциплин и их использовании в практической деятельности.

Обращаясь к истории развития российской цивилизации, постоянно наталкиваешься на комплекс нерешенных проблем, незавершенность начинавшихся процессов ее модернизации. Так, не были завершены реформы, начатые Иваном Грозным. Начавшееся реформирование России Петром Великим после смерти первого российского императора было остановлено. Попытки модернизации Российской империи Екатериной II не были поддержаны и продолжены Павлом I. Реформы Александра I были остановлены им самим, а их идеолог М. М. Сперанский удален из Петербурга. Александр II осуществил и подготовил ряд важнейших реформ, но с его гибелью наступила эпоха контрреформ и т.д.

Необходимо отметить, что попытки модернизации России и даже частично осуществленные реформы понемногу, как правило, давали свои результаты, и империя успевала сделать шаг вперед по пути общественного прогресса. Причины, которые тормозили или даже срывали реформирование России, были самые различные: отношение к их проведению верхов и низов, система власти, менталитет народа и т.д. Но основная причина срывов процессов модернизации российской цивилизации, по нашему мнению, продолжает лежать в российском традиционализме, основой которого являлся «азиатский способ производства».

Почему современным руководителям России и российской элите необходимо помнить об «азиатском способе производства» и алгоритмах его проявления? *Во-первых*, императорская, советская и постсоветская системы

власти унаследовали многие черты управления государством и обществом, заимствованные у древневосточных и византийской цивилизаций. Еще В. О. Ключевский писал, что «исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа положила на нее особенности и влияния, которые влекли ее к Азии или в нее влекли Азию» [5, с. 65].

Россия оказалась между самобытным, но застойным Востоком и прагматичным Западом. Многие элементы «азиатского способа производства» пришли на Русь от ближайших соседей — Великой степи и из Византийской империи вместе с православием, а та их унаследовала от древнеегипетской цивилизации [6]. В то же время нельзя отрицать влияние западнохристианской цивилизации. Диалог цивилизаций был перманентным, имел прогрессивный и регрессивный характер, был порой равноправным и уважительным. Однако Запад нередко пытался поучать Россию, считая ее варварской страной, навязывать свое видение мира. Вновь это нашло свое проявление в санкциях против России в 2014 г.

Таким образом, российский культурно-исторический тип не замыкался в себе, а вел диалог с Западом и Востоком, многое от них воспринял и использовал. Однако воспринятый опыт не всегда вел к положительным последствиям для страны и ее народов.

Во-вторых, не без влияния некоторых алгоритмов «азиатского способа производства» сформировался менталитет народов России, и в первую очередь русского народа, что должна учитывать в своей практической работе современная правящая элита. Одни алгоритмы «азиатского способа производства» отжили, другие сохраняются до настоящего времени, в том числе продолжают жить на подсознательном уровне российских этносов, постоянно напоминая о себе, вплоть до сегодняшнего дня.

Хорошо известно, что характерными чертами древневосточных цивилизаций оставались деспотическая (единоличная) верховная власть, система учета и контроля в экономике, значительный бюрократический аппарат, сельская община, чувственно-мифологическое восприятие мира и т.д. Весь тот уклад в экономической

и общественно-политической жизни К. Маркс назвал «азиатским способом производства».

На протяжении тысячелетий институт сельской общины оставался характерной и незыблемой основой культурно-исторической общности Древнего Востока. При всем своем разнообразии община обладала некими едиными и общими для нее чертами. В ее особенностях К. Маркс увидел основу для существования азиатского деспотизма. Она, по его мнению, оставалась неизменной на протяжении столетий, а застывший механизм ее функционирования стал традиционной формой существования сельского хозяйства, являвшегося основой экономики древневосточных цивилизаций.

При рассмотрении этого феномена весьма уместна параллель с российской сельской общиной, разрушение которой было начато только после поражения революции 1905–1907 гг. по инициативе П.А. Столыпина потому, что он увидел в ней тормоз, мешавший развитию России. Однако при всей энергии российского реформатора русская сельская община в основном дожила до революций 1917 г. и легла, по нашему мнению, в основание созданной советской кооперативно-колхозной системы.

Практически на всех этапах развития российской культурно-исторической общности можно обнаружить немало черт, похожих на древнеегипетскую и византийскую системы. Так, в Древнем Египте сложилась жестко отлаженная система учета, контроля и перераспределения произведенной сельскохозяйственной и ремесленной продукции, являвшаяся важнейшим элементом управления древнеегипетским государством. В древнеегипетской цивилизации она была прагматичной, рациональной, обладала сакральным характером, ее функционирование обеспечивали специально выделенные для этого чиновники.

О месте и роли чиновников свидетельствуют дошедшие до нашего времени изображения древнеегипетского писца, что уже само по себе является свидетельством его авторитета. Они действительно занимали почетное место в социальной структуре древнеегипетского общества. Эта должность считалась почетной и уважаемой, поскольку писцы входили в привилегированную элиту общества. Они осуществляли учет и контроль, для чего должны были обладать экономическими, математическими, инженерными

и другими знаниями. До нас дошли слова древнеегипетского автора, написавшего, что мудрые писцы «оставили свое наследство в писаниях, поучениях, сделанных ими» и «память о том, кто написал их, вечна» [7, с. 102, 103].

Ряд черт древнеегипетской цивилизации был повторен советской системой: создание грандиозных промышленных, сельскохозяйственных и культурных объектов, система учета, контроля и перераспределения произведенной продукции, использование подневольного труда заключенных и т.д. В СССР была осуществлена коллективизация, которая повернула сельское хозяйство в сторону давно отживших традиций русской общины (коллективная ответственность перед государством за положение дел на местах, обязательная сдача значительной части сельскохозяйственной продукции государству, прикрепление колхозника к месту проживания в силу установленных трудностей по получению паспорта и т.д.).

В СССР непомерно высокой была роль аппарата управления в центре и на местах, сверху осуществлялась жесткая система учета и перераспределения произведенной продукции и полученной прибыли без участия непосредственных производителей. Неконтролируемой со стороны советского гражданского общества была деятельность чиновников всех уровней управления, которые зачастую руководствовались в своей работе не государственными законами, а постановлениями и указаниями центральных и местных партийных органов КПСС и т.д.

Создается впечатление, что советская система учета, контроля, нормирования и распределения произведенной продукции в определенной степени копировала древнеегипетскую систему. В советскую эпоху роль высшего контролера выполняло Политбюро ЦК КПСС, без согласования с которым не принималось ни одного принципиального решения. Этот же высший политический орган через мощный партийный аппарат осуществлял контроль в центре и на местах за выполнением принятых решений. Для этого значительной части первичных партийных организаций в соответствии с Уставом КПСС и специальной инструкцией было предоставлено право осуществления контроля над хозяйственной деятельностью администрации.

В Советском Союзе все созданные и добытые ресурсы распределялись государством по

существовавшим структурам (конечно, их не могло быть в Древнем Египте), доводились до министерств, ведомств, общественных и иных структур, до союзных и республиканских организаций. Часть ресурсов закладывалась в государственный резерв, использование которого было возможно только в исключительных случаях по решению высшего политического органа — Политбюро ЦК КПСС. Всем государственным и общественным структурам в соответствии с пятилетним планом выделялись средства и соответствующие им фонды, которые можно было получить через Госнаб СССР.

При существовавшей советской системе производитель не являлся полновластным распорядителем произведенной продукции и полученной прибыли. Поскольку продукция создавалась на предприятиях государственной, кооперативно-колхозной собственности или собственности общественных организаций, то и рассматривалась как принадлежащая государству или руководящим органам общественных структур. После уплаты налогов промышленные, строительные, транспортные, сельскохозяйственные и иные структуры могли использовать полученную прибыль в соответствии с пятилетним планом и существовавшими нормативами.

Россия унаследовала от древневосточных общностей и византийской цивилизации, систему управления государством. Самодержавная государственность — это модель российской власти, вобравшая в себя опыт древневосточных деспотий. Самодержавие достигло теоретического и практического апогея в Византийской империи и получило развитие в Древней Руси. В Византии император объединял функции «царя-первосвященника» и земного владыки. Эта формула означала, что сопротивление византийскому императору рассматривалось как неподчинение Богу. Может быть, именно поэтому киевскому князю Владимиру импонировала идея освящения верховной светской власти православной церковью, придания ей сакрального характера, признания ее независимости от православных церковных институтов. Крещение Руси и возведение православия в ранг государственной религии означало принятие идеи самодержавной власти и монархии как формы государственного устройства.

Византия принесла на Киевскую Русь точный образ государя как верховного владыки,

отличный от образа, сформированного в западнохристианской цивилизации. Киевский князь, великий князь Владимирский или Московский, а позднее царь Древней Руси и император России как помазанник Божий, царствующий Божьей милостью, был независим не только от православной церкви, но и от народа. Власть государя ограничивалась только сверху — Господом Богом. Но, будучи отцом и владыкой народа, светский владыка оставался сыном православной церкви.

От Византии в Россию пришли авторитаризм и персонификация власти правителя. Со времен Киевской Руси правители Российского государства, с одной стороны, пользовались покровительством Православной церкви (за исключением советского периода), которая обожествляла их власть. С другой стороны, они стремились к авторитарному правлению. Эти черты прослеживались уже у киевских князей Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и др. Раздробленность Руси несколько ослабила тенденцию персонализации княжеской власти. Хотя не только великие Владимиро-Суздальские князья по-прежнему на нее претендовали. Она прослеживалась у Александра Невского, Тверских и Московских князей.

В XV в. произошли события, оказавшие огромное влияние на дальнейшее развитие Древней Руси и России. Если в X в. православие принесло идею сакрализации главы государства, то в XV столетии с участием православных иерархов был заложен фундамент будущей Российской империи и самодержавной власти. После знаменитого стояния на реке Угре в 1480 г. еще больше вырос авторитет великого князя Московского. Вершиной персонализированной великокняжеской власти стало правление Ивана III и Василия III. Православное Русское государство становится воспреемницей «Второго Рима», а Иван III принял даже в качестве официального символа Руси герб Византии — двуглавого орла, соединив его на своей печати с Московским символом — всадником, поражающим дракона, с надписью: «Великий Князь, Божию милостию Господарь всея Руси», таким образом утвердив единоначалие и став «первым, истинным Самодержцем России, заставив благоговеть перед собою Вельмож и народ, восхищая милостию, ужасая гневом, отменив частные права, несогласные с полновластием Венценосца... Сделался как бы земным Богом для Россиян» [8, с. 211, 212].

В памятниках древнерусской литературы второй половины XV столетия проходит идея возвышения личной власти великого князя, с XVI в. — царя. Он почитался как благоверный и христолюбивый, благородный и Богом венчанный, утвержденный, «в благочестии во всех концах вселенной воссиявшему, самому среди царей пресветлейшему и преславному государю нашему всея Руси», «государя нашего великого князя Ивана Васильевича всея Руси», «великому страны Русской христианскому царю» [9, с. 523, 531, 541].

Идея абсолютной власти, до конца не осуществленная Иваном IV, продолжала жить, и была подхвачена царями династии Романовых. Первому царю из династии Романовых первоначально было не до восстановления самодержавной власти, каковой она была при последних Рюриковичах. Социально-политическая и экономическая ситуация в стране была крайне сложной. Польша и Швеция воевали с Россией, причем не только из желания захватить часть исконно русских земель, а претендуя на московский престол. Многие города, включая Москву, были сожжены или разорены, крестьяне не имели даже возможности убрать урожай и нередко нищенствовали, в казну деньги практически не поступали, а посему она была пустой.

В этих условиях те, кому доверялось местное управление и осуществление правосудия от имени государя, сами во имя собственного благополучия и получения наживы грабили и притесняли подвластных им людей, забывая о чести и законности. При этом правители России укрепляли самодержавные начала в управлении огромной империей.

Царь Алексей Михайлович не только дорожил своей царской властью, но и подчеркивал свое самодержавное достоинство, «тешился своими громкими титулами и за них готов был проливать кровь. Малейшее случайное несоблюдение правильности титулов считалось важным уголовным преступлением» [10, с. 101].

По свидетельству современников, Алексей Михайлович был «самодержавнее» отца, Михаила Федоровича. Адам Олеарий писал: «Царь заботится, как это понятно, о своем величии и следит за правами величества, как делают это другие монархи и абсолютные государи. А именно: он не подчинен законам и может, по мысли своей и по желанию, издавать и устанавливать

законы и приказы. Эти последние все, какого бы качества они не были, принимаются и исполняются без противоречий и даже с тем же послушанием, как если бы они были даны самим Богом» [11, с. 356–357].

Соборное уложение 1649 г. впервые узаконило права государственной власти. В Уложении говорилось о наказании за измену, организацию заговора против государя, бесчинства, совершаемые на государевом дворе. Еще во времена царствования Михаила Федоровича появилась система политического сыска, именовавшаяся «слово и дело государево». Достаточно было произнести эти слова, чтобы человека, их сказавшего, выслушали и начали розыск, если вопрос касался оскорбления царской особы. Причем каждый подданный под страхом смерти был обязан донести об известных ему умыслах против царя или членов его семьи, оскорблении царского имени и титула, государственной измене.

В 1654 г. была создана собственная канцелярия царя — Приказ тайных дел, контролировавший деятельность государственных учреждений, ведавший делами о политических преступлениях и положивший начало тайной государственной службе, к которой допускались особо доверенные царю лица. Помня о мятежах, изменах, народных восстаниях (а их в годы правления Алексея Михайловича было достаточно много), царь стал реже являться народу, ездить в сопровождении вооруженной охраны. Под постоянной охраной находилось царское жилище. В большом ходу были доносы, а по стране процветало шпионство, в котором принимали участие дворяне и подьячие.

Таким образом, персона царя ограждалась уже не только авторитетом Православной церкви и силой закона, а также специальной службой. В советский и постсоветский периоды специальные службы, занимавшиеся охраной высшей государственной власти, оставались не менее значимыми институтами. Алексей Михайлович вплотную подошел к созданию тоталитарной системы, возникновение и упрочение которой российские ученые связывают с советским этапом российской цивилизации.

Между тем на протяжении столетий сначала в идеологии великокняжеской и царской Древней Руси, а затем императорской России выкристаллизовывалась формула, олицетворявшая

единство самодержавной власти и Православной церкви. Окончательно она будет сформулирована в годы правления Николая I в виде доктрины «Православие. Самодержавие. Народность». В середине XIX столетия, когда Запад содрогался от европейских революций, только Российская империя продолжала стоять незыблемо на позициях российского традиционализма.

«Вы думаете, быть может, что нам угрожает революция на манер западноевропейских, — вопрошал П. Я. Чаадаев, — успокойтесь, слава Богу, не к этому идет дело. Исходные точки у западного мира и у нас были слишком различны, чтобы мы когда-либо могли прийти к одинаковым результатам. К тому же в русском народе есть что-то неотвратимо неподвижное, безнадежно нерушимое, а именно его полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет... Установленная власть для него священна... Всякий государь, каков бы он ни был, для него батюшка» [12, с. 200, 201]. Батюшками народ называл и великих князей, и царей, и императоров. Таково было его традиционное отношение к правителям. Россия унаследовала от древневосточных и византийской цивилизаций роль и всеислие государственного аппарата, полное отсутствие контроля за его деятельностью со стороны общества. Эта традиционная черта прослеживается уже с раннего периода российской государственности. Однако после разгрома восстания декабристов Николай I четко уяснил основную задачу своего царствования — сохранять и укреплять существующий строй. По его мнению, для осуществления этой задачи следовало всего лишь навести порядок, отладить работу самодержавно-бюрократического механизма так, чтобы он действовал без перебоев, служил интересам правящей династии. И цели, казалось бы, ставились благородные: изжить всякую непоследовательность в организации системы управления, придать ей стройность и целесообразность, покончить со злоупотреблениями, добиться на всех уровнях максимальной исполнительности. Однако созданный механизм быстро обюрократился и стал работать прежде всего на себя.

В царствование Николая I сформировалась российская административно-бюрократическая система, которую скопировала советская административно-командная система, возникшая не на пустом месте. По наблюдениям А. де Кюстина,

в управлении Россией царь опирался на дворянство и чиновничество. В имениях роль деревенских самодержцев выполняли помещики, смеявшиеся над взяточничеством в правительстве, но позволявшие себе всевозможные злоупотребления, «потому что всеобщее взяточничество сводит на нет местные власти» [13, с. 268]. По мнению французского маркиза, Россией управлял класс чиновников, прямо со школьной скамьи занимавший административные должности и распоряжавшийся часто наперекор воле монарха. Французский аристократ писал, что чиновники, ставшие дворянами, на словах были сторонниками всяких новшеств, а на деле деспотами из деспотов, использовавшими свои помещичьи права с невероятной жестокостью, делающей их объектом проклятий несчастных крестьян.

Наивно полагать, что советская административно-бюрократическая система — плод, взращенный большевиками, результат сталинской эпохи или плод застойных лет социализма. Первый глава советского правительства России В. И. Ленин предупреждал, что «дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать, отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито» [14, с. 390]. Он писал: «Вся работа всех хозорганов страдает у нас больше всего бюрократизмом. Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это» [15, с. 180].

Пришедшие к власти демократы «новой волны» после распада СССР очень быстро попали в те же российские бюрократические сети, в которых оказалась еще молодая советская власть. Бессистемность преобразований привела к системному кризису. «Под видом прощания с тоталитаризмом сокрушена была не советская — русская история... Русский народ — основатель и стержень российской государственности — был насильственно расчленен... Россия оказалась в конце XX века на перепутье, напоминающем ее судьбу в начале столетия» [16, с. 11–13].

Однако никакого «прощания с тоталитаризмом» не произошло. И императорская, и советская тоталитарные системы не были сокрушены, а только обрели несколько иные формы. В постсоветской России она сохранилась, прикрытая

фиговым листочком демократии, изобретенной в воспаленных головах современных российских либеральных демократов. Новой тоталитарной власти был придан псевдодемократический вид, до сих пор прикрываемый Конституцией Российской Федерации 1993 г. Однако при сохраняющемся менталитете народов России и обширности территории отдельные элементы тоталитарной власти необходимы для управления таким огромным государством.

Еще одна проблема, унаследованная от древневосточных общностей и византийской цивилизации и тесно связанная с характером власти и ее единением с Русской православной церковью (РПЦ), — сакрализация образа правителя России. Идея сакрального образа русского великого князя, царя и российского императора сохранялась вплоть до начала XX столетия. Об этом свидетельствует восприятие образа обожаемого монарха в многочисленных воспоминаниях, оставленных государственными и общественными деятелями, не говоря уже о газетных и журнальных публикациях консервативной ориентации. В них они продолжают представлять обожествленными при жизни личностями, способными вершить судьбами не только России, но и мира.

С падением российской императорской власти идея персонализации личной власти не исчезает у руководителей советского государства. Именно с ней связано появление личной, а по сути дела, единоличной (самодержавной) власти И.В. Сталина. В советский период идея персональной власти сохранилась, прикрываемая безответственностью перед народом. Это было характерно для управления страной, руководители которой избирались государственной и однопартийной (коммунистической) структурами — от председателя СНК РСФСР, первых и генеральных секретарей ЦК КПСС. Тем не менее их личная власть, хотя и выборная, была практически ничем не ограничена. Первое лицо в СССР через могущественный партийный аппарат становилось полновластным хозяином в стране.

Несмотря на «дозированную» критику, осмоторительность и осторожность партийных и советских функционеров, их могли подстерегать самые непредвиденные неприятности, спастись от которых было крайне трудно. Хотя партийно-советская система власти как императорская

русская власть ограждала от них свою бюрократию, но не прощала ей ошибок и просчетов, которые могли нанести ей вред. Попытки не замечать в работе собственных недостатков и просчетов подтачивало мощную и организованную систему властных структур. Это очень хорошо понимало руководство ЦК КПСС. Поэтому оно имело свой карательный орган — Комиссию партийного контроля. Тем не менее первые в партийной иерархии избранные лица всех различных уровней чувствовали свою достаточную защищенность сверху, что нередко позволяло им проводить политику самого настоящего самодержавного произвола.

На страже охраны советско-партийной системы и ее интересов стояли правящая элита и мощный партийный и государственный аппарат, который держал под своим контролем все структуры. Негативным явлением стала бесконтрольность значительного числа руководителей перед народом, поскольку они были под защитой Системы (Политбюро, Секретариата ЦК КПСС, Совета Министров, широко используемого «телефонного» права и т.д.). После начавшейся в 1985 г. перестройки попытки реформирования Системы со стороны Съезда народных депутатов и XIX Всесоюзной конференции КПСС не были поддержаны значительной частью правящей элиты. И даже после событий лета 1991 г. бывшая советская элита, быстро переодевшись в псевдодемократические одежды, устояла, хотя советской системе был нанесен смертельный удар.

Нельзя назвать случайностью, что Конституция Российской Федерации, принятая в декабре 1993 г., предоставила Президенту России неограниченные полномочия (ими обладали только древневосточные и византийские правители, российские цари и императоры). Поэтому принятая Конституция создала реальные возможности для установления личной и никем не контролируемой власти. Сам Б.Н. Ельцин, будучи харизматичным правителем, считал себя подконтрольным только Господу Богу. Что касается ритуала вступления в должность Президента России, то он до настоящего времени немногим уступает по пышности коронациям российских императоров.

Большим препятствием для установления подлинной в советском и российском обществе был и остается культ личности правителей

России, который в силу своей традиционности никогда не преодолевался. Он, конечно, несравним с культом личности И. В. Сталина и Б. Н. Ельцина, с попытками сформировать культ личности Первых и Генеральных секретарей ЦК КПСС. Но он не мог быть сформирован только усилиями бюрократического аппарата и средств массовой информации. Культ формировали, и дело было только за харизматичной личностью, которую правящая элита выдвинуть не могла. Устои российской самодержавной власти продолжают сохраняться благодаря своеобразному российскому менталитету, который пока не может существовать без надежды на сильную личность и его личную персональную власть.

На протяжении советского и постсоветского периодов развития российской культурно-исторической общности сохранению культа личности во многом содействовали бюрократический аппарат и средства массовой информации, верные и проверенные помощники правящей элиты и верховной власти. Оба эти инструмента теряют свое всеисие только в условиях полной демократии и власти закона, сильного гражданского общества, которые придут на смену волюнтаризму, коррупционности и засилью бюрократии. До тех пор пока законы будут рождаться в недрах аппаратных структур, будет существовать многовековая российская система власти, охраняемая и ограждаемая бюрократией и СМИ, и они будут служить верой и правдой друг другу. Создатели законов (от бюрократов до депутатов) не пойдут на самоуничтожение, а сами депутаты будут продолжать быстро обкраиваться.

Таким образом, культ личности никогда в Советском Союзе не преодолевался как типично российское явление. Он всякий раз возрождался с появлением очередного советского или российского «правителя», меняя только оттенки и проявляя различную степень «кровожадности». Так, после победы Февральской революции довольно быстро сформировался культ личности А. Ф. Керенского, после Октябрьской революции была возможность формирования культа личности лидера РКП (б) В. И. Ленина, когда, несмотря на его отрицательное отношение к единоличной власти, он стал знаковой фигурой, приобретшей сакральный характер. До сих пор еще никто не осмелился подсчитать, сколько жизней унес

переход от социализма к капитализму, от советской системы уравнилельного распределения к рыночной системе вседозволенности «новых русских» и коррупционной бюрократии.

Самым ярко выраженным самодержавным советским государственным и партийным руководителем с византийско-древнеегипетскими чертами был И. В. Сталин. С одной стороны, следует отдать ему должное, поскольку в XX столетии он оказался единственным советским правителем, стремившимся к повышению роли и авторитета страны на международной арене. С другой стороны, методы достижения поставленных им целей были аналогичны тоталитарным действиям Ивана IV или Петра I, кровавы и неприемлемы для утверждения подлинной российской демократии. Даже в условиях частичного возвращения к сталинским методам подавления личности нельзя будет сформировать гражданское общество, которое возможно только в условиях реальной демократии.

И в то же время стоит задуматься над проблемой восприятия широкими народными массами роли тоталитарного правителя в России. Только трем российским правителям (Киевскому великому князю Владимиру, Петру Великому и И. В. Сталину) удалось модернизировать российскую цивилизацию и вывести ее на ведущие позиции в мире. Хотя цель не всегда оправдывала средства. Однако их преемники не были такими же сильными личностями и «промаывали» достигнутые результаты. Примером тому может послужить последний советский партийный и государственный лидер М. С. Горбачев, приведший к гибели Советский Союз, являвшийся прямым наследником Российской империи.

Пожалуй, Екатерине Великой и Александру II удалось частично осуществить модернизацию российской цивилизации. При этом если бы не трагическая гибель Александра II, Россия могла бы стать одним из демократических мировых государств с развитым гражданским обществом. Но, к сожалению, российским самодержцам, имевшим намерение реформировать империю, как и советским и постсоветским лидерам России, не хватило и не хватает последовательности, глубины замыслов и стремления к достижению поставленных целей, каковыми обладали Киевский великий князь Владимир, Петр Великий и И. В. Сталин. Хотя ни в коем случае нельзя

идеализировать методы их деятельности, поскольку они все-таки носили сословно-классовый характер.

В конце 2008 г. на Центральном телевидении проведена акция «Имя России». Первые три места с небольшим разрывом заняли три правителя с ярко выраженными тоталитарными чертами — Александр Невский (получил в поддержку 524 575 голосов), П.А. Столыпин (523 766 голосов), И.В. Сталин (519 071 голос). Но стоит обратить внимание и на такой факт: народ поставил Сталина на 3-е место, жюри — на 10-е, несмотря на то что телеведущий и большинство членов жюри вылили на И.В. Сталина и В.И. Ленина огромные ушата грязи. Это говорит только о субъективном подходе большинства присяжных заседателей во главе с Н.С. Михалковым, точка зрения которых оказалась диаметрально противоположной позиции широких народных масс. В одном Михалков, как представляется, оказался прав: результаты голосования должны заставить задуматься.

На рубеже XX–XXI столетий определились положительные тенденции, свидетельствующие о демократизации российской государственности, попытках перехода от традиционной к инновационной экономике. После распада СССР Россию «раздирали сложные социальные конфликты, партийные и идеологические противоречия» [1], а безопасности и целостности страны угрожал сепаратизм. С начала XXI столетия в стране начало постепенно меняться к лучшему положение народных масс. Постепенно развязываются сложные социально-экономические и политические узлы, преодолевается спад производства, увеличиваются реальные доходы населения. Хотя пока трудно предположить негативные последствия начавшегося во второй половине 2008 г. международного финансово-экономического кризиса.

Вместе с тем не следует преждевременно преувеличивать успехи в развитии России. Видимо, стоит прислушаться к доводам В.В. Путина, который предостерег от возможной эйфории, заявив, что мы находимся только в начале трудного пути к подлинному возрождению страны. По его мнению, предстоит решить комплекс задач: «Это — формирование дееспособного гражданского общества. Это — строительство эффективного государства, обеспечивающего безопасность

и достойную жизнь людей. Это — становление свободного и социально ответственного предпринимательства. Это — борьба с коррупцией и терроризмом, модернизация Вооруженных сил и правоохранительных органов. Это, наконец, значимое укрепление роли России в международных делах» [1].

Последние два президента России проявляют себя приверженцами модернизации российской культурно-исторической общности. Но для формирования зрелого гражданского дееспособного общества, построения государственной системы, обеспечивающей безопасность и достойную жизнь людей, становления свободного и социально ответственного предпринимательства, необходимо не только желание «верхов», но и активное и осмысленное участие «низов». Для этого необходимо преодоление разрухи не столько в экономике, политике и культуре, сколько в головах людей.

В советский период была создана мощная материально-техническая база, декларированы права и свободы, нарушаемые существовавшей системой. Но, как показала последующая практика, нельзя сказать, что было сформировано новое отношение к труду и выполнению гражданских обязанностей. В экстремальные для СССР годы проявлялись лучшие человеческие качества — патриотизм, жертвенная готовность и бесстрашие во имя Родины, высокая производительность труда, рационализм и прагматизм и т.д. Но стоит только выйти из трудной ситуации, как в обществе преобладающими становились исконно традиционные российские черты — мифотворчество и идолопоклонство, вера в исключительную правоту власти и т.д., т.е. проявлялся рецидив «азиатского способа производства».

Можно провозглашать любые права и свободы, но они должны быть реальными и осуществимыми для каждого человека. Для того чтобы каждый гражданин мог стать политически независимым, он должен прежде всего стать независимым экономически. Санкции, которые уже наложены на Россию западным сообществом и США, говорят только об одном: они не являются опасной угрозой для стран с развитой экономикой и национальной идеей. Конечно, любые санкции — острое оружие, от которого страдают обе стороны, о чем свидетельствует мировой опыт.

России нужен комплекс преобразований, которые должны привести к постепенному уходу от негативных явлений прошлых столетий. Президент постоянно призывает к осуществлению преобразований. Он не скрывает, что «проведение преобразований затянулось, и затянулось недопустимо. В результате люди, потребители услуг, кардинальных изменений не чувствуют. Мы выделяем огромные ресурсы, но если не проводить реформы, вместо качества будут расти только неэффективные расходы, раздуваться управленческий аппарат, что и происходит часто на практике. Обращаю на это внимание и федеральных органов власти, и руководителей регионов Российской Федерации» [1].

Сказать, что за последнее десятилетие ничего не делалось, нельзя, хотя бы потому, что по объемам ВВП Россия входит в пятерку крупнейших экономик мира. Однако сказывается старый российский недостаток: «... по такому ключевому показателю, как производительность труда, мы отстаем от ведущих стран в два-три раза» [1]. Этот недостаток необходимо преодолевать системной эволюционной работой, а не «форсированно», как предлагает Президент. Он совершенно правильно ставит задачу использования при этом новых, по его мнению, факторов развития: «высокое качество профессионального образования и гибкий рынок труда, благоприятный инвестиционный климат и современные технологии» [1]. На самом деле, они не являются новыми, а использовались как в императорской России, так и в СССР.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 года Президент называет и другие не менее важные факторы, которые будут способствовать инновационному развитию страны, переходу на более высокий уровень развития перспективных направлений науки и техники. Поставлены задачи освобождения экономики от устаревших, неэффективных, вредных технологий, введения новых профессиональных стандартов, обновления всей системы высшего образования с использованием опыта лучших вузов, подготовки выпускников, востребованных на рынке труда, с тем чтобы экономика и общество получили реальную отдачу, и т.д.

Самое главное заключается в том, чтобы принятые решения реализовывались правящими кругами, обществом и каждым гражданином.

Необходимо развивать демократические начала, добиваясь их добровольного восприятия большей частью населения, совершенствовать правовую культуру. Это возможно при опоре на лучшие традиции российского народа с использованием самых современных идей и эффективных способов развития. И, конечно, необходимо совершенствовать равноправный диалог всех мировых культурно-исторических общностей.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 31.10.2014).
2. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 кн. Кн. III. Выпуски шестой и седьмой. Репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. М., 1992. 1236 с.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.
4. Платон. Соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 3. 657 с.
5. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Ч. 1. М., 1987. Т. I. 431 с.
6. Культ личности в России: попытка осмысления. М.: ИНФРА-М, 2012. 207 с.
7. Поэзия и проза Древнего Востока / Библиотека всемирной литературы. М., 1973. Т. 1. 735 с.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. М., 1998. Т. VI. 468 с.
9. Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982. 688 с.
10. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 кн. Кн. II. Выпуски четвертый и пятый. Репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. М., 1991. 538 с.
11. Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. 544 с.
12. Чаадаев П.Я. Соч. М., 1989. 656 с.
13. Кюстин де А. Николаевская Россия: пер. с фр. М., 1990. 288 с.
14. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 45. 729 с.
15. Там же. Т. 54. 863 с.
16. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. 536 с.

УДК 323.28(045)

Финансово-экономические основания современного терроризма

КАФТАН ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ, доктор философских наук, профессор кафедры «Прикладная политология» Финансового университета. E-mail: kaftanvit@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь террористической активности и экономической сферы общества. Делается вывод о наличии в мире глобальной «экономики террора», основанной на шантаже транснациональных компаний, захвате заложников, торговле наркотиками и спонсорской поддержке экстремистских государственных и общественных организаций.

Под «экономикой террора» понимается своеобразная параллельная экономика, включающая в себя производство (оружия, взрывчатых веществ, средств для проведения терактов, а также наркотиков), распределение (помощь другим террористическим группам по всему миру), обмен (рэкеты, выкуп заложников) и потребление товаров, работ, услуг в целях обеспечения террористических организаций с присущей ей системой устойчивых и регулярных экономических отношений, соответствующих институтам. На основе анализа имеющихся научных позиций относительно финансово-экономических оснований современного национализма выделяется целый ряд подходов к определению сущности «экономики террора». Рациональный подход означает, что террористическая деятельность опирается на эффективное использование имеющегося в распоряжении террористов человеческого и физического капитала. Микроэкономический подход предлагает анализировать террористическую деятельность на основе взаимодействия спроса на нее и имеющегося предложения. Экономико-культурный подход акцентирует внимание на последствиях противоречий между традиционными ценностями и модернизационными процессами, приводящими к всплеску террористической активности. Экспрессивный подход предполагает, что для террористов критически важными являются внутренний мир террористической организации, особенности ее динамики, взаимодействие с определенной аудиторией. Институциональный подход указывает на влияние экономико-правовой среды на характер и особенности деятельности террористических групп.

Особое внимание уделяется выявлению зависимости мотивации террориста от экономического положения общества. Существуют две точки зрения на эту проблему. Первая точка зрения (Я. Вишняков) указывает на то, что причины терроризма следует искать в экономических факторах; другая (А. Крюгер) — делает упор на тот факт, что наиболее активные члены террористических группировок, как правило, принадлежат к обеспеченным слоям общества и его элите; третья (Э. Бенлемех) обосновывает мотивацию террориста как ответ на имеющееся предложение в политике, своего рода выгодный для части населения тип «трудовой деятельности». Доказывается, что нелегальные финансовые схемы, круговая порука и выбор деловых партнеров по религиозному и этническому принципам создают невидимую сеть внутри легальных экономических институтов, способствуя расширению террористической деятельности.

Ключевые слова: «экономика террора»; исламский фундаментализм; финансирование терроризма; экономическое поведение террористов.

Financial-Economic Causes of Modern Terrorism

VITALIY V. KAFTAN, Doctor of Philosophy, Professor of the Department «Applied Politology» of the Financial University. E-mail: kaftanvit@mail.ru

Abstract. The article examines the relationship between terrorist activity and economic spheres of society. The conclusion is made about the existence of a global «economics of terror» based on blackmail of multinational companies, hostage-taking, drug trafficking and the sponsorship of extremist state and public organizations. Under the «economics of terror» there is a kind of parallel economy, which includes manufacturing (weapons, explosives, funds to carry out terrorist attacks,

and drugs), distribution (support of other terrorist groups around the world), exchange (racketeering, ransom of hostages) and the consumption of goods, work and services in order to ensure terrorist organizations with its inherent system of stable and regular economic relations, the relevant institutions. Based on the analysis of available scientific positions with respect to financial and economic bases of modern nationalism there are highlighted a number of approaches to defining the essence of «economics of terror». A rational approach means that terrorist activity is based on the effective use of human and physical capital available to terrorists. Microeconomic approach proposes to analyze terrorist activities based on the interaction of demand for it and available supply. Economic-cultural approach focuses on the consequences of the contradictions between traditional values and modernization processes, leading to a surge in terrorist activity. Expressive approach assumes that for terrorists the inner world of a terrorist organization, especially its dynamics, the interaction with a particular audience is critical. Institutional approach indicates the influence of institutional environment on the character and peculiarities of the activities of terrorist groups.

Special attention is given to identifying dependencies of motivation of a terrorist on the economic situation of society. The first point of view on this issue (Ja. Vishnyakov) indicates that the causes of terrorism should be sought in economic factors; the other (A. Kruger) – focuses on the fact that the most active members of terrorist groups as a rule belong to the wealthy strata of society and its elite; the third (E. Benlemekh) – proves the motivation of a terrorist as a response to an existing proposal in the policy, sort of profitable type of «work employment» for part of the population.

It is proved that illegal financial schemes, mutual protection and selection of business partners along ethnic and religious principles create an invisible network in legitimate economic institutions, contributing to the expansion of terrorist activity.

Keywords: Economics of terror; Islamic fundamentalism; terrorism financing; the economic behavior of terrorists.

В экономической сфере общества воспроизводятся, хранятся, распределяются и потребляются материальные ценности (блага), удовлетворяются материальные потребности людей. При этом материальное производство является определяющим, но не единственным фактором общественного развития, оно принимает форму других общественных отношений, которые в процессе развития приобретают новые черты, все более «отдаляясь» от экономических отношений, сохраняют при этом их преобразованную сущность. Тем самым каждая из сфер жизни общества приобретает относительную самостоятельность, оказывая свое воздействие друг на друга. В этой связи терроризм, выступая социальным явлением, оказывает большое влияние и на экономическую сферу общества.

Террористическая активность воздействует на бизнес, который начинает считать инвестиции в опасный регион рискованными и изначально пытается заложить в стоимость своих товаров или услуг дополнительную премию за риск, что ведет к снижению деловой активности и росту цен. Боязнь терактов также заставляет предпринимателей больше средств тратить на обеспечение собственной безопасности, делая меньше более продуктивных инвестиций. Террористическая война в Алжире в 1996–2001 гг. обошлась экономике этой страны в \$16 млрд. В Индонезии

после теракта на острове Бали в 2002 г. произошел массовый отток туристов, убытки туристической индустрии составляли до \$1 млн в сутки. Точные данные об ущербе, нанесенном терактами в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., неизвестны и вряд ли будут когда-нибудь точно подсчитаны. По оценкам Международного валютного фонда, потери от этих терактов (учитывались потеря собственности и убытки страховых компаний) составляют \$21 млрд. Ущерб, нанесенный экономике США, включающий уничтожение и повреждение зданий, расчистку территории, потерю рабочих мест, затраты на повышение мер безопасности, эксперты Национального центра политического анализа США оценивают гораздо выше: около \$100 млрд.

Активность террористов неизбежно увеличивает затраты государств на безопасность. К примеру, только на проверку финансовых потоков террористических организаций и их спонсоров государства мира тратят до \$600 млн ежегодно.

Современный международный терроризм становится возможным при наличии структур для «отмывания» денег — в виде контролируемых банков, фирм, производственных предприятий в кризисных зонах мира, где процветает коррупция и ослаблен государственный контроль, имеет устойчивые каналы финансирования, среди которых не только взносы сторонников или помощь

государств, но и контроль наркобизнеса, рэкеты, торговли оружием, контрабанды, игорного бизнеса и т.д. [1, с. 12–13].

Экономист Д. Робинсон отмечает, что в неразберихе глобальных потоков товаров, услуг, людей, идей и «мегабайтных баксов», отражающихся лишь на мониторах компьютеров и не зависящих ни от центральных банков, ни от географии, транснациональная организованная преступность и террористические банды типа «Аль-Каиды» обрели возможность действовать далеко за пределами мест своего базирования. В глобализованном мире XXI столетия на планете постоянно циркулируют грязные \$600–700 млрд. Их львиная доля — наркоденьги, но поскольку преступность и терроризм — близнецы, все труднее становится провести границу между наркоденьгами и деньгами террористов. Временами это оказывается одним и тем же. И чаще всего звеном, связывающим их воедино, является оружие — пистолеты для убийств, автоматы для мятежей, оружие массового уничтожения для проталкивания политических идей [2, с. 6].

Социолог А.А. Зиновьев описывает «исламский фундаментализм», называя его мощной транснациональной корпорацией (ТНК «ИФ»), которая выполняет услуги, езапрещенные международным правом, например умышленное нанесение одним государством ущерба другому [3].

ТНК «ИФ» идеальна для воздействия на политиков и общественное мнение. К исламу ТНК имеет весьма опосредованное отношение: в некоем материально неблагополучном регионе мира ее эмиссары создают тоталитарную секту исламского толка (скажем, под названием «ваххабизм»). Приверженцы секты, помимо прочего, получают некоторые суммы, что быстро увеличивает количество завербованных. Затем среди них идет отбор наиболее перспективных кандидатов на роль «шахидов». Они проходят обучение (давно уже поставленное на поток и ставшее технологией) и совершают поначалу мелкие, а затем и крупные террористические акты.

ТНК «ИФ» консолидирует денежные потоки для построения «исламского халифата». В свою очередь, цель мирового полюса — США состоит в том, чтобы удерживать этот «тайный полюс» под контролем, «ему не дадут умереть, так как его услуги востребованы в мире». Поэтому призывы к правительствам мира вроде «прекратить тайное финансирование фундаментализма» — это

переливание из пустого в порожнее. Но главная цель состоит в том, чтобы не дать ему разбогатеть и подняться до уровня настоящего гиганта, способного соперничать с США. Отсюда «растут ноги» проектов вроде «Большой Ближний Восток» и «Северная Африка», которые призваны резко уменьшить кадровый и материальный арсенал ТНК «ИФ» [3]. Конечно, позиция А.А. Зиновьева носит конспирологический характер, но в известной степени дает представление об экономических причинах современного терроризма.

Экономист О.С. Кузнецова полагает, что международный терроризм инициировал создание особой «экономики террора» как части глобальной теневой экономики, в числе основных элементов которой имеются следующие структурные звенья: источники финансирования террористических организаций, механизмы движения капиталов террора, механизмы криминальной конкуренции, нелегальные формы производства, обращения и потребления, опосредующие их финансовые потоки, специфические субъекты данных экономических отношений, а также процессы бюджетирования и управления финансовой базой терроризма [4, с. 10].

В настоящее время развитие экономики террора происходит по етрем основным направлениям, оказывающим сегодня ощутимое воздействие на распределение доходов во евсем мире: шантаж транснациональных компаний, захват заложников и торговля наркотиками. еПричем последнее направление является наиболее мощным и опасным. еОбъем ежегодной торговли наркотиками в мировых масштабах достигает сегодня, по некоторым оценкам, \$600 млрд или 3–4% объема всего мирового производства товаров. Этот показатель превосходит объем продаж оружия, что привело к появлению новых форм насилия и многочисленных преступных групп на локальном, национальном и международном уровнях. При этом аккумуляция наркодолларов становится одной из основных причин нестабильности финансовых и валютных рынков [5, с. 56–57].

«Экономика террора» основана на коррупции и сращивании терроризма с властными структурами, глобализации теневых экономических отношений и распространении экономической преступности, транснационализации организованной преступности и ее взаимодействию с международным терроризмом, усложнении схем

и способов легализации преступных доходов, увеличении масштабов нелегальной миграции и использовании каналов перевода денег мигрантов для финансирования терроризма.

С приобретением глобальным терроризмом децентрализованной сетевой формы (после терактов 11 сентября 2001 г.) стала формироваться иная экономическая реальность. Ее главной особенностью является то, что она на всех этапах, начиная с торговли наркотиками и оружием, организации нелегальной иммиграции и отмывки денег, через внешне легитимные схемы, финансовые структуры, фонды и благотворительные организации осуществляет поддержку, прямую или косвенную, логистическим системам террористических групп и ячеек по всему миру. Нелегальные финансовые схемы, круговая порука и выбор деловых партнеров по религиозному и этническому принципам создают вторую, невидимую простым взглядом сеть внутри легальных экономических институтов, что разрушает сложившуюся столетиями бизнес-этику западного общества.

Представляя «экономику террора» как своеобразную параллельную экономику, включающую в себя *производство* (оружия, взрывчатых веществ, средств для проведения терактов, а также наркотиков), *распределение* (помощь другим террористическим группам по всему миру), *обмен* (рэкеты, выкуп заложников) и *потребление* товаров, работ, услуг в целях обеспечения террористических организаций с присущей ей системой устойчивых и регулярных экономических отношений, соответствующих институтов, имеет смысл исследовать различные подходы к особенностям указанных *производственных отношений и экономическому поведению террористов*. Здесь может быть обозначено несколько подходов.

Рациональный подход обращает внимание на то, что террорист, как и любой человек, стремится наиболее эффективно использовать имеющийся в его распоряжении человеческий и физический капитал. Основываясь на позиции социолога Т. Шеллинга, следует рассматривать террористов как рациональных индивидуумов, которые выбирают стратегию действий для максимального достижения четко обозначенных целей [6, с. 4]. Террористы действуют в ответ на внешние стимулы. Издержки и выгоды от акта насилия могут быть рассчитаны в зависимости от того, насколько

достигнута поставленная политическая цель. Потенциальный террорист будет стремиться совершить преступление, если у него появляется положительное значение чистой выгоды; если же она станет принимать отрицательное значение, то у него не будут возникать подобные мотивы. Выбор карьеры террориста не позволяет получать некоторые материальные и моральные выгоды от легальной деятельности и формирует, таким образом, соответствующую величину упущенных возможностей [7]. Террористическая деятельность утрачивает смысл, если общая выгода от нее меньше суммы потерь, которые у террориста возникли в связи с вероятным его наказанием и упущенными выгодами от легальной деятельности. Задача государства и общества заключается в том, чтобы создать инструменты, которые позволяют действенно влиять на переменные, определяющие выбор террористической карьеры. Увеличивая расходы террористов на проведение террористических актов или снижая выгоды от их совершения, можно добиться существенного снижения числа актов насилия.

Микроэкономический подход предлагает анализировать сложную комбинацию факторов, определяющих развитие террористической деятельности на основе концепции взаимодействия спроса и предложения на рынке. Предложение со стороны потенциальных террористов при таком подходе диктуется степенью ожесточенности политической борьбы, терроризму способствуют гражданские войны и политические конфликты, которые увеличивают число людей, обученных применять насилие [8]. Спрос на террористическую деятельность определяется степенью контактов граждан данной страны с иностранцами (туристами, военными, гражданскими специалистами) или какими-либо другими меньшинствами, против которых можно обратить террор, а также ресурсами влиятельных групп, которые получают выгоду от разжигания ненависти. Другими словами, регулируя спрос на людей, готовых к применению террористического насилия, возможно смягчить террористическую активность.

Экономико-культурный подход акцентирует внимание на значимости противоречий между традиционными ценностями и модернизационными процессами [9, с. 47–48]. Глубокие социально-экономические и духовно-нравственные трансформации в современном мире

складываются весьма противоречиво, ведут к нравственным деформациям, настроениям незащищенности, тревоги и страха перед будущим, создавая питательную среду для терроризма. В современных условиях во многих регионах мира усилилась конфронтация между различными этническими группами и культурными слоями, приводящая к росту агрессивного поведения, аномии, к пренебрежению законами и усвоению маргинальной частью населения преступных навыков. При этом формируется обстановка религиозного фанатизма, национальной ограниченности, пренебрежения современной цивилизацией и культурой, презрение к инакомыслящим и инаковерующим. При этом терроризм рассматривается как протест против социальной справедливости, порожденной бедностью.

Поэтому следует обратить особое внимание на поддержание культурно-ценностных представлений людей о справедливости устройства хозяйственной жизни, достойном уровне жизни и доходов граждан.

Экспрессивный подход предполагает, что террористы взаимодействуют с аудиторией: своими сторонниками, членами самой группы или правительством, но они не пытаются изменить окружающий мир за пределами террористической группировки. Акцент в данной модели делается на внутренней динамике террористической организации. Опросы террористов показали, что многие из них больше заинтересованы в ощущении «коллективной принадлежности», чем в заявленных целях организации. В целях выживания террористическая организация должна достаточно гибко адаптироваться к меняющимся условиям и соответственно изменять свою идеологию (миссию) [10]. Как следствие, изменяется организационная структура террористической группы, диверсифицируются источники ее финансирования.

Следовательно, экономически влияя на внешнюю среду, в которой действует террористическая группа, можно добиться снижения ее активности, а в идеале, как показывает пример Чечни в последние годы, даже перехода значительной части бывших боевиков к мирному труду.

Институциональный подход указывает на влияние экономико-правовой среды. Известный перуанский государственный деятель Э. де Сото полагает, что во многих развивающихся странах

административные и коррупционные барьеры подавляют хозяйственную деятельность и способствуют резкому разрастанию теневого сектора, что приводит к увеличению налогового пресса и оттоку капитала за границу. Это, в свою очередь, ведет к ухудшению экономической ситуации и росту безработицы, небогатые люди чаще всего уходят в неформальный сектор экономики, но многие из них идут еще дальше — в политический террор. Если беднякам дать возможность легально заниматься мелким бизнесом, питательная база терроризма исчезнет [11]. Данная концепция интересна тем, что ее автор Э. де Сото имел возможность на практике применить свои рекомендации. Когда в 1990-е гг. он стал экономическим советником президента Перу А. Фухимори, тот начал сочетать силовые удары по связанным с наркомафией леворадикальным террористам с закреплением прав собственности нескольких миллионов перуанских крестьян и городских предпринимателей, в результате чего в стране существенно снизился уровень терроризма.

Еще одним важным аспектом экономического измерения терроризма выступает выявление зависимости мотивации террориста от экономического положения общества. Здесь имеются три противоположные позиции, в достаточной степени обоснованные эмпирически.

Одна из них представляет довольно популярное в массовом сознании мнение, согласно которому основные причины терроризма следует искать прежде всего в экономических факторах: предельном расслоении населения по уровню жизни, безработице значительной части трудоспособного населения, ускорении инфляции, криминализации экономики, как следствие — в социальном, национальном, конфессиональном и межгосударственном разобщении, неравенстве и угнетении [12].

Другая позиция, представленная социологом А. Крюгером, подвергает сомнению распространенные взгляды, что к террористической деятельности людей подталкивают бедность и низкий уровень образования. «Половина населения мира живет на \$2 в день и менее. Более одного миллиарда человек имеют только начальное образование, а около 785 млн взрослых являются неграмотными. Если бы нищета и низкий уровень образования действительно являлись причинами терроризма, то мир бы изобиловал террористами,

намеревающимися разрушить наш образ жизни» [13]. Для тех, кто имеет низкий социально-экономический статус и невысокий уровень образования, приоритетом является достижение материальных, а не идеологических (как в терроризме) целей. Достаточно обеспеченные и образованные люди, имеющие более легкий доступ к информации, зачастую занимают крайние стороны идеологического спектра.

Третья позиция, которой придерживается экономист Э. Бенмелех, состоит в том, что экономические условия влияют на предложение потенциальных участников террористической деятельности. Индивиды становятся террористами, когда участие в осуществлении терактов выгоднее поиска работы на рынке труда. В условиях растущей экономики и снижающейся безработицы у индивидов есть множество возможностей для применения своих знаний и навыков, поэтому террористическим организациям приходится набирать рекрутов из числа мало на что способных людей. Наоборот, в условиях экономического кризиса лидеры террористического подполья могут позволить себе заниматься вербовкой хорошо образованных кадров, которые в силу объективных причин не находят достойную работу. Рост безработицы в соответствии со стандартным отклонением приводит к увеличению вероятности найма образованного террориста на 34,3%, взрослого (старше двадцати лет) — на 5,57%, а опытного — на 33,5% [14].

Для организации эффективного противодействия терроризму в экономической сфере особое внимание следует уделить преодолению разрывов в социально-экономическом развитии между богатыми и бедными странами и регионами, созданию и совершенствованию работы финансовой разведки для контроля над денежными потоками, замораживанию счетов террористов и их спонсоров с последующей конфискацией [15], необходимо также внимание со стороны правительства к конкретным причинам социально-экономического недовольства части населения, поддерживающей террористов, — применение финансово-экономической политики, которая сокращает склонность к участию в политическом насилии. Особую роль в антитеррористической борьбе может сыграть консолидация усилий ученых, представляющих разные области научного знания, в том числе и финансово-экономического, в рамках создания комплексной научной

парадигмы преодоления террористических вызовов и угроз.

Литература

1. Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь мир, 2005. 312 с.
2. Робинсон Д. Всемирная прачечная: Террор, преступления и грязные деньги в офшорном мире. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 539 с.
3. Зиновьев А. А. Как иголкой убить слона. 2005 // Кабинет А. А. Зиновьева. [Электронный ресурс] URL: <http://avkrasn.ru/article-955.html> (дата обращения: 12.11.2014).
4. Кузнецова О. С. Развитие институтов противодействия экономическим основам международного терроризма в системе обеспечения экономической безопасности: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 26 с.
5. Кота А. Эпоха терроризма / Международный терроризм и право. М., 2004. С. 56–57.
6. Shelling T. C. The Strategy of Conflict. Cambridge, 1963. 328 p.
7. Rubin P. H. The Economics of Crime // The Economics of Crime. Cambridge, 1980. P. 13–14.
8. Glaeser E. G. The Political Economy of Hatred // Quarterly Journal of Economic. 2005. № 120 (1). 60 p.
9. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972. 767 с.
10. Крениш М. Терроризм и международное сотрудничество: Реферат ИНИОН АН СССР. М., 1990. 42 с.
11. Сото Э. де. Иной путь. Экономический ответ терроризму. Челябинск: Социум, 2008. 408 с.
12. Вишняков Я., Киселева С., Васин С. Противодействие терроризму. М.: Академия, 2012. 256 с.
13. Krueger A. B. What Makes a Terrorist: Economics and the Roots of Terrorism. Princeton, 2007. 180 с.
14. Benmelech E., Berrebi C. K., Esteban F. Economic Conditions and the Quality of Suicide Terrorism // NBER Working paper. 2010. August. P. 27.
15. Шатен П.-Л., Макдауэл Дж., Муссе С. и др. Предотвращение отмывания денег и финансирования терроризма. М.: Альпина Паблишер, 2011. 316 с.

УДК 93/94 (045) (470+571)

Как начался «настоящий» XX век

(к 100-летию начала Первой мировой войны)

ЦВЕТКОВ СЕРГЕЙ ЭДУАРДОВИЧ, преподаватель Международного университета в Москве.

E-mail: cer6042@yandex.ru

Продолжение. Начало см. в № 3 (15) 2014 г.

*А по набережной легендарной
Приближался не календарный –
Настоящий Двадцатый Век.*

А. Ахматова. «Поэма без героя»

Аннотация. Первая мировая война — политическая и культурно-духовная катастрофа цивилизованного мира, которая обусловила всю дальнейшую историю XX в. Она похоронила надежды интеллектуалов позитивистского толка на возможность бесконфликтного поступательного прогресса человечества. Несмотря на то что истоки Первой мировой войны коренились в самой сердцевине исторического развития Европы конца XIX–начала XX вв., ее начало оказалось полной неожиданностью для всех политических групп и общественных слоев. Сочетание исторической неотвратимости и психологической внезапности мировой катастрофы стало главным потрясением для ее современников и важнейшим уроком для политической элиты ведущих мировых держав второй половины XX в. Автор исследует процесс сползания государств Европы к беспрецедентной военной бойне на широком историческом фоне, который придает многомерность рисуемой картине.

Ключевые слова: Австро-Венгрия; Англия; Балканы; Германия; дипломатия; Европа; империализм; колонии; международная политика; Первая мировая война; причины; Российская империя; Сербия; убийство в Сараево; Франция.

How Did the «Real» Twentieth Century

(The 100th Anniversary of the First World War)

SERGEY E. TSVETKOV, Professor, International University in Moscow, the Author of the Book «Russian history» in 4 Volumes and a Number of Biographical Research Works. E-mail: cer6042@yandex.ru.

Abstract. The First World War — the political, cultural and spiritual catastrophe of the civilized world, which led to all the subsequent history of the twentieth century. She buried hopes intellectuals positivist sense the possibility of a conflict-forward progress of mankind. Despite the fact that the origins of the First World War were rooted in the very heart of the historical development of Europe in the late XIX–early XX centuries. Its beginning was a complete surprise to all political groups and social strata. The combination of the historical inevitability of surprise and psychological world catastrophe was a major shock for her contemporaries and the most important lesson for the political elite of the world's leading powers of the second half of XX century. The author explores the process of sliding into Europe to an unprecedented military massacre against a broad historical background, which gives the picture drawn in the multidimensionality.

Keywords: Austria-Hungary; Balkans; causes; colony; diplomacy; England; Europe; France. Germany; imperialism; international politics; Russian Empire; Serbia; the assassination in Sarajevo; The First World War.

VIII. Развитие австро-сербского конфликта. Мобилизация России и Германии

В Петербурге эхо сараевского выстрела поначалу никого не встревожило. Министр иностранных дел Сазонов был в отпуске, а его подчиненных занимали такие важные вопросы, как повышение турецких пошлин и предоставление займа Монголии. Войска проходили учебу в летних лагерях. Петербуржцы были больше обеспокоены не международным положением, а пожарами в окрестностях города — горели торфяники.

Только третьего июля вернувшийся в столицу Сазонов провел особое заседание совета министров в Новом Петергофе. Никто из присутствовавших не видел ни малейшего повода для беспокойства. Сербам советовали сохранять выдержку, а чтобы подбодрить союзников, было решено ускорить выдачу им 120 тысяч винтовок и 120 миллионов патронов, о чем сербское правительство просило еще в феврале.

Протекла еще дюжина безмятежных дней. Вена молчала и появилась надежда, что она откажется от каких-либо карательных действий.

Первый тревожный сигнал о подлинных замыслах Австрии поступил 16 июля. В этот день на одном петербургском светском рауте итальянский посол задал вопрос директору канцелярии МИД барону Маврикию Фабиановичу Шиллингу: «как отнесется Россия к выступлению Австрии, если бы последняя решилась предпринять что-нибудь против Сербии». Шиллинг твердо ответил, что Россия не допустит ослабления и унижения Сербии.

17 июля Сазонову доложили, что его «возможно скорее» желает видеть австрийский посол в Петербурге граф Фридрих Сапари, закончивший свой летний отдых. Они встретились на следующий день. Сазонов, горячий, раздражительный человек, склонный сплеча рубить правду-матку, хотел «решительно высказаться» о недопустимости каких-либо акций против Сербии. Но австрийский дипломат «был кроток, как ягненок». В самом миролюбивом тоне он поведал об отсутствии у его правительства даже тени воинственных намерений. Сазонову не пришлось произнести ни одну из заготовленных фраз. Зато в разговоре с германским послом фон Пурталесом русский министр высказался сполна, заявив, что Россия не потерпит унижения Сербии и что ультиматумы в данном деле недопустимы.

«Наша политика мирная, но не пассивная», — предупредил он. Сазонов разгорячился не на шутку. Французский посол Морис Палеолог, войдя в его кабинет после разговора с Пурталесом, застал Сазонова раскрасневшимся, со сверкающими глазами, еще дрожащим от возбуждения.

Следующие пять дней прошли под знаком русского визита Пуанкаре. Сербская тема, безусловно, была одной из главных во время переговоров. Впоследствии государственные мужи и дипломаты сходились на том, что, вероятно, уже тогда «Франция и Россия пришли к решению поднять брошенную им перчатку», по выражению английского посла в Петербурге Бьюкенена. И хотя никаких конкретных договоренностей достигнуто не было, союзники остались чрезвычайно довольны друг другом.

Проводив французского президента, утром 24 июля Сазонов прибыл из Царского Села в здание Министерства иностранных дел у Певческого моста. Здесь его уже ждала свежая телеграмма из Белграда с сообщением об австрийском ультиматуме. Сазонов молниеносно оценил новость: «Это европейская война!» Чуть позже он принял Сапари, который лично ознакомил его с текстом ультиматума. На этот раз Сергей Дмитриевич не счел нужным сдерживаться: «Вы хотите войны и сожгли свои мосты», — бросил он в лицо австрийцу.

Австрийская нота Сербии, собственно, и не оставляла Сазонову выбора: отдача Сербии на растерзание австрийцам означала уход России с Балкан с последующей утратой контроля над черноморскими проливами.

В тот же день, около часа дня, Сазонов встретился с представителями Франции и Англии. Морис Палеолог обещал полную поддержку своего правительства. Английский посол Бьюкенен отмалчивался, так как не располагал на сей счет никакими инструкциями.

«Англия не хочет вести войну для установления господства славян над Европой», — таково было господствующее настроение в правительстве и обществе, выраженное английским послом в Берлине.

В три часа дня в Красном Селе открылось заседание Совета министров с участием царя. Многие из присутствующих ничего не знали о предмете предстоящего совещания. Без всякого вступления, государь предоставил слово Сазонову, который в полчасовой речи обрисовал положение, создавшееся вследствие австро-сербского

конфликта. «То, о чем Сазонов докладывал, — вспоминает военный министр Сухомлинов, — было крупное обвинение австро-венгерской дипломатии. Все присутствовавшие получили впечатление, что дело идет о планомерном вызове, против которого государства Тройственного соглашения (*Entente cordiale*), Франция и Англия, восстанут вместе с Россией, если последняя попытается не допустить насилия над славянским собратом. Сазонов сильно подействовал на наши воинские чувства. Он нам объявил, что непомерным требованиям можно противопоставить после того, как все дипломатические средства для достижения соглашения оказались бесплодными, только военную демонстрацию; он заключил указанием на то, что наступил случай, когда русская дипломатия может посредством частичной мобилизации против Австрии поставить ее дипломатию на место. Технически это обозначало распоряжение о подготовительном к войне периоде. О вероятности или даже возможности войны не было речи». Впрочем, продолжает Сухомлинов, «в 1914 году армия была настолько подготовлена, что, казалось, Россия имеет право спокойно принять вызов. Никогда Россия не была так хорошо подготовлена к войне, как в 1914 году».

Во исполнение принятого решения со следующего дня в России начались тайные приготовления к мобилизации, чтобы выправить отставание в сроках¹. Начальник Генерального штаба генерал Николай Николаевич Янушкевич сообщил членам комитета Генерального штаба, что «государю императору было благоугодно признать необходимым поддержать Сербию, хотя бы для этого пришлось объявить мобилизацию и начать военные действия, но не ранее перехода австрийскими войсками сербской границы». Скрытые предмобилизационные мероприятия осуществлялись не только на границе с Австрией, но и в пограничных с Германией округах. В Финском заливе ставились минные ограждения.

¹ В Германии на мобилизацию отводилось 4–7 дней. В Австро-Венгрии мобилизация полевых дивизий с обозами заканчивалась на 6–8-й день, а ландверных дивизий — на 9–10-й день. Сроки мобилизации русской армии были следующие: кавалерийские дивизии — 2–4 дня, пехотные дивизии в приграничных округах — 4–6 дней, во внутренних — 5–8 дней, а в дальних — 6–21 день. Половина второочередных дивизий мобилизовалась за 14 дней, остальные — до 28 дней. Войска из Сибири прибывали на европейский театр войны после 40-го дня мобилизации.

Развертывание сил Балтийского флота было закончено к вечеру 26 июля. Некоторые сухопутные воинские части уже к 27 июля были полностью отобилизованы.

Некоторые из проводимых мероприятий стали известны германскому послу. Встревоженный Пурталес немедленно обратился к Сазонову за разъяснениями, но тот заверил его под честное слово, что мобилизация в России не проводится, речь идет о необходимых предосторожностях против Австрии.

В своих воспоминаниях Пурталес оценивал действия русского правительства следующим образом: «По-видимому, ни председатель Совета министров Горемыкин, ни Сазонов не использовали своего влияния с должной энергией, чтобы доставить 25 июля торжество политике, направленной к сохранению мира. Несмотря на это, я не думаю, чтобы Сазонов хотел войны уже в этот момент. Однако он предавался роковой иллюзии, будто Германия, убедившись в решимости России на сей раз идти на последнюю крайность, оставит своих союзников в беде, и, таким образом, Россия и державы Тройственного соглашения одержат дипломатический успех... При этом, по своей большой неопытности, чтобы не сказать наивности, в вопросах военного дела, он не отдавал себе отчета в великой опасности, которая заключалась в том, что, очевидно, уже 25 июля военным властям были даны очень широкие полномочия к началу военно-подготовительных мероприятий».

Действительно, в русской армии предмобилизационную подготовку восприняли недвусмысленно — как сигнал к неизбежной войне. Начальник мобилизационного отдела Генерального штаба генерал Сергей Константинович Добролюбовский выражал общее мнение военных, когда писал: «Война была уже предreshена, и весь поток телеграмм между правительствами России и Германии представлял лишь мизансцену исторической драмы. Отсрочка момента окончательного решения была, безусловно, весьма полезной для подготовительных мер».

Тем не менее судьба Европы и всего мира еще несколько дней находилась в руках дипломатов. Сухомлинов свидетельствует, что «между 24 и 30 июля, единственно за высшей политикой оставалось решающее слово... Сазонову-дипломату, а не военному министру дано было полномочие выбора вида мобилизации (частичной

или общей) в зависимости от обстоятельств, хотя и с доклада государю».

Решительная позиция России смутила Бьюкенена, который находил действия Сазонова чересчур прямолинейными. Англичанин обратился за помощью к французскому коллеге: «Я не сомневаюсь более, что Россия идет до конца. Она взялась за дело всерьез. Я умолял Сазонова не соглашаться ни на какую военную меру, которую Германия могла бы истолковать как вызов. Надо предоставить германскому правительству всю ответственность и всю инициативу нападения. Английское общественное мнение не допустит мысли об участии в войне иначе, как при условии, чтобы наступление исходило непременно от Германии... Ради Бога, говорите в том же смысле с Сазоновым».

Но Германия сохраняла внешнее спокойствие. 26 июля Мольтке встретился с канцлером Бетман-Гольвегом. Несмотря на поступающие донесения о военных приготовлениях России, оба пришли к выводу: «До тех пор пока Россия не предпримет враждебных действий, наши старания должны быть направлены на локализацию конфликта». Военному министру начальник штаба сообщил, что считает «принятие каких-либо мер преждевременным».

Главным «делателем новостей» пока что была Вена.

25 июля Сазонов отправил Берхтольду телеграмму с просьбой предоставить Сербии отсрочку для ответа на ультиматум. Берхтольд ответил отказом.

Вечером 26 июля был получен сербский ответ. Над ним двое суток напролет работали лучшие умы сербского МИДа во главе с премьер-министром Николой Пашичем. Им удалось совершить невозможное. Искусно составленный документ поверг официальную Вену в панику. Сербь соглашались принять большинство требований, внося при этом в формулировки ничтожные на первый взгляд оговорки и изменения, обсуждение которых позволило бы оттянуть время. Дипломатическое мастерство сербов ставило Австро-Венгрию в невыгодное положение агрессора, готового развязать войну из-за редакционных поправок. Начальник канцелярии Министерства иностранных дел барон Музулин назвал сербскую ноту «самым блестящим образцом дипломатического искусства, который только он знает». Берхтольд доложил императору Францу

Иосифу об «очень ловко составленном ответе» сербского правительства.

Лишь один-единственный пункт австрийского ультиматума был отвергнут — о допущении австрийских чиновников к производству следствия на сербской территории, «так как это было бы нарушением Конституции и закона об уголовном судопроизводстве». На подобное унижение, означавшее фактическую утрату суверенитета, не могло пойти ни одно мало-мальски уважающее себя правительство. Впрочем, даже тут Сербия соглашалась передать этот вопрос на обсуждение конференции великих держав и обещала вполне подчиниться их решению. Но глава австро-венгерской миссии в Сербии барон Владимир Гизль не стал вникать в эти тонкости. Убедившись в том, что ультиматум принят не полностью, он в тот же день покинул Белград в специальном поезде. Согласования с Министерством иностранных дел не требовалось — все инструкции были уже получены, архивы и вещи упакованы заранее.

27 июля в Потсдам из трехнедельного плавания по норвежским фьордам вернулся Вильгельм. Утром 28-го он ознакомился с сербским ответом и приписал на полях донесения: «Блестящее произведение за срок всего в 48 часов. Это больше, чем можно было ожидать. Большой моральный успех для Вены, но с этим отпадает всякий повод для войны... После этого я никогда не отдал бы приказа о мобилизации». По его мнению, все складывалось отлично, дело шло к локализации конфликта, и Австрия могла в одиночку разделиться с Сербией.

Находясь в самом отличном расположении духа, кайзер в 10 часов утра растолковал Ягову свое видение ситуации: «Я убежден, что пожелания Дунайской монархии в целом выполнены... Здесь объявляется всему миру самая унижительная капитуляция и в результате отпадает всякий повод для войны. Однако это только кусок бумаги, ценность которого весьма ограничена, пока ее содержание не претворено в жизнь... Для того чтобы эти красивые обещания стали действительностью и фактом, необходимо применить мягкое насилие. Это следовало бы осуществить так, чтобы Австрия с целью побудить сербов выполнить обещания оккупировала Белград и удержала его до тех пор, пока требования не будут действительно выполнены... На этой базе я готов сотрудничать с Австрией в пользу мира. Предложения,

идушие против, или протесты других государств я буду безоговорочно отклонять...».

Протесты и идущие против предложения, разумеется, не замедлили последовать. Грей выразил надежду, что Австрия удовлетворится уступчивостью Сербии, унижение которой уже чрезмерно, и предложил созвать международную конференцию для разрешения кризиса.

В тот же день была получена телеграмма Николая II. «Рад твоему возвращению, — выстукивал телеграфный аппарат царское послание. — В этот чрезвычайно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Слабой стране объявлена гнусная война. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая оказываемому на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые приведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я прошу тебя во имя нашей старой дружбы сделать все, что ты можешь, чтобы твои союзники не зашли слишком далеко».

На полях этой телеграммы Вильгельм злорадно пометил: «Признание его собственной слабости». Кайзер все больше убеждался, что Россия опять не выступит².

Между тем германский канцлер призывал Вильгельма сделать какие-нибудь публичные жесты в знак одобрения мирных инициатив других стран. Иначе, предупреждал он, «бремя ответственности мировой войны», в конце концов, падет на германское правительство «и в глазах германского народа. А на такой основе нельзя начинать

и успешно вести войну на три фронта. Поэтому настоятельно необходимо, чтобы при всех обстоятельствах ответственность за возможное распространение конфликта... пала на Россию».

В то же время Бетман-Гольвег пояснял Чиршки, что «речь идет лишь о том, чтобы найти способ, позволяющий осуществить преследуемые Австро-Венгрией цели, обрезать жизненный нерв великосербской пропаганды, не развязывая в то же время мировой войны, а если она в конце концов неизбежна, то максимально улучшить условия, в которых ее придется вести». Германский посол должен был указать Берхтольду, что всякое промедление с началом военных операций против Сербии «грозит вмешательством других держав». Берлин настоятельно советовал союзнику «поставить мир перед свершившимся фактом».

На предложение Грея было решено ответить отказом. Вильгельм был окрылен сообщением своего брата, принца Генриха Прусского, который на днях, будучи в Лондоне, имел беседу с королем Георгом V. «Отдавая себе совершенно ясный отчет в серьезности настоящего положения, — сообщал принц, — король уверял меня, что он и его правительство ничего не упустят для того, чтобы локализовать войну между Сербией и Австрией». «Он, — продолжает Генрих, — сказал дальше дословно следующее: «Мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлеченными в войну и остаться нейтральными». Я убежден в том, что эти слова были сказаны всерьез, как и в том, что Англия сначала действительно останется нейтральной». Сведения, полученные по династической линии, значили в глазах Вильгельма гораздо больше заявлений министров. «У меня есть слово короля, этого мне достаточно!» — заявил он Тирпицу, который заметил, что Англия дает условные обещания, ни к чему ее не обязывающие. В душе Вильгельм ликовал, ибо английский нейтралитет стоил десяти выигранных сражений на континенте.

Все же Бетман-Гольвег убедил кайзера в ночь на 29 июля направить миролюбивую телеграмму царю. «Без сомнения, — говорилось в ней, — ты согласишься со мной, что наши общие интересы, твои и мои, как и интересы всех монархов, требуют, чтобы все лица, нравственно ответственные за это подлое убийство, понесли заслуженное наказание». «В данном случае политика не играет никакой роли», — уверял «Вилли». Понимая, что

² Бельгийский посол в Берлине сообщал своему правительству 28 июля: «В Вене так же, как и в Берлине, были убеждены в том, что Россия не в состоянии вести европейскую войну, и что она не посмеет впутаться в такую ужасную авантюру... Тревожное положение внутри страны, революционные происки, недостаточное вооружение, несовершенные пути сообщения — все эти обстоятельства заставляют российское правительство беспомощно взирать на экзекуцию над Сербией. Такого же презрительного мнения держались, если не о французской армии, то, во всяком случае, о духе, царящем в правительственных кругах Франции... Мнение, что Россия не доросла до европейской войны, господствует не только в лоне кайзеровского правительства, но также и среди немецких промышленников, специальностью которых были военные поставки. Так, например, наиболее компетентный из них, Крупп фон Болен, уверял одного из моих коллег, что русская артиллерия в плохом состоянии, недостаточно пополнена, между тем как германская никогда не была в более прекрасном состоянии». При этом он еще добавил: «Для России было бы безумием при этих условиях объявить Германии войну».

«Ники» трудно противостоять «силе общественного мнения», «искренний и преданный друг и кузен» обязался «употребить все свое влияние, чтобы побудить австрийцев действовать со всей прямоотой для достижения удовлетворительного соглашения с тобой».

Все это писалось в то время, когда австрийская дальнотойная артиллерия и орудия Дунайской флотилии уже начали обстрел Белграда. Берхтольд решил форсировать события, «чтобы истребить саму мысль о всяких попытках вмешательства» других стран. Накануне он доложил императору о перестрелке с сербами на границе, хотя на самом деле все было спокойно. Франц Иосиф дал согласие на объявление войны.

Весть о нападении Австро-Венгрии на Сербию застала Сазонова 28 июля, во второй половине дня, во время беседы с Палеологом, который официально объявил о «полной готовности Франции исполнить, если надо, союзнические обязательства». Вечером, с согласия государя, в Петергофе было созвано чрезвычайное заседание Совета министров. На повестке дня стоял один вопрос — о мобилизации. В необходимости этой меры сомнений не было ни у кого, обсуждению подлежало лишь то, какую форму мобилизации следует предпочесть — частичную или сразу общую? Выяснилось, что мнения военных и штатских по этому поводу не совпадают.

Сазонов, а вместе с ним и царь полагали, что на агрессию Австрии следует ответить частичной мобилизацией в Киевском, Одесском, Московском и Казанском округах, под которую попадали 13 армейских корпусов численностью 1 100 000 человек. К общей мобилизации следовало переходить только в том случае, если на стороне австрийцев выступит Германия.

Начальник Генерального штаба Янушкевич возражал на это, что переход от частичной мобилизации ко всеобщей невозможен, так как мобилизационное расписание русской армии не предусматривало частичной мобилизации отдельных округов. Частичная мобилизация могла нарушить все расчеты и внести хаос в расписание железнодорожных перевозок. Таким образом, мобилизуясь только против Австро-Венгрии, Россия рисковала впоследствии оказаться беззащитной перед Германией.

Сазонов довольно быстро уловил суть дела, но убедить царя в необходимости немедленно объявить всеобщую мобилизацию удалось только на

следующий день. По закону царский указ требовалось подкрепить подписями министров — военного, морского и внутренних дел. Военный министр Сухомлинов подписал бумагу молча. Однако когда начальник мобилизационного отделения генерал Добrorольский явился к морскому министру, адмиралу Григоровичу, тот поначалу не поверил своим глазам: «Как, война с Германией? Флот наш не в состоянии состязаться с немецким». Только после звонка Сухомлинову, свидетельствует Добrorольский, «он с тяжелым чувством приложил свою подпись».

На Елагином острове, у министра внутренних дел Маклакова «царила молитвенная обстановка». В красном углу министерского кабинета, на узком столе, покрытом белой скатертью, стояло несколько больших образов, перед которыми теплились лампада и несколько свечей. Министр тотчас заговорил о революционерах, которые, по его сведениям, с нетерпением ждали войны, чтобы начать новую смуту. «Война у нас, — сетовал он, — не может быть популярной; идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцами... Но от рока не уйти», — закончил министр и, осенив себя крестным знаменем, подписал документ.

Получив подписи министров, Добrorольский поздно вечером отправился на Главный телеграф, чтобы отправить телеграмму по назначению. Но там его вызвал к телефону генерал Янушкевич и передал Высочайшее распоряжение о замене всеобщей мобилизации на частичную. Всю ответственность за это решение царь брал на себя.

Столь внезапная перемена в настроении Николая была следствием прочтения им новой телеграммы от «кузена Вилли», доставленной в Петергоф в половине седьмого вечера. Кайзер писал, что не может считать действия Австрии против Сербии «гнусной» войною, так как «Австрия по опыту знает, что сербским обещаниям на бумаге совершенно нельзя верить». По его мнению, «действия австрийцев следует оценивать как стремление получить полную гарантию того, что сербские обещания станут реальными фактами». Далее он сообщал, что Австрия не желает каких бы то ни было территориальных приобретений за счет сербских земель. «Потому я полагаю, — делал вывод Вильгельм, — что Россия вполне могла бы остаться наблюдателем австро-сербского конфликта, не вовлекая Европу в самую ужасную войну, которую она когда-либо видела... Конечно,

военные меры со стороны России в Австрии были бы расценены как угроза и ускорили бы катастрофу, которую мы оба хотим избежать, а также повредили бы моему положению посредника, которую я в ответ на твое обращение к моей дружбе и помощи охотно взял на себя».

В ответной телеграмме Николай, с «верой в мудрость и дружбу» дорогого кузена, поделился с ним своим мнением, что австро-сербский конфликт следует передать на рассмотрение в Гаагский суд.

Это предложение Вильгельм пропустил мимо ушей, зато указал в своей третьей телеграмме (отправленной в ночь на 30 июля) на «печальные последствия» русской мобилизации и напомнил: «Теперь вся тяжесть решения лежит целиком на твоих плечах, и ты несешь ответственность за мир или войну».

Он был прав в одном: с этого момента судьба Европы решалась уже не в Вене, а в Петербурге и Берлине.

Мысль о губительности частичной мобилизации всю ночь не давала покоя генералу Янушкевичу. 30 июля, за час до полудня, он встретился с Сазоновым и Сухомлиновым, которые разделили его тревогу, признав необходимым добиться от царя нового разрешения на общую мобилизацию. От слов сразу перешли к делу. Янушкевич снял телефонную трубку и попросил соединить его с государем. Беседа их была недолгой. Выслушав доводы начальника Генерального штаба в пользу общей мобилизации, Николай сухо отрезал, что не намерен менять своего решения по этому вопросу, и заявил, что прекращает разговор. Но Янушкевич все-таки вставил, что у него в кабинете находится министр иностранных дел, который просит разрешения сказать несколько слов. На том конце провода на несколько секунд воцарилась тишина, затем государь велел пригласить Сазонова к аппарату. Тот обратился к Николаю с просьбой о приеме для неотложного доклада. Царь назначил аудиенцию ровно на три часа. Как только Сазонов положил трубку, Янушкевич взял с него слово немедленно поставить его в известность о благополучном исходе переговоров, чтобы он мог отдать необходимые распоряжения. После этого, заключил генерал, «я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать».

Спустя несколько часов Сазонов вошел в кабинет государя, преисполненный решимости

получить то, за чем он явился. Он произнес энергичную 50-минутную речь, убеждая царя, что Германия последовательно срывает все попытки мирного исхода и хочет только выиграть время, чтобы закончить втайне свои военные приготовления — «это обстоятельство создавало для Германии громадное преимущество, которое могло быть парализовано нами, и то до известной только степени, своевременным принятием мобилизационных мер». Отдав приказ о всеобщей мобилизации, уверял Сазонов, царь «может себе сказать в полной уверенности, что его совесть чиста, что ни перед Богом, ни перед будущими поколениями русского народа ему не придется отвечать за пролитие крови, которое эта ужасная война принесет России и всей Европе».

Николай возражал, выражая всем своим видом крайнее волнение: «Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей! Как не остановиться перед таким решением!..» Но, в конце концов, сдался: «Вы правы. Нам не остается ничего другого, как приготовиться к нападению. Передайте начальнику Генерального штаба мой указ о мобилизации».

На часах было 16.00. Сазонов поспешил в нижний этаж к телефону. Передав Янушкевичу слова царя, он добавил: «Теперь вы можете сломать свой телефон. Отдайте ваше приказание, генерал, и исчезнете на весь день». Янушкевич ответил: «Мой аппарат испорчен».

На этот раз Добrorольскому не пришлось метаться по всему Петербургу, собирая подписи. Все ответственные лица были в Мариинском дворце, где проходило экстренное заседание Совета министров.

В шесть часов вечера, в полной тишине, застучали все телеграфные аппараты Генерального штаба, возвестив о вступлении России в новую эпоху.

Локализовать австро-сербский конфликт не получилось, и теперь всех интересовало одно — как поведет себя Англия.

30 июля на Вильгельма пролился холодный душ. В первом часу пополудни он получил телеграмму Лихновски, который сообщил о своей встрече с Греем. Английский министр встретил германского посла словами: «Положение все более обостряется». Затем он заявил, что вынужден в частном порядке сделать ему некоторое сообщение, которое попросил не считать угрозой. «Британское правительство, — продолжил

Грей, — желает и впредь поддержать существующую дружбу с Германией и может остаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией. Но, если бы в него втянулась Германия и Франция, положение тотчас бы изменилось, и британское правительство, при известных условиях, было бы вынуждено принять срочные решения. В этом случае нельзя было бы долго оставаться в стороне и выжидать. Когда разразится война, это будет величайшей катастрофой, которую когда-либо видел мир». Грей обещал, в случае принятия Австрией посредничества, «помочь ей получить всякое возможное удовлетворение». По его мнению, Австрия могла бы «добиться гарантий на будущее и без войны, которая ставит европейский мир под знак вопроса».

Взбешенный Вильгельм, не стесняясь в выражениях, разразился на полях донесения яростной филиппикой в адрес коварного Альбиона: «Британия открывает свои карты в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и наше положение стало безвыходным. Гнусная торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетам и тостами!.. К тому же это фактически угроза, соединенная с блефом, чтобы оторвать нас от Австрии, помешать мобилизации и взвалить на нас вину за войну. Он (Грей. — С.Ц.) совершенно определенно знает, что, если он скажет одно-единственное серьезное и резкое предостерегающее слово в Петербурге и Париже и порекомендует им нейтралитет, оба тотчас же притихнут. Но он остергается вымолвить такое слово и вместо этого угрожает нам. Гнусный сукин сын! Англия одна несет ответственность за войну и мир, а уж никак не мы!».

В этот день кайзер засиделся за письменным столом, оставляя раздраженные пометы на поступающих донесениях. Читая телеграмму Пурталеса, он подчеркнул заявление Сазонова, что «отмена приказа о мобилизации уже невозможна, и в этом виновна австрийская мобилизация», и сопроводил слова русского министра пространными рассуждениями.

Царь, по мнению Вильгельма, виноват в том, что «он не чувствует себя достаточно сильным, чтобы приостановить мобилизацию». «Легкомыслие и слабость, — писал Вильгельм, — должны ввергнуть мир в самую ужасную войну, имеющую целью, в конечном счете, гибель Германии. В этом я в настоящее время нисколько не сомневаюсь. Англия, Россия и Франция сговорились,

принимая за основу *casus foederis*³ в отношении к Австрии, повести против нас истребительную войну».

Возвращаясь еще раз к «циничным» заявлениям Грея, кайзер писал: «Это означает, что мы должны либо подло предать нашего союзника и предоставить его на произвол России и, тем самым, расколоть Тройственный союз либо подвергнуться нападению со стороны Тройственного соглашения за нашу союзническую верность... При этом из глупости и неспособности нашего союзника нам строят ловушку. Таким образом, пресловутое «окружение» Германии стало-таки непреложным фактом, несмотря на все попытки наших политиков и дипломатов...».

В конце Вильгельм предавался злобным фантазиям: «Теперь все эти козни должны быть беспощадно раскрыты, с них должна быть публично сорвана маска христианского миролюбия, и фарисейское притворство должно быть пригвождено к позорному столбу. Наши консулы в Турции и Индии, агенты и т. п. должны разжечь среди магометанского мира пламя восстания против этого ненавистного, лживого и бессовестного народа торгашей. Если нам суждено истечь кровью, то Англия, по крайней мере, должна потерять Индию».

Пустословие тоже имеет свои пределы, поэтому тут кайзер отложил перо. Безусловно, он пребывал в полнейшем смятении. Одно дело — размахивать горящим факелом перед пороховой бочкой, и другое — увидеть, что фитиль занялся. Ярким свидетельством полной потери Вильгельмом способности принимать решения стала история с *Lokal Anzeiger*, одной из самых читаемых в Берлине газет. 30 июля был момент, когда Мольтке удалось заставить кайзера дать согласие на мобилизацию. Известие об этом поспешили напечатать в *Lokal Anzeiger*. Но Бетман-Гольвег буквально тут же убедил Вильгельма отозвать свое распоряжение. Весь тираж *Lokal Anzeiger* был немедленно конфискован. Однако русский посол в Берлине уже успел ознакомиться с сенсационной публикацией и своим сообщением переполошил русский Генеральный штаб.

Бетман-Гольвег, по свидетельству Тирпица, тоже «совершенно пал духом», «с ним невозможно было говорить». «Курс потерян, и лавина

³ «Договорный случай» (лат.), т.е. случай, при котором вступают в силу обязательства по союзному договору.

пришла в движение», — так он охарактеризовал общее положение на заседании Совета министров. 30 июля рейхсканцлер забросал Вену шестью телеграммами, отменявшими одна другую. Но, так или иначе, в них содержался призыв продолжать мирные переговоры. «Если Вена откажется от всяких предложений, — предупреждал Бетман-Гольвег, — невозможно будет свалить на одну Россию одиум⁴ войны, которая может вспыхнуть».

Ближе к вечеру раздался решительный голос начальника немецкого Генерального штаба. Он смотрел на ситуацию как военный, для которого русская мобилизация требовала немедленного адекватного ответа. Австрийский военный агент в Берлине Бинерт по поручению Мольтке телеграфировал генералу Конраду: «Всякая потерянная минута усиливает опасность положения, давая преимущество России... Отвергните мирные предложения Великобритании. Европейская война — это последний шанс на спасение Австро-Венгрии. Поддержка Германии вам абсолютно обеспечена». Удивленный Конрад воскликнул: «Кто правит в Берлине, Бетман или Мольтке?»

Словно отвечая на этот вопрос, в ночь на 31 июля Мольтке уже сам телеграфировал в Вену: «Мобилизуйтесь немедленно против России. Германия объявит мобилизацию».

Германским дипломатам оставалось лишь искать союзников в надвигающейся войне, которая с каждой минутой становилась все более неотвратимой. Главам правительств и министрам иностранных дел Италии, Румынии, Болгарии, Греции, Турции были отправлены телеграммы с требованием поддержать выступление против России.

Утром 31 июля Вильгельм попытался еще раз переложить «одиум войны» на плечи русского кузена. «Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять превентивные защитные меры, — телеграфировал он царю. — Никто не угрожает чести или силе России... Ты все еще можешь сохранить мир в Европе, если Россия согласится остановить свои военные приготовления, которые, несомненно, угрожают Германии и Австро-Венгрии».

«Ники» откликнулся быстро. Он уведомил кайзера, что «по техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления,

которые явились неизбежным последствием мобилизации Австрии». В то же время, продолжал царь, «мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Даю тебе в этом мое слово».

Николай не лукавил. В 1913 г. русский Генеральный штаб постановил, что мобилизация против Германии и Австрии есть в то же время объявление войны этим государствам. Но затем, в начале 1914 г., эта формула была заменена другой, согласно которой объявлением войны Германии и Австрии надлежит считать не сам факт мобилизации, а получение соответствующей телеграммы из Петербурга или нарушение границы неприятельской вооруженной командой.

Таким образом, царь искренне полагал, что объявленная им общая мобилизация не создает непосредственной военной угрозы Австро-Венгрии и Германии и трехмиллионная русская армия может неделями спокойно стоять на границе «с ружьем у ноги», как уверял Сазонов германского посла.

Это был наивный взгляд, не учитывавший того, что весь германский «план Шлиффена» строился на том, чтобы опередить Россию в мобилизационных мероприятиях. После объявления русской мобилизации Германия должна была или отступить, или запустить маховик войны. Отступить она не желала. Главная неприятность состояла в том, что войну нужно было начинать первыми.

31 июля в три часа дня Вильгельм покинул Потсдам и въехал в Берлин, приветствуемый восторженными толпами. С балкона Городского дворца он прокричал собравшемуся народу, что его вынуждают к войне: «Нас заставили взять в руки меч!». Потрясая каким-то листком, видимо, долженствующим символизировать коварную царскую телеграмму, кайзер патетически восклицал: «Русский император обманул меня!». Газеты распространили эту речь в сокращении, так как Вильгельм совершенно потерял контроль над собой. Русские, бывшие тогда в Берлине и слышавшие речь кайзера своими ушами, утверждали, что она изобиловала призывами к истреблению русских везде и всюду.

Телеграмма Мольтке подтолкнула Австро-Венгрию к решительным шагам. 31 июля в 12 часов 32 минуты Франц Иосиф подписал указ о мобилизации остальной части армии, сосредоточив

⁴ *Odiум* (лат.) — позор; предмет ненависти, нареkania.

ее против России в Галиции. Затем он отправил телеграмму Вильгельму. В ней говорилось о «тяжком долге», «Божьей справедливости» и прочей приличествующей случаю чепухе.

На следующий день старый император подытожил свое правление: «Если монархии суждено быть разрушенной, пусть, по крайней мере, она сделает это респектабельно».

IX. Германский ультиматум. Начало мировой войны

За час до полуночи 31 июля Сазонову доложили о приезде Пурталеса. Германский посол передал русскому министру ультиматум своего правительства: если первого августа к 12 часам дня Россия не демобилизуется, то Германия тоже объявит мобилизацию. Сазонов спросил, означает ли это войну. «Нет, — ответил Пурталес, — но мы к ней чрезвычайно близки». По возвращении в германское посольство он получил распоряжение рейхсканцлера продлить срок исполнения ультиматума до шести часов вечера. Одновременно ему были переданы два варианта официального текста с объявлением войны России: один из них следовало вручить в случае продолжения русской мобилизации, другой — если никакого ответа не будет получено.

Над составлением этих документов Бетман-Гольвег трудился все субботнее утро 1 августа.

Итогом этого дня была трагикомическая сцена в русском Министерстве иностранных дел у Певческого моста. Пурталес вновь появился там не в шесть, а в семь часов. Вечер был чудный, но германский посол был явно не в себе. Семь лет он провел в Петербурге, и все это время по мере сил пытался сгладить противоречия между Россией и Германией; так, зная об опасениях, которые существовали в немецком Генеральном штабе относительно русской угрозы, он в своих донесениях в Берлин неоднократно подчеркивал, что у России нет враждебных планов против Германии. Возложенная на него миссия была крушением всех его надежд на мирный исход конфликта.

Задыхаясь от волнения, покраснев до кончиков волос, он трижды переспросил Сазонова, согласна ли Россия отменить свою мобилизацию. Сазонов каждый раз отвечал отрицательно. Тогда Пурталес трясущимися руками вынул из кармана ноту с объявлением войны, не заметив, что передает русскому министру сразу

два заготовленных документа с двумя разными редакциями, которые, однако, заканчивались одинаково: «Его величество кайзер, мой августейший монарх, от имени империи принимает вызов и считает себя находящимся в состоянии войны с Россией».

Сазонов воскликнул:

— Вы проводите преступную политику. На вас падет проклятие народов.

— Мы защищаем нашу честь! — пробовал оправдаться Пурталес.

— Ваша честь не была затронута. Но есть Божий суд!

Пурталес, совершенно подавленный, поплелся к окну, бормоча глухим голосом: «Это правда...» Он оперся на подоконник и вдруг разразился рыданиями. Сазонов, не зная, что сказать, приобнял его и слегка похлопал по спине. «Вот чем заканчивается мое пребывание здесь», — сквозь слезы произнес Пурталес и в отчаянии бросился к двери. Последние его слова были:

— Прощайте! Прощайте!..

Перед расставанием они обнялись.

Николай II вечером записал в дневнике: «Поголял с детьми. В 6 1/2 поехал ко всенощной. По возвращении оттуда узнал, что Германия объявила нам войну».

Примерно в то же время в Берлине разыгрывалось не менее драматическое представление.

В середине дня Вильгельм провел правительственное совещание с участием военных. Уже было известно, что вслед за Россией и Австро-Венгрией мобилизацию объявила Франция. Откладывать «великое решение» больше было нельзя. Около пяти часов кайзер подписал приказ о мобилизации. Присутствующие начали разъезжаться. Однако с полдороги они были вновь вызваны во дворец, где их ждала ошеломляющая новость. Мировая война отменялась!

Фон Ягов зачитал полученную им телеграмму от германского посла в Лондоне. По его словам, это был «луч надежды», позволявший «ограничиться войной лишь на востоке, придать ей характер борьбы славянства с германизмом и помешать возникновению мирового пожара».

Лихновски сообщил о своем телефонном разговоре с Греем, который заметил, что Англия может взять на себя обязательства по обеспечению нейтралитета Франции в случае русско-германской войны, если Германия, со своей стороны, обязется не предпринимать каких-либо

враждебных действий против Франции⁵. Вырисовывалась приятная перспектива легкой победоносной войны не с тремя, а только с одним противником.

Собрание было охвачено радостным настроением, которое держалось до тех пор, пока не вернулся Мольтке. Кайзер приветствовал начальника штаба торжествующим восклицанием: «Итак, мы наступаем со всеми армиями на востоке!» К его удивлению, Мольтке пришел в ужас и категорически отверг эту идею. Верный хранитель «плана Шлиффена» заявил, что «стратегическое развертывание миллионных армий не может быть импровизировано, оно является результатом упорной, многолетней работы и, однажды установленное, не меняется». Германские корпуса, отправленные на восток, явились бы туда не готовыми к бою, «а представляли собой хаотические толпы неорганизованных вооруженных людей без снабжения».

Выступление начальника штаба вызвало ожесточенный спор. Мольтке, возбужденный, с трясущимися губами, упорно держался своей точки зрения. Как может Англия гарантировать французский нейтралитет, спрашивал он. Французы уже начали мобилизацию, и невозможно, чтобы отмобилизованная армия долго оставалась в бездействии. Что будет, если в разгар войны с Россией Франция ударит на Германию с тыла? Однако, несмотря ни на какие доводы, он оказался совершенно одиноким. Вильгельм, рейхсканцлер, Ягов настаивали на том, что дальнейшие действия нужно планировать с учетом английского предложения.

Особенно сильно начальника штаба поразила следующий эпизод. Речь зашла о важном в военном отношении вопросе о Люксембурге. Германский план предусматривал занятие Люксембурга 16-й дивизией, стоявшей в Трире, уже в первый день мобилизации, чтобы взять под контроль железные дороги, стратегически необходимые для дальнейшего сосредоточения германской армии. Но Бетман-Гольвег возражал, что занятие Люксембурга будет воспринято Францией как прямая угроза ее безопасности, после чего о французском нейтралитете можно будет забыть. Их спор был прерван кайзером, который обратился

к дежурному флигель-адъютанту и приказал ему тотчас же послать телеграфный приказ 16-й дивизии, чтобы она не вступала в Люксембург. Мольтке, по его собственным словам, почувствовал, что ему разбили сердце. Понять весь трагизм ситуации, пишет он, «мог только тот, кто в целом и до самых мельчайших подробностей изучил работу по стратегическому сосредоточению, где каждый поезд рассчитан по минутам и где каждое изменение могло оказать самые тяжелые последствия».

Мольтке с трудом удалось убедить кайзера, что сосредоточение главных сил должно быть планомерно проведено согласно существующему мобилизационному расписанию, после чего, если обстоятельства не изменятся, любую часть армии можно будет перебросить с западной границы на восток.

Ответная телеграмма в Лондон была составлена в том духе, что Германия охотно принимает английское предложение, но что план сосредоточения сил на французской границе по техническим соображениям должен быть исполнен во всей точности. Тем не менее, Германия не атакует Францию, если она сама не даст к этому повода.

«Невозможно описать состояние, в котором я вернулся домой, — продолжает Мольтке свой рассказ о злоключениях этого дня. — Я чувствовал себя нравственно разбитым и рыдал от горя». Когда ему принесли на подпись приказ 16-й дивизии оставаться на месте, он в отчаянии бросил перо на стол и заявил, что не подпишет его.

В удрученном состоянии он просидел без дела в своем кабинете до 11 часов вечера, когда снова был вызван к кайзеру во дворец. Вильгельм уже лежал в кровати. Увидев начальника штаба, он встал и набросил на себя сюртук. Затем он молча протянул Мольтке телеграмму Георга V. Мольтке заскользил глазами по строчкам. Король писал, что произошло недоразумение, Лихновски неправильно понял слова Грея (который несколько ранее лично дезавуировал свое заявление), между тем как на самом деле Англия не намерена давать Германии никаких гарантий относительно вмешательства Франции в войну⁶. На полях

⁵ Грей пошел на это, чтобы избежать раскола в английском правительстве, где по-прежнему были сильны изоляционистские настроения.

⁶ Сделку сорвали сами же французы. Французский посол в Лондоне Поль Камбон без обиняков заявил Грею, что если Англия предаст своих друзей, то после войны ей придется об этом пожалеть, независимо от того, кто победит: Германия или Россия с Францией.

телеграммы кайзер уже успел оставить свое замечание: «Грей, лживый пес, боящийся своей собственной подлости и лживой политики...» Когда Мольтке закончил чтение, Вильгельм, едва сдерживая негодование, сказал ему: «Теперь вы можете делать, что хотите». Тот немедленно вернулся домой и составил приказ 16-й дивизии о занятии Люксембурга.

С этого момента рейхсканцлер и министр иностранных дел превратились в простых почтальонов германского Генштаба.

Однако вся эта нервотрепка морально надломил Мольтке. «Это было мое первое переживание во время этой войны, — откровенно признается он. — Я убежден, что если бы телеграмма Лихновски была получена на полчаса раньше, кайзер не подписал бы приказа о мобилизации. Я не мог вытравить из себя этого переживания; у меня что-то оборвалось внутри, чего уже нельзя было поправить; уверенность и доверие были подорваны». Мольтке терзала подспудная мысль, что дрогнувший духом командир не может привести армию к победе. Эта задача оказалась не по плечу и ему самому.

Завершила ужасную комедию ошибок этого дня телеграмма Вильгельма, отправленная в Петергоф в ночь на второе августа. Кайзер, видимо, совсем потерявший голову, просил «Ники», которому несколько часов назад объявил войну, «отдать приказ войскам ни в коем случае не переходить германской границы». Мольтке был прав, не веря в храбрость Вильгельма. Душевные силы его и вправду находились на пределе. «Когда кайзер убедился в неудаче своих усилий спасти мир, он был глубоко потрясен, — свидетельствует Тирпиц. — Один, издавна близкий ему человек, который встретился с ним в первых числах августа, рассказывал, что он никогда не видел такого трагического и взволнованного лица, как у кайзера в эти дни».

В ночь с 1 на 2 августа Сазонов вызвал Палолога и Бьюкенена и сообщил последнему, что «Россия тревожно жаждет узнать, поддержит ли ее Великобритания в войне, ей навязанной».

Одновременно царь направил «кузену Джорджи» телеграмму: «В этот торжественный час я хочу еще раз заверить тебя, что я сделал все, что было в моих силах, чтобы предотвратить войну. Теперь, когда мне ее навязали, я верю, что твоя страна не откажет поддерживать Францию и Россию в борьбе за сохранение

равновесия сил в Европе. Бог да благословит и хранит тебя».

В Петербурге потянулись томительные часы ожидания официального ответа из Лондона.

Тем временем в Берлине раздумывали, как выйти из щекотливого положения, в котором оказалась Германия: война была объявлена России, а германские войска уже вторые сутки сосредоточивались в противоположном направлении, вдоль французской и бельгийской границ. Стратегический план германского развертывания требовал скорейшего открытия военных действий против Франции — но для этого не было юридического основания. Французское правительство, полагавшее чрезвычайно важным, чтобы инициатива агрессии исходила от Германии, еще 30 июля приказало отвести войска на 10 км от границы.

Под давлением Генерального штаба германской дипломатии пришлось пойти на откровенную ложь. Было официально объявлено, что французские войска будто бы в нескольких местах перешли на германскую территорию, а французские самолеты якобы подвергли бомбардировке железнодорожную линию в районе Карлсруэ и Нюрнберга. На этом основании 3 августа в 18 часов 45 минут германский посол в Париже сообщил, что Германия считает себя в состоянии войны с Францией. Спустя несколько часов германские войска перешли границу Бельгии, нарушив нейтральный статус этой страны. Бельгийский король обратился за помощью к Англии. В тот же день от русского посла в Лондоне поступили успокоительные известия: большинство членов кабинета высказались за выступление Англии на стороне России и Франции, наиболее рьяные противники войны ушли в отставку. Наутро 5 августа в Петербурге с огромным облегчением узнали, что накануне, в 11 часов вечера, Англия объявила Германии войну⁷. «Отныне мы союзники», — сказал Грей

⁷ При этом тоже не обошлось без бюрократических ошибок. Первоначальная английская нота указывала, что причиной объявления войны является нарушение Германией нейтралитета Бельгии. Но в половине десятого вечера четвертого августа в Форин офис молнией распространилось известие (как впоследствии выяснилось, ложное) о том, что Германия первой объявила войну Англии. Пришлось спешно переделывать ноту. Когда недоразумение разъяснилось, в английском ведомстве иностранных дел «с острым ужасом» осознали, что князю Лихновски была вручена нота с неправильным обоснованием объявления войны. Было решено, несмотря на поздний час,

русскому послу. Петербуржцы засыпали английское посольство цветами. В Берлине кричали о «расовом предательстве» (*Rassenverrat*) англичан, моментально превратившихся в злейших врагов Германии, превзошедших по коварству даже русских.

Вильгельма эта новость повергла в глубокую депрессию. Его окружение шепталось, что прежде никто и никогда не видел у кайзера такого «трагического и подавленного» выражения лица.

Удивительным образом дольше всех сохраняла официальное миролюбие непосредственная виновница мировой войны — Австро-Венгрия. Пушки уже всюду гремели на востоке и на западе Европы, а в Вене все еще не торопились поддержать «Нибелунгову верность» германского друга. На австрийцев не действовали даже раздраженные указания из Берлина. Вильгельм еще 31 июля телеграфировал Францу Иосифу: «Величайшее значение имеет то, чтобы Австро-Венгрия ввела в дело против России свои главные силы и не раздробила их одновременно наступлением против Сербии. Это тем более важно, что значительная часть моей армии будет связана Францией. В гигантской борьбе, в которую мы вступаем плечом к плечу, Сербия играет совершенно второстепенную роль и требует только самых необходимых оборонительных мероприятий...». 5 августа уже Мольтке напомнил Конраду: «У вас только одна цель — Россия».

Медлительность австрийского правительства объяснялась тем, что оно хотело успеть сосредоточить свои войска на русской границе до начала военных действий. Наконец, 6 августа в шесть часов вечера австрийский посол в Петербурге граф Фридрих Сапари вручил Сазонову ноту с объявлением войны⁸. Дальше в Вене вновь взяли сом-

отправить к нему младшего сотрудника министерства, чтобы заменить неправильный документ на правильный. Лихновски уже был в постели. Выслушав посетителя, он молча кивнул на стол, где лежал полуоткрытый пакет. Оказывается, германский посол, догадываясь о содержании врученной ему ноты, даже не удосужился ознакомиться с ней и, придя домой, в отчаянии швырнул полученный в Форин офис пакет с документами на стол. Посыльный заменил ноту, получи расписку и удалился.

⁸ А.А. Керсновский в связи с этим приводит следующую апокрифическую историю: «В своих мемуарах Сазонов рассказывает (в опубликованных воспоминаниях Сазонова ничего подобного нет. — С. Ц.), как к нему в кабинет явился австро-венгерский посол граф Сапари с текстом объявления войны. «Ввиду того, что Россия объявила войну нашей союзнице — Германии...» — начал он читать по бумажке. «Позвольте, — перебил

намбулическую паузу, после чего объявили войну и другим членам Антанты: 10-го числа — Франции и 12-го — Англии.

Вильгельму в эти дни пришлось пережить еще одно разочарование: Румыния, Греция и Италия заявили о своем нейтралитете. «Союзнники отпадают, как гнилые яблоки!» — сокрушенно писал кайзер. Особенную ярость вызвало в нем поведение Италии — члена Тройственного союза. Ее премьер-министра Джованни Джолитти Вильгельм обругал «удивительным подлецом», а короля Виктора-Эммануила — «мерзавцем».

В итоге рассчитывать можно было лишь на болгарского царя и на двух «больных людей» — Австро-Венгрию и Турцию. С такими вот союзниками Германии приходилось вступать в борьбу, которая, по словам Мольтке, должна была определить «ход истории на последующие сто лет».

Литература

1. Брусилов А.А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1963.
2. Бьюкенен Д. У. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М.: Центрполиграф, 2006.
3. Виллмотт Г. П. Первая мировая война. М.: Ломоносовъ, 2010.
4. Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918. М. — П.: Издательство Л.Д. Френкель, 1923.
5. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1–3. М., 1960.
6. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое лит. обозрение, 2000.
7. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991.
8. Дневники императора Николая II / общ. ред. и предисловие К.Ф. Шацillo. М.: Орбита, 1991.
9. Добророльский С. О мобилизации русской армии в 1914 году / Царская Россия накануне революции. М., 1991.

его Сазонов, — не Россия объявила войну Германии, а, наоборот, Германия объявила войну России». Сапари посмотрел умоляюще и снова начал: «Ввиду того, что Россия объявила войну нашей союзнице Германии...» — «Позвольте, позвольте, — перебил его опять Сазонов, — это совершенно неверно!» — «Ах, господин министр! — в отчаянии воскликнул посол. — Войдите же в мое положение: мне так приказали!..»

10. История дипломатии: Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.). Т. 2 / сост. И.И. Минц, В.М. Хвостов; под ред. В.П. Потемкина — М.; Л.: Госполитиздат, 1945.
11. История Первой мировой войны 1914–1918 гг. М.: Наука, 1975.
12. Керсновский А. А. История Русской армии: В 4-х т. М.: Голос, 1992.
13. Киган Дж. Первая мировая война. М.: АСТ, 2004.
14. Клей К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М.: Вече, 2009.
15. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Париж, 1933.
16. Лунева Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М.: Квадрига, Объединенная редакция МВД России, 2010.
17. Макдоно Д. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М., 2004.
18. Масси Р. Николай и Александра. М.: Пресса, 1996.
19. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) / под ред. М. М. Карповича и Б. И. Элькина. Нью-Йорк, 1955.
20. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: В 2 кн. — Кн. 1. Август 1914 г. — октябрь 1917 г. М.: Международные отношения, 1993.
21. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939; Т. 2. Мюнхен, 1949.
22. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1991.
23. Полетика Н. П. Возникновение Первой мировой войны (июльский кризис 1914 г.). М.: Мысль, 1964.
24. Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы Истории. 1994. № 2, 3, 5, 8–11.
25. Пронин В. О мобилизации русской армии в 1914 г. // Вестник первопоходника. 1964. № 37–38.
26. Пуанкаре Р. На службе Франции 1914–1915 / На службе Франции 1915–1916. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002.
27. Роуз К. Король Георг V. М.: АСТ, Люкс, 2005.
28. Сазонов С. Д. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002.
29. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ»: пер. с нем. М. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003.
30. Струве П. Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. № 1.
31. Такман Б. Августовские пушки. М., 1972.
32. Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. — М.; Л., 1927; 2-е изд., доп. М.; Л., 1928. См. также: Тарле Е. В. Сочинения. Т. 1–12. М., 1957–1962.
33. Турпиц А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957.
34. Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001.
35. Фридрих фон Бернгарди. Современная война: Т. 1–2. СПб.: В. Березовский, 1912.
36. Чернин О. В дни мировой войны. М. — Пг.: ГИЗ, 1923.
37. Черчилль У. Мировой кризис 1911–1918. Сокращенное и пересмотренное издание с дополнительной главой о сражении при Марне. Авторский перевод Crusoe (crusoe. livejournal.ru), 2005–2010, с издания: The World Crisis, 1911–1918 (Paperback) by Winston Churchill (Author), Martin Gilbert (Introduction). Free Press, Published by Simon & Shuster New York // [Электронный ресурс] URL: <http://on-island.net/History/Churchill/WorldCrisis/WCris.pdf> (дата обращения: 04.06.2014).
38. Четырехлетняя война 1914–1918 г. и ее эпоха. Т. 46. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1927.
39. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954.
40. Шапошников Б. М. Мозг армии: в 3 книгах. М.: Воениздат, 1927–1929.
41. Шацлло В. К. Первая мировая война. 1914–1918. Факты. Документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
42. Энджелл Н. Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. М., 2009.
43. Энджелл Н. Рассказ о брошюре // Энджелл Н. Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. — М., 2009.

УДК 338(091)(045)

Проблемы модернизации России: опыт историко-экономического анализа

СКВОРЦОВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета. E-mail: alex.e.k.02.07.98@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен модернизации с точки зрения его исторической эволюции, сущности, современного понимания процессов развития в рамках тренда модернизации. Дается характеристика базовых элементов западного общества модерни в системе политических, социально-экономических, культурных отношений, приводится общеисторическая закономерность их становления. Анализируется специфика модернизации стран «второго эшелона» развития, и в первую очередь России. Особенность российской модернизации рассматривается в связи с геополитическим положением страны и вытекающей из него внешней политикой государства. Особое место уделяется характеру исторического взаимодействия России и Европы. Исследуется либеральная и консервативная составляющая догоняющей модели имперской модернизации России. Автор выделяет три основных периода в разворачивании российской модернизации: 1) период протомодернизации (XVI–XVII вв.) – формирование социально-экономических и геополитических предпосылок модернизации, преодоление изоляционистских настроений в среде правящего класса, культурно-исторический сдвиг в русском обществе; 2) имперский период (XVIII–XX вв.) – пофазовое осуществление модернизационного проекта России, прошедшего две стадии (мануфактурную и промышленную) и три витка ускорения в рамках индустриального периода, но на принципиально разной социально-политической почве (90-е гг. XIX в., предвоенные годы начала XX в. и 30-е гг. XX в.), особо выделяется стадия перенастройки традиционной модели модернизационного развития 1960–1980-х гг., инициированная третьей научно-технической революцией (НТР); 3) современный период (с 1992 г.) – ему уделяется особое внимание в силу значимости для современников. Анализируются сильные и слабые стороны современного этапа модернизации страны, резервы ее экономического роста, возможные формы социального активизма и оптимизации социально-политического курса. В заключение приводятся некоторые сценарии возможного развития страны на ближайшую и отдаленную перспективу. Автор стоит на позициях социального оптимизма, однако реалистично оценивает современное состояние России и предупреждает о пагубности политики, направленной на углубление социальной и имущественной дифференциации, сырьевого потребительства, недоучета гигантских потенциальных возможностей россиян и нежелания привлечь этот незадействованный ресурс на благо страны.

Ключевые слова: «второй эшелон» модернизации; геополитика; догоняющая модель развития; имперская модернизация; индустриализация; индустриализм; модерн; модернизация; модернизи; промышленный переворот; протомодернизация; экспансионизм.

Problems of Modernization in Russia: Experience of Historical and Economic Analysis

ELENA M. SKVORTSOVA, PhD in History, Professor of the Department of «Economic History and History of Economic Doctrines» of the Financial University. E-mail: alex.e.k.02.07.98@gmail.com

Abstract. The article discusses the phenomenon of modernization from the point of view of its historical evolution, the essence of the modern understanding of development processes in the framework of the trend of modernization. It also

describes the basic elements of Western society modernity in the political system, socio-economic, cultural relations, provides a general historical pattern of development. The specificity of the modernization of the countries of the «second echelon» of development, and primarily Russia is given. The peculiarity of Russian modernization is considered in connection with the geopolitical situation of the country and its foreign policy which is due to it. A special place is given to the historic character of interaction between Russia and Europe. There are explored liberal and conservative components of the catch-up model of Imperial Russia's modernization. The author identifies three main periods in the deployment of Russian modernization: 1) the period of protomodernism (XVI–XVII centuries) – the formation of socio-economic and geopolitical preconditions of modernization, the overcoming of isolationist sentiment in among the ruling class, cultural-historical shift in Russian society; 2) the Imperial period (XVIII–XX centuries) – stage-by-stage implementation of the modernization project of Russia, that had two stages (manufacturing and industrial) and three rounds of acceleration in the framework of the industrial period, but on radically different socio-political grounds (the 90-ies of the XIX century, the pre-war years of the early XX century and the 30s of XX century). There stands out the stage of reconfiguration of the traditional model of modernization development 1960–1980th, initiated by the third scientific and technological revolution (STR); 3) the modern period (since 1992) – it is given special attention because of the significance for contemporaries. The article analyzes strengths and weaknesses of the current stage of modernization of the country, the reserves of its economic growth, the possible forms of social activism and optimization of socio-political course. It concludes with some scenarios of possible development of the country in the near and distant future. The author takes the position of social optimism, however, is realistic about the modern state of Russia and warns of the evils of policies aimed at deepening social and property differentiation, raw material consumerism, underestimation of huge potential of Russians and unwillingness to engage this untapped resource for the benefit of the country.

Keywords: «second echelon» of modernization; geopolitics; catch-up development model; Imperial modernization; industrialization; industrialism; modern; modernization; modernity; industrial revolution; protomodernisation; expansionism.

Модернизация — феномен западной цивилизации. Термин «modern» впервые начал использоваться в сочинениях философов и историков раннего Средневековья с целью разграничения понятий христианского настоящего стран Европы и их языческого античного прошлого. В современных исследованиях под модерном понимается эпоха Нового времени, начавшаяся Ренессансом и Реформацией и завершившаяся в последней четверти XX в. Настоящий период в рамках теории модернизации рассматривается как поздняя модерность, открытая во всемирно-историческом хронотопе и связанная с утверждением постмодернистской культурной парадигмы и постиндустриального типа общества на Западе.

Европа стала источником модернизации в силу высокого динамизма своей жизни. Западноевропейский капитализм Нового времени являлся прямым продолжением социально-экономических тенденций развития античного мира и одновременно был качественно новым явлением всемирной истории. В эпоху утверждения рыночных отношений сформировалось новое понимание роста эффективности общественного производства как его технико-технологического совершенствования.

Интенсификация труда, частнособственническая активность и быстрые темпы роста экономики выступили структурообразующими компонентами, на базе которых произошло возрождение стран Западной Европы.

Параллельно с развитием капитализма восставали и элементы политической надстройки греко-римского мира — демократическое государство, гражданское общество с высоким уровнем правосознания его членов и приоритетом закона в жизни страны, культура с ее мировоззренческим наукоцентризмом и личностным активизмом. Появление в эпоху Античности нового типа личности, осознававшей свои социальные интересы и способной делать выбор в системе отношений партийной демократии, подкрепленное фактором возникновения национальных средневековых государств и развитием капиталистического производства Нового времени, сделало Западную Европу, а затем и весь западный цивилизационный ареал источником глобальных модернизационных изменений. Мир воспринял западную модернизацию потому, что никакие иные общественные формы не могли противостоять ее высокому технологизму, личностному активизму, рационализму, секулярности и экономикоцентризму.

Базовые элементы современного западного общества

1. Система товарного производства, основанная на конкурентных рынках продукции и специализации рабочей силы.

2. Индустриализм (постиндустриализм) как система производственных отношений, базирующихся на масштабном использовании энергии и технологий в процессе создания материальных благ.

3. Национальное государство как административная система, осуществляющая монопольный контроль над средствами насилия в пределах своих национальных границ на основе сбора и применения информации.

4. Современный строй социальных отношений, основанных на легитимации различных направлений гражданской активности и поляризации общества по линии элита–масса.

5. Западные политические институты в виде общества открытого типа с его системой партийной демократии и строгим разделением трех ветвей властной горизонтали (исполнительной, законодательной и судебной).

6. Мобильный тип доминантной личности, утверждающей себя в обществе посредством прагматических интересов, а не абстрактных идеалов.

7. Социокультурная динамика, ориентированная на утверждение приоритета материальных ценностей посредством наполнения светским содержанием христианских по происхождению смысловых комплексов и систем культуры.

8. Прогрессивный тип исторического развития как осуществление возможности коренных изменений политического строя и мировоззренческих ориентаций общества в течение жизни одного-двух поколений людей.

Сегодня модернизацию рассматривают не только как внутреннее развитие передовых стран Западной Европы и Северной Америки в эпоху Нового времени или как современные инновационные процессы в передовых странах мира. Говорят также о догоняющей модернизации стран «второго» эшелона. К ним относят патриархально ориентированные общества с этатистскими политическими традициями, которые долго не могли ответить на вызов западной модернизации. В рамках глобального цивилизационного процесса стремление таких стран «догнать и перегнать» передовые государства, не трансформируя своей традиционной модели развития, наталкивалось на большие трудности. В случае практического воплощения таких проектов, достигавшихся,

как правило, ценой крайнего перенапряжения сил общества и государства, получавшая разновекторное направление движения система не могла эффективно функционировать ни в одной из своих частей. Инфантилизм и традиционализм массового сознания продолжали ориентироваться на возможность достижения всего комплекса цивилизационных благ и западного уровня жизни без коренной перестройки системы экономических, политических и социокультурных отношений.

Россию принято относить к странам «второго» эшелона модернизации. В течение последних четырех столетий своей истории она осуществляла проект развития в рамках имперской модели модернизации, во многом определявшийся геополитическим положением страны и вытекавшей из него внешней политикой. Характер этой политики, однако, не позволяет квалифицировать Россию как классическую колониальную державу. Внешняя политика страны была ориентирована не столько на прямое подчинение других народов с целью их эксплуатации, сколько на обеспечение государственной безопасности и выполнение миротворческой и религиозной миссий в зоне геополитических приоритетов страны. Она сочетала в себе:

1) вооруженную борьбу против сильных внешних соперников с целью сдерживания их агрессии;

2) была направлена на укрепление и расширение государственных границ вследствие побед над внешним агрессором;

3) имела целью нейтрализовать потенциальные очаги опасности, исходившие со стороны многочисленных внешних врагов;

4) ставила задачу расширения сфер влияния России в зонах, населенных единоверцами либо имевших важное для государства стратегическое значение;

5) имела в виду колониальную политику, направленную на мирное включение в состав государства малонаселенных земель с последующей ассимиляцией местного населения великороссами.

Итак, российская имперская модернизация оказалась тесно связанной с задачей обеспечения государственной безопасности страны, широкомасштабной государственной колонизацией восточных земель и формированием российского цивилизационного ареала на базе общегосударственной идеологии «Москвы–Третьего Рима».

Старт всем этим процессам был дан в период Московского государства XV–XVII вв., который можно назвать протомодернизационным. Собственно

же модернизация началась только в эпоху Петра I. Именно тогда Россия встала перед необходимостью ответить на исторический вызов передовых держав своего времени и начать ускоренное движение вдогонку за ними. До начала 90-х годов XX в., несмотря на разность внутренних социально-политических условий, российская модернизация осуществлялась как единый процесс с некоторыми отклонениями, обусловленными политической конъюнктурой, и тесно увязывалась с задачами воспроизводства и сохранения имперского статуса государства.

Взаимодействие России и Европы на всем протяжении модернизационного периода подчинялось схеме догоняющего Запад развития. При этом необходимость реформ созревала в обществе быстрее, чем общество было способно их адекватно воспринять. Одним из важнейших следствий такого развития стал разрыв между уровнем военно-технического потенциала страны и отсталостью общественной жизни, между косной народной средой и европеизированной элитой. Уже в эпоху Петра I вызрели две разновекторные тенденции, противоборство которых определило последующий ход исторического развития страны. С одной стороны, получил мощный импульс процесс огосударствления всех явлений общественной жизни. С другой стороны, в виду молниеносного расширения культурного горизонта образованных слоев общества в их среде развилось критическое отношение к сложившемуся политическому строю. Набиравшая силу оппозиция вытесняла в свои ряды ярких представителей культурной и политической элиты, оказывала влияние даже на монаршествовавших особ. Наскоро воспринятые плоды европейского буржуазного просвещения, трагическая неукорененность образованного класса в традициях народной духовности — эти и многие другие причины не позволили вызреть в России тому среднему классу, который бы мог преодолеть пропасть, отделявшую власть от народа, с одной стороны, и народ от интеллигенции, — с другой.

Именно этот факт определил кратковременность периодов либеральных реформ и перевес консервативной составляющей в истории российской модернизации. Особенно наглядно это демонстрируют начинания Александра II, наиболее последовательного из всех либеральных реформаторов России. Его «великие реформы» подвели черту под тысячелетием российского феодализма, открыли эру капитализма в России. Однако масштабность предпринятых перемен неизбежно приводила к серьезным просчетам.

Россия попыталась, как всегда, одним рывком встать в ногу с передовыми державами мира, отставая при этом от них на несколько столетий. Ускоренное движение вдогонку заставляет перенимать чужой опыт наскоро, что встречает оппозицию в обществе. Коренная перестройка жизни России привела к неожиданному для властей социально-политическому эффекту. Вместо примирения и сотрудничества власть и общество оказались в состоянии плохо прикрытой гражданской войны. И первой жертвой этой войны стал сам царь-«освободитель». Его преемники силой исторических условий были поставлены перед необходимостью лавировать между курсом на ужесточение внутреннего режима и политикой заигрывания с либералами.

Подобный сценарий смены недолговременного периода господства либеральной компоненты развития на длительную эпоху консервативных перенастроек общественной системы в рамках развертывания имперской модели модернизации оказался формообразующим для российского исторического процесса.

Прототипом всех последующих либеральных реформ и одновременно их содержательным ядром послужили проекты преобразований, разработанные Избранной радой в середине XVI в. Реформаторы сознательно обратились к изменению не только государственных отношений, но и общественной жизни. Либеральный проект с тех пор (и затем всегда) развертывался неотрывно от идеологии сближения с Европой. Он непременно носил верхушечный характер, т.е. начинался как «реформы сверху», всегда был кратковременным, его никогда не удавалось довести до конца. За либеральными реформами, как правило, следовал кризис системы общественных отношений, который был тем глубже, чем последовательнее и продолжительнее являлся период изменений.

Судьбы почти всех реформаторов в России окзывались плачевными. За реформами Избранной рады последовала опричнина, А. Адашев был казнен, А. Курбский бежал в Литву. Б. Годунов, начинания которого в области образования, просвещения и налаживания связей с Европой могут быть заслуженно отнесены к протолиберальным, внезапно скончался в разгар Великой смуты. Царевна Софья и В. Голицын свои нововведения сумели только задумать, но не осуществить. Александр I ушел из жизни загадочным образом, и вслед за этим разыгралось восстание декабристов. Александр II пал жертвой революционеров-народовольцев. В.И. Ленин не сумел укоренить НЭП «всерьез и надолго» в силу настигшей его

внезапной болезни. Н.С. Хрущев был смещен с поста главы партии и государства своими соратниками. М.С. Горбачев сам сложил с себя полномочия Президента СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС.

Таким образом, Россия с XVI в. множество раз делала свой исторический выбор в пользу консервативной модели развития. Либеральные реформы терпели неудачу прежде всего потому, что их отторгала сама система повседневной жизни большинства людей. Вплоть до 1930-х годов крестьянство, во многом сохранявшее архаичный общинный строй сознания, составляло основную массу населения страны. Патриархальный политический уклад и неразвитость правосознания людей давали о себе знать, даже когда общество превратилось из аграрного в индустриальное. Как показала историческая практика, сдвиги в общественном сознании происходят гораздо медленнее, чем реформируется сам строй отношений. Причем при развертывании консервативных моделей модернизации изменения в повседневной жизни чаще всего происходили внепланово, в форме вынужденных адаптаций тех или иных сторон жизни общества к актуальным на данный момент задачам реализации реформистских программ, т.е. не являлись частью общего плана, но лишь выступали побочным продуктом его осуществления.

Лишь в краткие периоды либерального реформирования инициаторы прогрессивных нововведений сознательно обращались к изменению не только государственной, но и общественной жизни. Однако чаще всего реформаторов постигали на этом поприще неудачи в силу непоследовательности и недальновидности их собственных действий, во многом обусловленных почти физиологическим страхом перед преобразуемой системой.

На счету русской истории в промежутке времени от Ивана III и до Михаила Горбачева не было ни одного последовательного правителя-либерала. Почти каждый в той или иной мере совершал консервативный откат от первоначальных либеральных программ во имя утверждения примата государственных интересов и поддержания стабильности общественных порядков. Если же сам реформатор не останавливался, его тормозила система, выдвигавшая альтернативных лидеров с их программами стабилизации. Так Россия отторгла либеральную альтернативу развития. Аморфность народной среды компенсировалась деспотизмом правителей России, порождала у них стремление контролировать социальную динамику, сохраняя консенсус между движением вперед и движением назад. Все это в итоге

привело к деградации общественного тела государства, породило бессилие средних классов и как следствие — гипертрофию бюрократического аппарата, его смыкание с преступным миром, бесконтрольный допуск чиновников и формировавшихся вокруг них элит к национальному богатству страны.

Формирование условий для старта модернизации России и зарождение имперского теократического сознания совпадают по времени и примерно соотносятся с эпохой Московского царства XVI–XVII вв. На этом первом этапе протомодернизации сложился комплекс политических, экономических и социокультурных условий для полноценного развертывания процесса в следующем столетии. Сам же переход России из Средневековья в Новое время произошел благодаря накоплению энергии социального противоборства в годы опричнины и Великой смуты.

Политические предпосылки состояли в формировании единого Российского государства, оформлении модели российского экспансионизма и появлении первой общенациональной мессианской идеологии «Москва–Третий Рим».

Коренные сдвиги в экономике определялись зарождением рыночных отношений в XVII в. О начале развития капиталистического уклада хозяйства свидетельствовало:

- появление частного мануфактурного производства;
- развитие промыслового хозяйства;
- превращение ремесла в мелкотоварное производство;
- формирование элементов общероссийского национального рынка;
- возникновение прослойки наемных работников;
- формирование источников первоначального накопления капитала.

Становление новой системы экономических отношений на этом этапе происходило под сильным диктатом верховной власти, соперничать с которой состоятельные купцы и заводчики могли лишь на большом отдалении от центра.

В комплексе социальных предпосылок модернизации самыми яркими свидетельствами прогрессивных сдвигов в духе Нового времени стали: рождение элементов общественного российского самосознания, юридическое оформление сословного строя и выход на историческую арену широких народных масс. Утверждение элементов договорного начала во взаимоотношениях власти и общества имело место на исходе Смутного времени и повлияло на

формирование общероссийского национального самосознания, способствовало развитию начал правового регулирования государственных отношений, а вместе с этим и абсолютизма. Осуществленная в середине XVII в. легитимация сословного строя ускорила стирание внутрисословных барьеров и консолидировала основные сословия по их положению в обществе. Причем высшие слои общества за счет этого усилились и обрели дополнительные возможности господства над низшими.

Таким образом, специфика исторического развития России на ее пути к модернизации в XVI–XVII столетиях состояла в том, что централизация страны, в отличие от государств Западной Европы, сопровождалась не разрушением, а юридическим оформлением крепостных отношений, не упадком, а консолидацией и легитимацией сословий, поздним нормативным оформлением сословного строя, отставанием в развитии рынка, диктатом государства в экономике, слабостью городов, отсутствием третьего сословия горожан

Имперский этап модернизации (XVIII–XX вв.)

Собственно российская модернизация началась в эпоху Петра I и остается незавершенной по сегодняшний день. До начала 90-х годов XX в., несмотря на разность внутренних социально-политических условий, Россия осуществляла свой единый модернизационный проект на путях экстенсивного развития во имя преодоления отставания от передовых стран мира и сохранения в условиях резких глобальных перемен статуса великой державы, каковой она являлась в силу своих гигантских размеров и неисчерпаемых природных и людских ресурсов.

Начальный период модернизации (XVIII–первая треть XIX в.). В течение этого периода оформилась «имперская модель» консервативной модернизации России. Все это время мы догоняли западную цивилизацию, пытались наверстать упущенное в сфере промышленных и военных технологий. В России сложилось свое понимание цели и характера прогрессивного развития как ускоренного прироста военно-промышленного потенциала путем форсированного движения вдогонку за передовыми странами мира. Модернизация России совершалась во имя сохранения и упрочения Российской империи, приведения в наиболее современный, т.е. конкурентоспособный, вид отдельных ее элементов. Вынужденные жертвы и отступления на этом пути совершались ради сохранения

и упрочения единого могущественного государственного организма.

Период индустриализма (30-е гг. XIX в. — 50-е гг. XX в.). На этом этапе свою законченную имперскую форму приобрело Российское государство. В конце XIX в. завершилось складывание его границ, к концу 30-х гг. XX в. после переломных событий в истории эти границы были почти полностью восстановлены в пределах Советского Союза, трансформировавшего в интернационалистском ключе мессианскую идею «Москвы–Третьего Рима» и на ее базе осуществлявшего свой идеократический проект гегемонизма. Невзирая на существенную разность идейно-политических условий развития страны, остроту ее внутренних и внешних противоречий, на первое место в модернизационном процессе выдвинулся индустриализм, подчинявшийся и в царское, и в советское время общим закономерностям развертывания. Его ускорителем выступал фактор научно-технического прогресса (НТП), ставивший Россию всякий раз перед необходимостью интенсифицировать экономику в условиях наращивания ее отставания от передовых стран мира. Россия вынуждена была постоянно перенапрягать силы и решать одновременно взаимоисключающие задачи: преодолеть хозяйственную отсталость и сохранять статус великой державы, укрепляя свое международное положение в условиях быстро менявшейся геополитической ситуации.

В новых исторических условиях традиционная модель модернизации как ускоренного развития вдогонку за странами Запада приобретала новую качественную особенность — виткообразность движения. После завершения промышленного переворота, имевшего место в 30–80-е гг. XIX в., первый такой виток интенсивной индустриализации имел место в 90-е гг. XIX в., второй — в 1909–1914 гг., третий — в середине 20-х–30-е гг. XX столетия. Каждый из них приводил к качественным сдвигам в характере индустриализма, однако все более углублял неразрешимость проблемы соблюдения баланса между стабильностью политической системы и динамичностью социально-экономического развития страны. Устойчивое воспроизводство этого дисбаланса в разных исторических эпохах обуславливалось сходством общих стартовых условий индустриализации в царское и советское время, а также преемственностью теоретических установок и методов ее осуществления.

Как показала в своей докторской диссертации В.А. Погребинская, к таким стартовым условиям относились:

- 1) господство аграрного уклада и мелкотоварного сектора внутри него;
- 2) пестрота стадияльной и национальной многоукладности в ее одновременной развертке;
- 3) государственный диктат в экономике;
- 4) отсутствие единого механизма воспроизводства капитала;
- 5) традиционно-минималистский потребительский тип трудовой этики;
- 6) низкая грамотность населения;
- 7) преобладание бинарной ментальности и патриархального типа общественного сознания [1, с. 41–46].

На исходе 30-х гг. XX в. СССР превратился из аграрной в аграрно-индустриальную державу, т.е. был достигнут качественный скачок в ходе осуществления модернизации страны. Одновременно сложился устойчивый тип воспроизводства экономических отношений, который быстро восстановил себя после окончания Великой Отечественной войны.

В его основе лежали:

- тотальное огосударствление экономики;
- предельно высокий уровень централизации управления ею;
- экстенсивный характер народного хозяйства;
- поддержание жизнестойкости экономики за счет обеспечения дефицита денег в обращении, дешевизны труда и сохранения высокой доли ручного труда;
- приоритет распределительных отношений над хозрасчетными; понимание экономической эффективности как перевыполнение плановых заданий;
- преобладание неэкономических стимулов к труду как следствие внедрения форм социалистического соревнования и стихийного развития массового производственного энтузиазма;
- наличие скрытой инфляции как результата превышения объемов промышленного производства над эмиссией денежных знаков;
- структурные и региональные диспропорции;
- остаточный принцип финансирования культурно-бытовой сферы.

Период перенастройки традиционной схемы модернизации (60–80-е гг. XX в.). На рубеже 50–60-х гг. XX в. был осуществлен качественный скачок в развертывании модернизации: страна превратилась из аграрно-индустриальной в индустриальную державу. Тогда под влиянием третьей научно-технической революции в условиях «холодной войны» перед страной впервые встала поистине революционная задача экономического гиперускорения в комплексе

с запуском интенсивной модели развития, нацеленной на преодоление структурных и региональных диспропорций традиционного экстенсивного типа хозяйствования и ослабление административной монополии.

Коренное изменение схемы модернизации в 1960–1980-е гг. наложилось на целый ряд осложнявших ее реализацию факторов и, в конечном итоге, не состоялось. Во-первых, сохранение имперского статуса державы, включенность СССР в «холодную войну» вели к наращиванию военно-промышленного потенциала и углублению сложившихся диспропорций. Во-вторых, принятие в 1950-е гг. курса на подъем благосостояния населения способствовало перекачке государственных инвестиций в сельское хозяйство и легкую промышленность, что обостряло борьбу отраслей экономики за материальные и трудовые ресурсы, превращало инвестиционные программы в «финансовый мусоропровод», а экономику — в «тришкин кафтан». В-третьих, объективно неблагоприятными оказались демографическая ситуация в 1970-е гг., обстановка на внешнем рынке в 1980-е гг., положение с добычей энергоносителей в 1970–1980-е гг. В-четвертых, в 1970-е гг. произошел перелом в сознании людей, и вследствие этого иссяк один из главных двигателей прогресса советской экономики — трудовой энтузиазм населения. По иронии исторической судьбы этот ручеек пересох именно тогда, когда советское правительство стало куда более остроумно заботиться о повышении уровня материального благосостояния людей.

Таким образом, главная причина неудачи определялась фактором включенности СССР в «холодную войну» и гонку ядерных вооружений, приводившим страну к наращиванию военно-промышленного потенциала и углублению сложившихся еще в довоенные годы экономических диспропорций.

В ходе развертывания этих условий и противоречий традиционная экстенсивная модель модернизации начала давать устойчивые сбои, а интенсивная модель не успела заработать. Попытки справиться с трудностями наталкивались на новые проблемы. Сложившаяся в условиях догоняющей модели развития система администрирования была нацелена на преодоление структурных диспропорций, однако оказалось, что она может существовать только при их наличии и только систематически генерируя их в борьбе за свое существование. Поэтому принимавшиеся к исполнению планы сбалансированного развития (семилетка, восьмой пятилетний план) в соответствии с идеями ступенчатой оптимизации, т.е.

позападной максимизации сначала фонда накопления, а затем фонда потребления, полной реализации не получили. Оптимальное соотношение инвестирования и потребления требует развития правовых норм хозяйствования.

Проработка коренных проблем интенсификации народного хозяйства требовала времени и опыта. В 70-е гг. XX в. уже были сделаны первые важные конструктивные шаги — нащупано оптимальное направление интенсификации народного хозяйства посредством совершенствования хозяйственных производственных отношений, инвестирования научно-производственных и агропромышленных комплексов, финансирования программ по развитию сельского хозяйства, легкой промышленности, сети инфраструктуры и жилищно-коммунального хозяйства. Но страна снова попала в свою очередную «историческую черную дыру» — перестройку. У советских хозяйственников, как когда-то у Столыпина, не оказалось тех требуемых 20 лет спокойной жизни, чтобы получить новую советскую Россию.

Пришедшее к власти в 1985 г. новое поколение советских руководителей во главе с М.С. Горбачевым с 1987 г. начало осуществлять концепцию перестройки, экономическим стержнем которой выступала идея перевода централизованного планово-государственного хозяйства на рыночную, товарно-денежную основу в рамках социалистического типа отношений. Децентрализация управления экономикой привела к разбалансировке старого хозяйственного механизма, не скомпенсированного, однако, настройкой на новые рыночные основания. Стабилизационная программа не включилась в силу резкого упадка народного хозяйства и отсутствия в стране свободных товарных и денежных потоков. Рыночные стимулы экономики тормозились ростом ажиотажного спроса на самые необходимые товары, усилившейся инфляцией, дефицитом госбюджета. Неизбежным побочным продуктом всех этих деструкций стала легализация капиталов «теневой экономики» в рамках легитимации индивидуальной трудовой деятельности. Частная инициатива оказалась направленной не на производство, а в сферу услуг и товарооборота, где ежегодно отмывалось до 90 млрд руб.

Современный этап модернизации (с 1992 г.) характеризуется изменением геополитической ситуации. В 1991 г. распался Советский Союз, последний субъект государственных отношений, обладавший чертами имперской организации. Однако само имперское сознание в постсоветскую эпоху не исчезло, а лишь перешло в латентное состояние. Поэтому

потенциально действующим остается главное условие для воспроизводства консервативной модели модернизации. В России, правопреемнице СССР, новые отношения тесно переплелись со старым укладом жизни, наложив отпечаток своеобразия на характер ее социально-экономического и политического развития.

Современный этап модернизации может быть назван переходным как в силу многоукладного характера нынешней экономики России, остроты общественных противоречий, так и в связи с хаотической направленностью поиска пути выхода из замкнутого круга старых и появившихся новых проблем страны. Исконно почитаемый российскими политиками следовой метод «проб и ошибок» в деле определения оптимального экономического направления развития государства, примененный в начале 1990-х гг., прошел своей тяжелой поступью по стране и поставил ее перед вызовом, похожим на вызов большой войны, только растянутым во времени на 20 лет. Эта хронологическая растяжка снизила в общественном сознании ощущение опасности, однако не устранила реальной угрозы.

В годы постперестройки был осуществлен неэтапированный и неадаптированный к конкретно-историческим условиям страны переход к политике экономического либерализма и фритредерства. Под ударом оказалась многовековая традиция протекционизма, которой придерживались и Романовы, и большевики. Рыночные механизмы регулирования производства, на действие которых уповали авторы программы «шоковой терапии», не заработали в предполагаемые сжатые сроки. Их настройка требовала значительно большего времени в силу исторически сложившихся в России общественных условий. За новым демократическим фасадом политического истеблишмента просвечивает плохо скрытый бюрократический облик и тип мышления современной правящей элиты, легально сращивающей свою власть с богатством.

Поэтому неизбежны сбои в развертывании модернизационных процессов. Современная экономика России не в лучшую сторону поменяла свои хозяйственные приоритеты. От преимущественного развития отраслей группы «А», и в первую очередь военно-промышленного комплекса, она перешла к топливно-сырьевой ориентации и перекатке средств в непроизводственные подразделения экономики с быстрым оборотом капитала — сферы товарооборота, услуг, финансов. Принимаемые правительственные программы структурных перестроек

экономики в условиях «дикого» рынка, перекачки капитала за рубеж и криминализации хозяйственных отношений большого эффекта не дают. Дестабилизирующим фактором является также втягивание российской экономики в глобальные экономические кризисы (финансовые, банковские, энергетические и др.) при сохранении ее периферийного положения в системе мировых экономических отношений.

Следствием неизбежно становится нарастающее технологическое отставание страны. Износ основных производственных фондов во многих отраслях промышленности достигает сегодня критически допустимой отметки: в угольной и горнодобывающей — 80–90%, в электро- и теплоэнергетике — 46, в нефтеперерабатывающей — 80, в химической — 60–100, атомной электроэнергетике — 60–80, жилищно-коммунальном комплексе — 40%. Средний возраст оборудования в РФ составляет 21,5 года, по сравнению с 9,8 годами в СССР (1990 г.) или 9 годами в современных развитых странах мира [2, с. 118–120].

На советском производственном и инфраструктурном потенциале страна может протянуть еще не более 10 лет. Макроэкономические последствия разрушения производительного хозяйства России плачевны: усиливающаяся зависимость экономики от международных финансовых организаций; нарушение экономических связей между регионами страны и распад единой народнохозяйственной структуры; выпадение из российского экономического пространства экстремальных геоклиматических регионов, подпадающих под протекцию иностранных держав.

Социальные grimасы современности превосходят все, виданное россиянами в Новое время. Из страны поголовной грамотности, занятости и социальной защищенности Россия превратилась в «поле чудес» небывалых имущественных контрастов, зону криминального беспредела, человеческого бесправия и морально-нравственного коллапса общества. Отражением этих негативов стали беспрецедентные за последнее двадцатилетие людские потери, сопоставимые только с потерями страны в большой войне. С 1992 г. численность народонаселения России сократилась на 7 млн человек, а с учетом притока мигрантов общие потери превысили бы отметку в 12 млн человек. По последнему прогнозу ООН, к середине XXI столетия в России останется 116 млн человек вместо сегодняшних 142 млн, т.е. мы потеряем еще 26 млн душ. Подобная динамика грозит опустошением народонаселения на обширных пространствах России и, как следствие, к утрате ее территорий. Тем

более что за Уралом с 2010 г. остается всего 30 млн человек [2, с. 121–123].

Каков же выход из сложившегося положения? История, как всегда, сужает реальный выбор, определяя его актуальностью наличествующих внутренних (социально-экономических и политических) и внешних (геополитических) ограничителей. Один из таких вполне возможных сценариев — это деиндустриализация страны с последующей потерей ею экономической и политической суверенности. Ведь совершенно наивно было бы предполагать, что в условиях беспощадной схватки государств XXI в. за источники сырья и в рамках существующего неуклонного тренда падения национальной экономики шансов даже на простую консервацию нынешнего положения дел в России просто нет, особенно если учитывать тот факт, что она располагает 30% природных ресурсов планеты, а производит при этом только около 1% мирового валового продукта.

Другой сценарий — разработать государственный план промышленного рывка на ближайшие 10 лет. Современный вызов России сродни вызовам первых пятилеток и Великой Отечественной войны, поскольку с ним невозможно справиться в рамках «естественного хода вещей», по выражению Адама Смита. Для преодоления неблагоприятного хода развития событий стране необходимо использовать свои доходы от продажи сырья и энергоносителей на финансирование строительства новейших предприятий обрабатывающего сектора экономики, а затем постепенно возрождать тяжелую и оборонную промышленность на дивиденды, полученные от отраслей группы «Б». В отличие от Казахстана, приступившего в 2010 г. к новой индустриализации, ориентированной на развитие обрабатывающего сектора экономики, Россия не может остановиться на стадии возрождения легкой промышленности. Для нас уместнее применить вариант широкомасштабного возрождения с поэтапным глубоко эшелонированным запуском всей матрицы экономических отношений, нацеленных на обеспечение военно-хозяйственной самодостаточности страны.

Очевидно, что на путях реализации либеральной доктрины развернуть подобную программу в предполагаемые сжатые сроки невозможно. Оказавшись вновь в опасной близости от критической точки альтернативного выбора, нам не остается ничего иного, как только вспомнить об апробированном в советское время безотказном экономическом инструменте по выходу из чрезвычайных ситуаций — мобилизационном плане. А он, как известно из истории

СССР, всегда начинался с государственного целеполагания, т.е. постановки актуальной стратегической задачи, разработки программы ее идеологического обеспечения с центрацией на интересах трудящихся. Само по себе экономическое планирование советской эпохи, упоминание о котором в годы постперестройки стало жупелом, не являлось панацеей, ибо выступало лишь средством целеполагания. Так что экономический успех, в конечном счете, всегда происходит из сферы постановки государственных целей.

В СССР мобилизационный план, как минимум, трижды спасал страну от, казалось бы, неминуемой гибели. В 1930-е гг., в эпоху назревания Второй мировой войны впервые была реализована сверхзадача достижения технико-экономической независимости СССР от Запада и обеспечения обороноспособности страны в комплексе с программой построения основ справедливого социалистического общества. Во второй раз в начале Великой Отечественной войны благодаря сверхусилию народа, его доверию к власти и общности цели народа и власти по изгнанию врага стала возможной беспрецедентная по срокам, напряженности и качеству осуществления эвакуация промышленности на восток страны и ее перестройка на военный лад. Кредит доверия народа к власти в третий раз сыграл свою определяющую роль после окончания Второй мировой войны. Тогда СССР, потерявший 27 млн человек и треть национального богатства, тративший гигантские средства на поддержание своих политических союзников в Европе и Азии, включившийся в гонку ядерных вооружений, сумел в 8 раз быстрее, чем предполагали его недавние партнеры по антигитлеровской коалиции, восстановить довоенный промышленный потенциал. И всякий раз чудо не объяснялось одними репрессиями и действиями административно-командной системы управления, как это стало модным утверждать в наши дни. Определяющую роль в выходе из чрезвычайных ситуаций играл неэкономический ресурс, особое состояние людей — их способность к самопожертвованию.

В последнее десятилетие, развиваясь без стратегии и расчета национальных ресурсов, боясь самого термина «экономическое планирование», Россия как государство не только не пришла к ожидаемому автоматическому процветанию, но и стала жертвой невиданной внутренней коррупции и агрессивных внешних сил, действующих под прикрытием целого комплекса благовидных проектов. Слабые остатки экономической и военно-политической

независимости страны — «соломинка» для утопающей современной России. Но есть у нас и «спасительное бревно», только его стремятся оттолкнуть от себя эгоистически мыслящие политики, опасющиеся за свои состояния, внушающие молодежи панический страх возможности возврата старого режима и рассматривающие человеческий фактор лишь как оперативное средство политического пиара.

Трудовой энтузиазм не включается сегодня как фактор экономического роста не потому, что россияне измелечали, как нередко пытаются убедить общественность СМИ. Причина в другом — непроходимой пропасти, образовавшейся между народом и властью. Государственные программы социальной защищенности населения принимать в сложившихся условиях бесполезно, ибо финансовые вливания в очередной раз осядут в частных карманах. Надеяться на то, что российские миллиардеры и миллионеры начнут делиться с обществом и урезать свои потребности, нелепо. Ужесточение деятельности правоохранительных органов в их борьбе с коррупцией и криминалитетом приведет лишь к усилению способности теневого мира мимикрировать.

В чем же может состоять выход из сложившегося положения вещей? Во-первых, очевидно, российским политикам необходимо определиться в понимании современного состояния страны: нормальное оно, приемлемое или чрезвычайное, близкое к состоянию войны либо подготовки к ней. Во-вторых, допуская неприемлемость сложившейся ситуации, следует инициировать широкое обсуждение этой проблемы в СМИ по всей стране. В-третьих, необходимо использовать верховные полномочия власти для установления государственного контроля над экономикой и распределением доходов в стране. В-четвертых, включив регулирующие механизмы, стоит незамедлительно начать возрождение производственного сектора народного хозяйства во имя обеспечения достойной жизни трудового населения. В-пятых, власть должна нормализовать нравственный климат в России.

Литература

1. *Погребинская В.А.* Институциональные особенности начала индустриализации России (последняя треть XIX — первая треть XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: Макс-Пресс, 2009. 21 с.
2. *Седнев В.П.* Экономика войны: учет возможности невозможного // Сократ. Журнал современной философии. 2010., № 2. С. 118–123.

УДК 314.7(045)(470+571)

Временная миграция в России: понятийный аппарат, классификация и статистический учет*

РЯЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН. E-mail: riazan@mail.ru

ПИСЬМЕННАЯ ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Теоретическая социология» Финансового университета, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН. E-mail: nikitaR@list.ru

Аннотация. В статье миграция рассматривается как сложное социальное явление, которое отличается значительным разнообразием и выступает одним из наиболее адекватных индикаторов социально-экономического благосостояния общества – своего рода способом «голосования населения ногами».

Анализируются различные подходы к определению сущности понятия «миграция» и ее видам, которые нашли отражение не только в науке, но также в практике учета и регулирования миграции в России.

Даны классификация и характеристики различным формам миграции. Выделяются миграции на основе временного принципа, в том числе временные (возвратные) и постоянные (безвозвратные) формы миграционного движения. Исходя из мировой практики регулирования и учета миграции, объясняется, почему целесообразно временную миграцию (краткосрочную и долгосрочную) ограничивать определенным сроком пребывания мигрантов за пределами своего обычного места жительства. Регулярная миграция рассматривается на примере ежедневных маятниковых и приграничных миграций. К видам нерегулярной миграции относятся перемещения, совершаемые с разной периодичностью, которая зависит от наличия определенного объема работы: сезонные миграции, при которых перемещение и работа мигрантов зависят от сезонных условий и выполняются только в течение определенного периода года (например, сбор урожая в течение 1–2 месяцев), и челночные миграции коммерсантов, совершающих периодические поездки разной продолжительности за товаром с возвращением к месту обычного или постоянного жительства.

Показаны особенности статистического учета временной миграции уполномоченными структурами в России: Министерством внутренних дел, Федеральной миграционной службой, Министерством образования и науки, Пограничной службой Федеральной службы безопасности. Определены позитивные аспекты и недостатки в работе данных структур.

Ключевые слова: временная миграция; типология; классификация; виды и формы миграции; учет мигрантов; статистический инструментарий учета миграции.

Temporary Migration in Russia: the Conceptual Framework, Classification and Statistics

SERGEY V. RYAZANTSEV, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center of Social Demography and Economic Sociology, Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences. E-mail: riazan@mail.ru

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 12-06-33021-мол_a_вед.

ELENA E. PISMENNAYA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of Department «Theoretical Sociology» of the Financial University, Leading Researcher of the Center of Social Demography and Economic Sociology, Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences. E-mail: nikitaR@list.ru

Abstract. The article considers migration as a complex social phenomenon, which is characterised by considerable diversity, and is one of the most adequate indicators of socio-economic welfare of society – a kind of «foot voting» by people.

There are given different approaches to defining the essence of the concept «migration» and its type, which are reflected not only in science but also in the practice of recording and regulation of migration in Russia.

The article gives the classification and characteristics of different forms of migration. It also emphasizes migration on the basis of the time principle, including temporary (reversible) and permanent (irreversible) forms of migration movements. On the basis of international experience of recording and regulatory practices of migration, it is explained why it is advisable in case of temporary migration: short term and long term, to limit the duration of the stay of migrants outside their usual place of residence. Regular migration is considered on the example of the daily pendulum and cross-border migrations. The types of irregular migration can be movements made with different frequency, which depends on the presence of a certain amount of work: seasonal migration, in which the moving and work migrants are dependent on seasonal conditions and is performed only during a certain period of the year (e.g. harvest within 1–2 months), and shuttle migration of vendors, making periodic trips of different duration for goods to return to the place of usual or permanent residence.

There are given features of the statistical recording of temporary migration by authorized bodies in Russia: the Home Office, the Federal Migration Service, the Ministry of Education and Science, the Border Service of the Federal Security Service. The article defines positive aspects and disadvantages in the work of these structures.

Keywords: temporary migration; typology; classification; types and forms of migration; accounting of migrants; statistical tools of the accounting migration.

В классических работах по миграции населения фактор времени, а именно характеристика времени пребывания мигранта на новом месте жительства, рассматривался учеными как один из основополагающих индикаторов для идентификации мигрантов. В условиях, когда люди совершали миграцию один-два раза в жизни и почти навсегда, данный подход был, безусловно, правомерен и не вызывал никаких противоречий с жизнью.

Сторонники идеи узкой трактовки миграции традиционно аргументировали, что миграция должна представлять собой законченный вид территориального перемещения, т.е. переселение. Само переселение непременно должно было отвечать двум условиям. Во-первых, население перемещается между разными населенными пунктами. Во-вторых, перемещения обязательно сопровождаются сменой постоянного места жительства. Эти подходы нашли отражение не только в науке, но также в практике учета и регулирования миграции в России. Например, в советский период система учета мигрантов была ориентирована на фиксацию только «постоянной» миграции, связанной с системой прописки.

По инерции этот подход сохранился и в постсоветской России, хотя реалии жизни сегодня выглядят иначе. Россияне стали активно перемещаться, миграционные процессы существенно активизировались, появились новые формы временной миграции.

В связи с этим ведущий российский демограф Л.Л. Рыбаковский ввел в научный оборот расширенную трактовку миграции за счет включения в нее временных форм миграционного движения, дав следующее определение: «Территориальные перемещения, совершающиеся между разными населенными пунктами или регионами, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности, представляют собой миграцию в широком значении этого слова» [1, с. 19]. По сути, Л.Л. Рыбаковский в отечественной науке первым включил в классическое определение миграции те ее виды, которые исключались из нее по причине временности (например, эпизодические, маятниковые и временные трудовые миграции). Позднее авторы стали относить к миграции и другие виды миграционных передвижений (коммерческие, туристические, учебные поездки), которые носят временный

характер и не связаны со сменой места жительства [2, с. 302; 3, 4].

Миграция представляет собой сложное социальное явление, которое отличается значительным разнообразием. Это один из наиболее адекватных индикаторов социально-экономического благосостояния общества — своего рода способ «голосования населения ногами». Как правило, миграционные потоки ориентированы из менее развитых в более развитые страны и регионы с высоким уровнем заработной платы и лучшими социально-экономическими условиями. По примерным оценкам, в различные виды миграции в мире ежегодно вовлечено около 2–3% населения. В некоторых странах этот показатель может быть гораздо выше. Например, ежегодно только во внутренних миграциях в США участвуют до 15% населения (в России — около 1–2%, если учитывать миграцию, связанную со сменой места жительства, или 5–6% с учетом различных форм временной миграции).

По времени пребывания мигранта на новом месте жительства или приложения труда можно выделить два основных типа миграции — постоянную (безвозвратную) и временную (возвратную).

Постоянными миграциями можно считать перемещения, связанные с изменением постоянного места жительства. Однако определить постоянное место жительства и постоянных мигрантов порой очень затруднительно. Поэтому в большинстве стран в статистическом учете к постоянным мигрантам относят тех, кто прибывает на длительный срок (как правило, более одного года). В рекомендациях ООН в качестве подобного критерия предлагается период свыше одного года. Хотя это совершенно не означает, что такие люди не могут в дальнейшем поменять место жительства. Таким образом, постоянная миграция является скорее теоретической, чем практической категорией, применимой к крайне незначительному количеству мигрантов, проживших на месте не менее одного года до момента следующего переезда.

Временная миграция подразделяется на *краткосрочную* (мигрант находится до трех месяцев за пределами своего обычного места жительства) и *долгосрочную* (от трех месяцев до одного года). Это вызвано тем, что в практике выдачи виз и системе учета иностранцев в различных странах мира в качестве рубежа, разделяющего

краткосрочных и долгосрочных мигрантов, как правило, принят срок до трех месяцев — именно на это время многие страны разрешают безвизовый въезд, позволяют специально не регистрироваться в полиции и пр. Поэтому, исходя из практики регулирования и учета миграции, целесообразно применять именно такой подход для разделения краткосрочной и долгосрочной миграции.

Краткосрочную миграцию можно подразделить на регулярную и нерегулярную. К видам *регулярной миграции* относятся ежедневные маятниковые и приграничные. *Маятниковые мигранты* — люди, у которых место жительства и место работы (или учебы) находятся в разных населенных пунктах, поэтому они ежедневно приезжают на работу и вечером возвращаются к месту жительства. *Приграничные мигранты* («фронтальеры») похожи на маятниковых мигрантов, только они пересекают государственную границу, т.е. живут в одной стране, а работают в другой, возвращаясь при этом к обычному месту жительства каждый день или, по крайней мере, один раз в неделю. *Вахтовые миграции* обусловлены невозможностью длительной работы и пребывания человека в районах с экстремальным климатом или тяжелыми условиями труда (например, на морских платформах), поэтому используется режим с постоянным чередованием работы в течение нескольких недель и отдыха с пребыванием в другом регионе в течение определенного времени, необходимого для восстановления сил.

К видам *нерегулярной миграции* относятся перемещения, совершаемые с разной периодичностью, которая зависит от наличия определенного объема работы. К нерегулярным мигрантам можно отнести *сезонных мигрантов*, перемещение и работа которых зависят от сезонных условий и выполняются только в течение определенного периода года (например, сбор урожая в течение 1–2 месяцев); *челночных мигрантов* — коммерсантов, совершающих периодические поездки разной продолжительности за товаром с возвращением к месту обычного или постоянного жительства. *Долгосрочная миграция* — на срок три месяца и более, когда между мигрантом и регионом или страной его постоянного проживания не прерывается «статистическая связь», т.е. он остается гражданином этой страны или ее постоянным (но не наличным) жителем, его имя сохраняется в регистре или иной системе

национального учета, с обязательным возвращением к прежнему месту жительства. Примером долгосрочной миграции может считаться длительная трудовая миграция с возвращением к прежнему месту жительства или эмиграция с последующей реэмиграцией при условии сохранения гражданства [2].

Учитывать разнообразные формы миграционного движения населения очень сложно. В российской практике учета миграции (государственной статистике) традиционно использовался и преобладает до настоящего времени именно узкий подход к определению миграции. Разнообразные возвратные формы миграции, связанные не с изменением постоянного места жительства, а только со сменой приложения труда [например, маятниковые передвижения, миграция коммерсантов («челноков»), вахтовая миграция, сезонные миграции, поездки туристов], долгое время не находили отражения в государственной статистике, хотя могут вполне обоснованно считаться разновидностями миграции с точки зрения широкого определения, принятого в науке. В последнее время стал меняться и статистический подход — теперь фиксируются некоторые из перечисленных выше видов миграции. При этом миграцию в России фиксируют несколько уполномоченных структур.

Министерство внутренних дел (МВД) ведет текущий учет внутренних и внешних миграционных передвижений в России на основе регистрации населения. Этот вид учета начинает свою историю с советских времен, когда существовала система прописки. Однако в 1990-е годы она подверглась значительной модификации. В том числе были введены два вида регистрации — по месту жительства (постоянная миграция) и по месту пребывания (временная миграция). Учет осуществляется паспортными столами МВД на основе специальных листов статистического учета мигрантов (форма № 12), которые заполняются по месту нового жительства мигранта. Однако данная форма учета не охватывает некоторые категории мигрантов. Например, из учета выпадают российские граждане, которые находятся в другом населенном пункте менее 90 дней — они могут не получать регистрацию на этот срок. Также не регистрируются по месту пребывания белорусские граждане, если они находятся в России до 30 дней. В листке статистического учета мигранта присутствует

пункт «Национальность», который заполняется по желанию. Кроме того, в листке есть пункт «Гражданство». Как свидетельствуют экспертные оценки сотрудников Росстата, пункт «Национальность» заполнялся в последнее время очень плохо, поскольку сотрудники паспортных столов не уделяли должного внимания качеству заполнения листов миграционного учета.

Из паспортных столов МВД один экземпляр миграционных листов поступает в статистическую обработку в территориальные структуры Росстата. До 2007 г. (включительно) Росстат обрабатывал данные об этнической принадлежности и гражданстве мигрантов. Была подготовлена серия таблиц, которые публиковались в ежегодном сборнике «Численность и миграция населения в Российской Федерации». Последний раз в сборнике за 2007 г. были опубликованы три таблицы, отражавшие распределение прибывших и выбывших мигрантов в России (как внутренних, так и внешних) по национальностям. В том числе данные были доступны в разрезе отдельных стран.

Однако с 2008 г. Росстат прекратил обработку данных и публикацию информации о национальном составе мигрантов. Трудно комментировать истинные причины этого, но исключение национальности из статистической разработки привело к серьезному ухудшению возможности анализа миграции в России. После этого шага российская статистика полностью лишилась источника информации о национальном составе миграционных потоков. В настоящее время разрабатываются сведения только о гражданстве постоянных мигрантов, в том числе в разрезе возрастных групп и причин миграции. Однако эта информация отражает совершенно иной аспект миграционных процессов, поскольку гражданство и национальность — разные характеристики. Кроме того, нужно отметить, что только некоторое время назад Росстат стал «досчитывать» в показатели постоянной миграции людей, находящихся в России больше одного года (в их число попадают трудовые и учебные мигранты, и их довольно много). Листки, которые заполняются на мигрантов, находящихся в России меньше одного года, к сожалению, не обрабатываются Росстатом. Заметим, что значительная масса трудовых мигрантов, а их численность в России измеряется миллионами человек, трудятся в стране несколько месяцев, т.е. именно меньше одного

года. И даже если они получают регистрацию, все равно выпадают из статистического учета.

Учет эмигрантов, выезжающих из России на постоянное место жительства в другие страны, осуществлялся на основе двух источников. Во-первых, это описанная выше система учета на основе регистрации по месту жительства. Она сохранилась до сих пор, но не отражает полной картины, поскольку многие постоянно проживающие за рубежом россияне сохраняют свое жилье в России и не отказываются от российского гражданства. Фактически их отсутствие остается незаметным для статистики. На основании данных этого источника этническую принадлежность можно проследить вплоть до 2007 г. (включительно). По описанным выше причинам разработка сведений об этнической принадлежности Росстатом была прекращена. Во-вторых, в СССР для выезда на постоянное место жительства за границу надо было получить специальное разрешение. Разработка данных на основе разрешений на выезд просуществовала некоторое время и после распада СССР до конца 1990-х гг., но затем была прекращена.

Федеральная миграционная служба (ФМС) собирает данные о внешней трудовой международной миграции на основе информации о количестве выданных разрешений на работу в России иностранным гражданам и их работодателям, а также на основании отчетности российских фирм, которые занимаются трудоустройством российских граждан за границей. Данные об иностранных гражданах, работающих в России, сводятся в статистическую форму 1-т (миграция). Материалы данной отчетности публикуются в двух источниках. Первый — сборник «Труд и занятость в России», который издает Росстат один раз в два года. Второй источник — сборник «Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции», издаваемый ФМС ежегодно. Но национальный состав мигрантов в них не представлен. Возможно получение информации только о гражданстве трудовых мигрантов, работающих в России. Также можно проследить распределение работников с разным гражданством по статусу работодателя (юридическое или физическое лицо), отраслям экономики и субъектам Российской Федерации.

Сравнительно недавно в России была введена новая форма учета — уведомление о прибытии иностранного гражданина в место пребывания.

Оно направляется в адрес ФМС для постановки мигранта на учет в соответствии с Федеральным законом № 109-ФЗ от 18 июля 2006 г. «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», постановлением Правительства РФ № 9 от 15 января 2007 г. «Правила осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и № 10 от 15 января 2007 г. «Об установлении размера платы за услуги организаций федеральной почтовой связи по приему уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания на территории Российской Федерации».

Уведомление о прибытии может быть принято в отделении почтовой связи: от принимающей стороны (в качестве принимающей стороны может выступать физическое лицо — гражданин РФ или постоянно проживающий на территории РФ мигрант, юридическое лицо — организация, пригласившая мигранта), от самого мигранта (если он имеет вид на жительство в России).

Отправитель должен предъявить документ, удостоверяющий его личность. Бланк уведомления о прибытии иностранного гражданина в место пребывания заполняется отправителем в двух экземплярах и передается для проверки оператору почтовой связи. К уведомлению прилагаются: копия документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина, копия миграционной карты или визы (копия документа, удостоверяющего личность принимающей стороны, если уведомление направляется постоянно проживающим мигрантом самостоятельно). Уведомление о прибытии иностранного гражданина в место пребывания и прилагаемые к нему документы пересылаются в территориальные органы ФМС. После проверки уведомления и отправки почтового отправления оператор вместе с квитанцией об отправке почтового отправления и одним экземпляром описи вложения выдает клиенту отрывной талон уведомления с оттиском календарного штампа и подписью оператора.

В уведомлении указывается гражданство и место рождения мигранта. Но ФМС России пока детально не обрабатывает эту информацию. Приводятся сведения об общей численности полученных уведомлений, а также их соотношение с числом выданных разрешений на работу.

В перспективе эти сведения могли бы обрабатываться более детально.

Данные о российских гражданах, работающих за границей, сводятся в статистическую форму 2-т (миграция). Эти материалы также публикуются в сборниках «Труд и занятость в России» (Росстат) и «Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции» (ФМС). Следует отметить, что эти данные не полные, поскольку включают российских граждан, которые нашли работу только через лицензированные в ФМС фирмы или саму ФМС. Но исследования показывают, что на практике очень много тех, кто находит работу самостоятельно, через объявления, знакомых, родственников. Кроме этого, многие выезжают за рубеж по туристической визе и остаются там работать. Такие трудовые мигранты незаметны для статистики. Кроме того, этническая принадлежность россиян, выезжающих на работу, не фиксируется. Можно проследить только регионы их выезда и страны трудоустройства.

Министерство образования и науки (Минобрнауки) России собирает через российские вузы сведения о численности иностранных студентов, аспирантов, стажеров и докторантов, в них обучающихся. Фактически это наиболее полный источник данных об учебной миграции иностранных граждан в Россию. Сведения в сводном виде публикуются Росстатом в сборнике «Образование в России» и Минобрнауки в статистическом сборнике «Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации». В обоих случаях данные достаточно детальные, но отсутствуют сведения о национальности иностранных учебных мигрантов. Имеются сведения об их гражданстве. Можно проследить распределение иностранных студентов по регионам, видам вузов, профилям специальностей и т.д. К сожалению, эти данные доступны в разрезе укрупненных групп (страны СНГ, Восточной Европы, Азии и т.п.). Однако исследования показывают, что некоторые вузы в России склонны занижать численность иностранных граждан, которые у них обучаются, особенно за счет тех, кто оплачивает свое обучение самостоятельно. Очевидно, вузы не хотят показывать полностью свои доходы от экспорта образовательных услуг.

Пограничная служба Федеральной службы безопасности (ПС ФСБ) собирает данные о количестве фактов пересечения государственной границы

России иностранными гражданами в разрезе целей поездок. Эти сведения собираются пограничниками в контрольно-пропускных пунктах (КПП) на границе. В сводном виде данные публикуются Росстатом в сборнике «Численность и миграция населения Российской Федерации» (ежегодное издание) в виде таблицы «Распределение мигрантов — иностранных граждан по целям поездок». Сведения не включают информацию о национальном составе иностранных граждан. В 2002 г. в Российской Федерации были введены миграционные карточки, которые обязаны заполнять все иностранные граждане, прибывающие в Россию. В ней содержится пункт «Гражданство» и отсутствует пункт «Национальность». Однако до сих пор информация из миграционных карточек не обрабатывается Росстатом. Хотя эти сведения могли бы быть весьма полезными для анализа данных о внешней миграции. Следовательно, миграционная карта требует дополнения, а также необходима система разработки данных миграционной карты органами статистики.

Таким образом, временные формы миграции в Российской Федерации учитываются недостаточно точно. Миграционная статистика в России нуждается в совершенствовании в части расширения сбора сведений о временных миграционных потоках в страну. Более детальная информация о них может помочь государственным структурам формировать миграционную политику, отвечающую вызовам времени, и принимать адекватные решения по регулированию миграционных процессов в интересах государства.

Литература

1. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.
2. Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. 576 с.
3. Письменная Е. Е. Учебная иммиграция в Россию: современные тенденции. М.: Экономическое образование, 2008. 148 с.
4. Письменная Е. Е. Социальные эффекты учебной миграции и политика в сфере привлечения иностранных студентов в России и за рубежом. М.: Экономическое образование, 2009. 140 с.

УДК 159.9.019.43(045)

Влияние представлений о долговом поведении на принятие решений*

ГАГАРИНА МАРИЯ АНАТОЛЬЕВНА, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Финансового университета. E-mail: MGagarina224@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена психологическим факторам, влияющим на успешность погашения задолженностей. В качестве таких факторов мы видим способность к рефлексии и соответствие собственной оценки долгового поведения реальным действиям в ситуации нескольких задолженностей. Как и многие другие экономические понятия в обыденном представлении, долг в понимании рядовых потребителей плохо определен. В данной статье долговое поведение рассматривается в рамках экономической психологии. Методологической основой исследования является теория перспектив Д. Канемана и А. Тверски. Проведя анализ результатов собственного эмпирического исследования представлений респондентов о своем долговом поведении, измеренных с помощью «Опросника долгового поведения» и результатов экспериментального исследования реальных решений о погашении задолженности респондентами, автор делает вывод об их противоречии. Респонденты оценивают свое долговое поведение как рациональное и направленное на избегание долгов, а в случае их возникновения — на скорейшее погашение задолженностей. Однако при принятии решений о погашении задолженности респонденты демонстрируют стратегии, которые препятствуют скорейшему избавлению от долгов. При наличии суммы, достаточной для выплаты меньшего долга, наиболее популярной становится стратегия, направленная на его полное погашение, хотя она и является экономически наиболее невыгодной. Респонденты предпочли избавиться от одного долга полностью, а не погасить частично долг с большей процентной ставкой, тем самым уменьшив общую сумму задолженности. При принятии решения о погашении задолженности люди оценивают ценность и привлекательность альтернатив не только в терминах их стоимости, но и с точки зрения других характеристик, например психологических. Полное погашение задолженности приносит удовольствие при избавлении от долга и ощущение завершенности операции, чего не происходит при уменьшении общей задолженности на ту же сумму.

Ключевые слова: аверсивное долговое поведение; ограниченная рациональность; принятие решений; психология долга; эвристики.

The Influence of Beliefs about One's Debt Behavior on Decision-Making Process

MARIA A. GAGARINA, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of «Applied psychology» of Finance University. E-mail: prp@fa.ru

Abstract. The article is devoted to psychological factors in success of debt repayment. These psychological factors are reflection and adequacy of beliefs about rationality of own behavior to real choices in case of multiple debt. Debt as many other financial domains is poorly understood by everyman. This article considers debt behavior in terms of economic psychology. Methodological basis of research is prospect theory of D. Kahneman and A. Tversky. The results of empirical investigation of debt-behavior beliefs measured by Debt behavior questionnaire contradict real decisions about debt payment made in the experiment. Respondents rated themselves as rational and debt-avoidant in case of two debts make irrational choices. Participants repaid considerably more money on smallest

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2014 г.

account when they could completely pay it off. Paying off the smallest loan first they reduce total number of outstanding loans rather than to minimize the total amount of debt across loans. When make decisions about debt repayment people based them on the potential value of alternatives not only in terms of costs but also in terms of psychological benefits. Paying off small debt completely gives a sense of pleasure because of debt release. Minimizing total amount across debt the same sum does not give such satisfaction.

Keywords: *psychology of debt, debt account aversion, decision-making, heuristics, frames, bounded rationality.*

Среди стран, где самоубийства из-за непоплаченных долгов особенно часты, Россия занимает 8-е место [1]. По данным зарубежных авторов, среди лиц, страдающих психическими расстройствами, доля имеющих долги или просроченные платежи в 3 раза выше, чем среди условно здоровых людей. Наличие проблемных долгов у этих лиц обусловлена их недостаточными психическими способностями принимать финансовые решения [2, с. 194]. Считается, что люди, не имеющие психиатрического диагноза, более компетентны в обращении с деньгами, способны принимать рациональные решения о покупках и планировать свой бюджет. Почему же тогда общая сумма кредитов сегодня составляет почти 9 трлн рублей, а количество должников — 34 млн человек (по оценке Национального бюро кредитных историй)? Ответ на этот вопрос дают исследования по экономической психологии. Еще в 1970-е годы работы Д. Канемана, А. Тверски, П. Словика и др. показали, что сложности с принятием финансовых решений могут возникать не только у лиц со сниженными когнитивными способностями, но и у абсолютно здоровых людей. Было установлено, что во многих ситуациях люди просто не способны в должной мере проводить анализ альтернатив с использованием теории вероятности и вынуждены опираться в своих решениях на эвристические методы [3, с. 21]. Эвристические принципы сводят сложные задачи оценки вероятностей и прогнозирования значений величин до более простых операций [4, с. 10–12]. Если у человека есть подходящие знания, интуиция распознает ситуацию, и интуитивное решение, приходящее в голову, вероятнее всего, окажется верным, но не всегда.

Рассмотрим, как описанные выше представления могут быть использованы для анализа проблемного долгового поведения. Как и многие другие экономические понятия в обыденном представлении, долг в понимании рядовых потребителей плохо определен. Различные виды

финансовых механизмов, все из которых являются однозначно долгами в техническом смысле, понимаются обывателями как долг в разной степени, а некоторые из них, возможно, и не воспринимаются долговыми вовсе. В работе М.А. Гагариной и О.Е. Павловой было проведено сравнение понятий «долг» и «кредит» с использованием методики семантического дифференциала у работающих и неработающих россиян [5, с. 258–230]. Было установлено, что в общей выборке долг по сравнению с кредитом воспринимается как подвижный, передовой, динамичный и активный. Соответственно кредит воспринимается как отсталый, пассивный и инертный. При этом неработающие респонденты склонны оценивать и долг, и кредит более положительно. Возможно, такое «принятие» долга является вынужденным, поскольку позволяет удовлетворять собственные нужды и потребности, и именно долг или кредит позволяет неработающим людям ощутить свою финансовую состоятельность.

В работе М.А. Гагариной и М.В. Петровой показано, что существуют положительные корреляции между негативным отношением к долгу и интернальностью в области достижений, представлениями о своем долговом поведении как рациональном и интернальностью в области семейных отношений [6, с. 60]. При этом «Опросник долгового поведения», использовавшийся в данном исследовании, давал возможность выявить представления респондентов о своем долговом поведении, но не позволял говорить об их реальных действиях в случае необходимости погашения реальной задолженности. Вообще если говорить об исследованиях долгового поведения, многие из них касаются описания социально-демографических характеристик заемщиков и должников и составления их типологии [7].

Научный интерес представляет рассмотрение долгового поведения в рамках экономической психологии с применением экспериментального метода. Ситуация с несколькими задолженностями представляет собой сложную задачу, принятие

решения о погашении задолженности может быть рассмотрено с позиций теории перспектив. Упомянутые выше Канеман и Тверски писали, что для оценки какого-либо сложного варианта человек формирует интеллектуальную систему представлений, на основе которых определяются преимущества и недостатки, связанные с тем или иным выбором. Рассчитанная в итоге ценность выбора определяется путем сравнения полученных преимуществ и недостатков с контрольными характеристиками исходного состояния. Таким образом, выбор приемлем, если значение всех преимуществ превышает значение всех недостатков. Этот анализ учитывает психологическую, но не физическую возможность разделения преимуществ и недостатков [8, с. 38]. В данном случае мы рассматриваем несколько задолженностей как один большой долг, который подлежит постепенному погашению (уменьшению). При этом рациональным будет выбор погасить сначала наибольший долг с наибольшей процентной ставкой и последним погасить наименьший долг с наименьшей процентной ставкой. Однако работы М. Amar, D. Ariely показали, что поведение людей в такой ситуации в значительной мере отличается от оптимального. Потребители склонны в большей степени недооценивать, в какую сумму выливаются проценты по кредиту, и стремятся уменьшить общее количество неоплаченных долгов, а не общую сумму по всем долгам. Данная стратегия получила название «аверсивное долговое поведение» [9, с. 39]. При этом мы считаем, что сами респонденты совсем не обязательно будут считать себя нерациональными. В работах Д. Канемана описано такое явление, как сверхуверенность — ни количество, ни качество доказательств не влияют на субъективную уверенность [3, с. 261].

Целью данной статьи является рассмотрение роли представлений о собственном долговом поведении в принятии решения о погашении задолженностей.

Эффективность управления долгами будет зависеть от способности респондента к рефлексии собственного долгового поведения, т.е. умения оценить свое долговое поведение, сравнить его с рациональным и, в ситуации выбора, принять рациональное решение. При этом критериями для выбора рационального решения должны выступать сумма задолженности и процентная ставка.

Нами была сформулирована гипотеза о том, что представления индивидов о собственном долговом поведении как рациональном не будут гарантировать осуществление рационального выбора в ситуации погашения двух задолженностей.

Для проверки выдвинутой гипотезы нами были сформулированы следующие исследовательские задачи:

- 1) выявить представления индивида о своем долговом поведении;
- 2) зафиксировать решения о погашении задолженности, принимаемые в эксперименте;
- 3) сопоставить представления о долговом поведении респондентов с действиями и выборами, которые они осуществляют, погашая задолженность в эксперименте.

Методы исследования

Для изучения представлений о долговом поведении использовался «Опросник долгового поведения». В опросник включены 30 утверждений, отражающих ценностные ориентации и установки по отношению к долгам, мотивацию, рациональные и иррациональные убеждения и эмоциональное отношение. Пункты опросника сгруппированы в четыре шкалы.

- Избегание долгов — долг как стиль жизни.
- Рациональное — иррациональное долговое поведение.
- Эмоциональное неприятие долга — терпимое отношение к долгу.
- Интернальность — экстернальность в долговом поведении (и общий показатель, характеризующий отношение к долгам).

Высокие баллы соответствуют избеганию долгов, рациональному долговому поведению, эмоциональному неприятию долга, интернальности и более негативному общему отношению к долгу [10, с. 32–33].

Для изучения принятия решений в ситуации двух задолженностей нами была использована «задача», описанная в работе М. Amar, D. Ariely, доработанная и адаптированная к российским условиям [9, с. 39–40], апробированная на студентах вуза [11, с. 65]. Итак, задача.

Представьте, что у вас есть две кредитные карты: «Мастеркард» с задолженностью 3 тыс. руб. и 19% годовой ставкой и «Виза» с долгом 30 тыс. руб. и годовой ставкой 24%. Допустим, вы получили материальное вознаграждение (бонус) на погашение задолженности в размере: (а) 3 тыс. руб.; (б) 30 тыс.

Таблица 1

**Описательная статистика результатов
«Опросника долгового поведения» в общей выборке (n=146)**

Представление респондентов	M*	Med	Mode	FM	Min	Max	SD
Избегание долгов — долг как стиль жизни	29	30	29	19	14	40	6
Рациональное долговое поведение	28	28	31	18	16	36	4
Эмоциональное принятие — неприятие долга	21	21	23	17	11	32	5
Мотивация долгового поведения	24	24	Multiple	20	12	37	5
Общее отношение к долгам	102	102	100	4	71	133	13

*M — среднее, Med — медиана, Mode — мода, FM — частота модального значения, Min — минимальное значение, Max — максимальное значение, SD — стандартное отклонение.

руб. На погашение какого счета вы потратите указанную сумму полностью или распределите сумму между счетами по-другому?

Технически исследование было оформлено в виде таблицы в Microsoft Excel. В таблице выводилась первоначальная сумма задолженности и процентная ставка по каждому из кредитов и сумма для размещения.

Вариант А: доступная сумма к размещению — 3 тыс. руб.

Если заемщик полностью погашает долг в 3 тыс. руб., то в следующем году он будет должен будет погашать 37 200 руб. Если он размещает 3 тыс. руб. в счет погашения долга 30 тыс. руб., то в следующем году он будет должен погашать 37 050 руб. — т.е. на 150 руб. меньше. При разделении денег между счетами сумма долга в следующем году будет располагаться между значениями 37 050–37 200 руб., и чем больше денег будет размещено в счет долга с большей процентной ставкой, тем меньше будет общая сумма долга в следующем году.

Вариант Б: доступная сумма к размещению 30 тыс. руб. Аналогичные варианту А вычисления позволяют установить, что наиболее рациональным будет вариант с полным погашением задолженности 30 тыс. руб. (ставка 24%), поскольку долг в следующем году составит 3570 руб. Наименее рациональным будет полное погашение задолженности 3 тыс. руб. (ставка 19%). Тогда долг составит 3720 руб.

Данные математические расчеты позволяют нам считать рациональным решение о размещении всех денежных средств, независимо от суммы,

в счет погашения задолженности с большей процентной ставкой (30 тыс. руб., 24%).

Математическая и статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью программы STATISTICA 7.0.

Выборка составила 152 человека. Возраст от 16 до 67 лет (M=21, SD=6,2); среди них 54 мужчины и 93 женщины, 5 человек пол не указали. Среди респондентов были студенты вузов, люди, имеющие экономическое, техническое и гуманитарное высшее образование. Несколько человек выполнили только одно из двух заданий, 4 человека сдали пустые бланки. Таким образом, окончательная выборка составила 148 человек.

Результаты исследования

Сначала остановимся на представлениях респондентов о своем долговом поведении. В табл. 1 приведена описательная статистика результатов «Опросника долгового поведения».

Мы видим, что респонденты имеют высокие баллы по шкале избегания долгов, рациональности долгового поведения и общего отношения к долгам, средние баллы — по эмоциональному отношению к долгу и мотивации долгового поведения. Иными словами, на уровне представлений респонденты стремятся избегать долгов, считают себя рациональными, нейтрально относятся к долгам и готовы нести ответственность за собственное долговое поведение.

Далее мы составили описательную статистику для мужчин и женщин и сравнили их по t-критерию Стьюдента, результаты отражены в табл. 2. Достоверных различий между мужчинами и женщинами

Таблица 2

**Описательная статистика и сравнение средних значений результатов «Опросника
долгового поведения» у мужчин и женщин (t-критерий Стьюдента)**

Представления респондентов	Мужчины (n=53)		Женщины (n=91)			
	M	SD	M	SD	t	p
Избегание долгов — долг как стиль жизни	29,5	5,53	28,7	6,14	0,79	0,409
Рациональное долговое поведение	27,9	4,35	27,9	4,48	0,001	0,835
Эмоциональное принятие — непринятие долга	20,1	5,09	21,3	4,20	-1,44	0,109
Мотивация долгового поведения	24,3	4,34	23,7	4,93	0,69	0,325
Общее отношение к долгам	101,8	12,02	101,6	13,28	0,11	0,437

Таблица 3

Описательная статистика решений в «Задаче 3 тыс.руб.» в общей выборке (n=141)

Счет	M	Med	Mode	FM	Min	Max	SD
3 тыс. руб., 19%	1780	3000	3000	72	0	3000	1321,4
30 тыс. руб., 24%	1233	0	0	72	0	3000	1325,2

обнаружено не было, т.е. и мужчины, и женщины в равной степени считают себя избегающими долгов, рациональными, эмоционально нейтральными и ответственными по отношению к долгу. Общее отношение к долгу скорее негативное, чем позитивное.

Теперь перейдем к анализу результатов по «задачам» с различной суммой, доступной к размещению в пользу погашения долгов. В задаче (а) к размещению было доступно 3 тыс. руб. (далее в тексте «Задача 3 тыс. руб.»), в задаче (б) – 30 тыс. руб. (далее «Задача 30 тыс.руб.»).

Всего по задачам нами было получено 142 заполненных бланка.

В «Задаче 3 тыс.руб.» ответы распределились следующим образом:

72 человека (51%) — использовали всю сумму на погашение задолженности 3 тыс. руб. при 19% годовых — т.е. предпочли полностью погасить меньшую задолженность с меньшей годовой процентной ставкой.

36 человек (26%) — использовали всю сумму на погашение задолженности 30 тыс. руб. при 24% годовых — т.е. предпочли полностью погасить большую задолженность с большей годовой процентной ставкой.

33 человека (23%) — предпочли разделить деньги между счетами.

1 человек (менее 1%) — решил осуществить перекредитование счетов, т.е. погасил полностью задолженность в 30 тыс. руб. при 24%, позаимствовав недостающие 27 тыс. руб. со счета 3 тыс. руб., 19%.

Описательная статистика сумм денежных средств (руб.), размещенных в пользу погашения каждого счета по «Задаче 3 тыс. руб.», приведена в табл. 3. При этом респондент, решивший задачу с помощью перекредитования, был исключен из анализа.

Достоверно большее число респондентов предпочло разместить все доступную сумму в пользу полного погашения наименьшей задолженности с наименьшей процентной ставкой, по сравнению со стратегией максимального погашения наибольшей задолженности с наибольшей процентной ставкой ($\chi^2=10,66$; $p=0,003$) и по сравнению со стратегией распределения средств между счетами ($\chi^2=8,75$; $p=0,001$).

Далее мы сравнили, как решали эту задачу мужчины и женщины. Описательная статистика сумм денежных средств (руб.) размещенных в пользу погашения каждого счета и значения t-критерия Стьюдента отражены в табл. 4.

Из табл. 4 следует, что достоверных различий между мужчинами и женщинами в решении задачи нет. Проще говоря, представления обывателей

Таблица 4

Описательная статистика и сравнение средних значений сумм денежных средств в пользу каждого счета «Задача 3 тыс. руб.» у мужчин и женщин (t-критерию Стьюдента)

Счет	Мужчины, (n=54)		Женщины, (n=87)		t	p
	M	SD	M	SD		
3 тыс.руб., 19%	1668,1	1391,0	1835,3	1290,8	-0,7	0,474
30 тыс.руб., 24%	1363,4	1396,5	1164,7	1290,8	0,9	0,393

Таблица 5

Описательная статистика решений в «Задаче 30 тыс. руб.» в общей выборке (n=142)

Счет	M	Med	Mode	FM	Min	Max	SD
3 тыс.руб., 19%	1458	0	0	86	0	13000	2334,0
30 тыс.руб., 24%	28317	30000	30000	86	15	30000	3357,3

Таблица 6

Коэффициенты корреляции Пирсона шкал методики «Опросник долгового поведения» и сумм, размещенных в пользу погашения задолженностей в задачах

Представления респондентов	«Задача 3 тыс.руб.»		Задача 30 тыс.руб.»	
	3 тыс.руб., 19%	30 тыс.руб., 24%	3 тыс.руб., 19%	30 тыс.руб., 24%
Избегание долгов – долг как стиль жизни	-0,13	0,13	0,09	-0,04
Рациональное долговое поведение	-0,03	0,03	0,12	-0,14
Эмоциональное принятие – неприятие долга	0,00	0,00	0,00	-0,02
Мотивация долгового поведения	-0,16	0,16	0,03	0,02
Общее отношение к долгам	-0,13	0,13	0,09	-0,07

о большей рациональности мужчин при решении финансовых вопросов не нашли подтверждения.

Рассмотрим, как распределились ответы в «Задаче 30 тыс. руб.».

Описательная статистика

86 человек (61%) — использовали всю сумму на погашение наибольшей задолженности с наибольшей процентной ставкой.

36 человек (25%) — полностью погасили наименьшую задолженность с наименьшей процентной ставкой и оставшуюся сумму потратили на погашение наибольшей задолженности с наибольшей процентной ставкой.

5 человек (3%) — распределили деньги между счетами, частично закрыв оба счета.

15 человек (11%) — допустили ошибки, положив на меньший счет сумму больше, чем были должны.

Из них у 5 человек сумма в счет погашения задолженности 3 тыс. руб. составила 10 тыс. руб. и более.

В табл. 5 приведена описательная статистика сумм денежных средств (руб.), размещенных в пользу погашения каждого из счетов с задолженностью.

В данном случае достоверно больше людей предпочли положить все доступные средств в счет погашения наибольшей задолженности с наибольшей процентной ставкой по сравнению с полным погашением меньшей задолженности с меньшей процентной ставкой ($\chi^2=14,6$; $p=0,0001$) и по сравнению со стратегией распределения между счетами ($\chi^2=57,3$; $p=0,0000$). Достоверно больше респондентов выбрали полное погашение меньшей задолженности с меньшей процентной ставкой по сравнению с количеством респондентов,

выбравших стратегию распределения средств между счетами ($\chi^2=20,0$; $p=0,0000$).

Далее нас интересовало, каким образом представления о собственном долговом поведении связаны с принятием решения о погашении того или иного счета. Для этого нами был проведен корреляционный анализ значений шкал методики «Опросник долгового поведения» и сумм (руб.), размещенных в пользу погашения каждого из счетов в задачах.

Результаты корреляционного анализа приведены в табл. 6.

Ни одна из шкал опросника не дает значимых корреляций с суммами, размещенными в пользу погашения счетов.

Обсуждение результатов

Респонденты имеют следующие представления о своем долговом поведении. Самые высокие значения получены по шкале «рациональность долгового поведения», т.е. в основном респонденты оценивают свое долговое поведение как рациональное, направленное на избегание долгов, отказ от покупок, которые им не по средствам, а в случае возникновения долгов — на скорейшее их погашение. Общее отношение к долгу скорее негативное, сочетающееся с чувством ответственности за выплату своих долгов, но эти показатели близки к средним значениям.

Однако, считая себя ответственными за выплату долгов и оценивая свои действия как направленные на скорейшее избавление от долга, при принятии решений о погашении задолженности респонденты демонстрируют стратегии, которые препятствуют скорейшему избавлению от долгов. При наличии суммы, достаточной для выплаты меньшего долга, наиболее популярной является стратегия, направленная на его полное погашение, хотя она и экономически наиболее невыгодная. Респонденты предпочли избавиться от одного долга полностью, а не погасить частично долг с большей процентной ставкой, тем самым уменьшив общую сумму задолженности.

Обратимся к респонденту, который выбрал стратегию перекредитования. Данное решение могло бы быть рациональным, при условии что мы можем снять 27 тыс. руб. со счета, по которому кредитный лимит составляет 3 тыс. руб. Следует учесть, что не все банки предоставляют услуги по рефинансированию кредитов, необходимо учитывать штрафы за досрочное погашение кредита, затраты на оформление кредита.

При наличии суммы, достаточной для полного погашения большей задолженности, большинство респондентов выбрали именно эту стратегию. Стратегия закрытия меньшего счета полностью была второй по популярности. Таким образом, мы видим, что сумма, доступная к размещению, оказывает влияние на принятие решения о погашении задолженности. Преобладающей является стратегия, направленная на полное погашение одного из счетов, т.е. на уменьшение количества долгов, а не общей суммы долга.

Полученные результаты подтверждают представления Д. Канемана и А. Тверски о том, что при принятии решения люди оценивают ценность и привлекательность альтернатив не только в терминах их стоимости, но и с точки зрения других характеристик. Полное погашение задолженности, видимо, приносит удовольствие при избавлении от долга и ощущение завершенности операции, чего не происходит при уменьшении общей задолженности на ту же сумму даже при условии большей финансовой выгоды последнего решения. Иначе говоря, мы можем видеть, что преобладает нерациональная стратегия, которая не способствует скорейшему освобождению от долгов и противоречит представлениям респондентов о своем долговом поведении как рациональном. Данное противоречие подтверждается и отсутствием корреляций между шкалами, отражающими представления о собственном долговом поведении, и стратегиями при погашении задолженностей. Более высокая убежденность в рациональности своих действий, неприязнь и стремление избежать долгов не связаны с размещением большей суммы денег в счет погашения задолженности с более высокой процентной ставкой. Таким образом, выдвинутая гипотеза об ограниченной рациональности при принятии решений в ситуации погашения двух задолженностей подтвердилась.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Респонденты считают свое поведение рациональным, негативно относятся к долгам, готовы нести ответственность за их выплату и стремятся их избегать. Наличие долга влечет за собой желание скорее от него избавиться.

Наиболее популярной является стратегия использования всех доступных средств для полного погашения одной из задолженностей, т.е. ценность альтернатив при принятии решения с экономической и психологической точек зрения не

совпадает. Респонденты предпочитают вариант с полным погашением задолженности, независимо от экономической выгоды решения. Психологическая выгода в виде чувства удовлетворения при избавлении от долга является более ценной, чем экономически более выгодное уменьшение общей задолженности на ту же сумму.

Выбор задолженности для погашения осуществляется на основании суммы денег, доступной к размещению, а не на основании размера процентной ставки.

Возрастание уверенности в рациональности своего долгового поведения не связано со стремлением выбирать более рациональную стратегию погашения долга, что отражает недостаточную компетентность в оценке своего долгового поведения.

Литература

1. Долги и коллекторы // Российская газета. Столичный выпуск № 6217 (241). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/24/kollektori-site.html> (дата обращения: 26.09.2014)
2. Fitch C., Chaplin R., Trend C., Collard S. Debt and mental health: the role of psychiatrists // *Advances in Psychiatric Treatment*. 2007. Vol. 13. P. 194–202.
3. Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ, 2014. 137 с.
4. Канеман Д., Словик П., Тверски А. *Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения*. Харьков: Изд-во Ин-та прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005. 632 с.
5. Гагарина М.А., Павлова О.Е. Ограниченная рациональность и долговое поведение работающих и неработающих россиян // *Социальная политика и социология: междисциплинарный научно-практический журнал*. 2013. № 3. С. 251–265.
6. Гагарина М.А., Петрова М.В. Особенности экономического поведения у студентов с различной экономико-психологической компетентностью // *Социосфера: научно-методический и теоретический журнал*. 2014. № 3. С. 56–63.
7. Bachman J. *The Psychology of Debt. Credit & Collections world. White Paper*, April 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://i2credit.com/img/white/archivo-23.pdf> (дата обращения: 20.05.2012).
8. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // *Психологический журнал*. 2003. Т. 24. № 4. С. 31–42.
9. Amar M., Ariely D., Ayal Sh., Cryder C., Rick S. *Winning the Battle but Losing the War: The Psychology of Debt Management* // *Journal of Marketing Research*. 2011. Vol. XLVIII (Special Issue 2011). P. 38–50.
10. Психологические барьеры модернизации российской экономики в сфере финансов: монография / под ред. А.Н. Лебедева, Н.В. Анненковой, С.М. Буяновой, М.А. Гагариной, Е.В. Камневой и др. М.: Спутник+, 2014. 123 с.
11. Гагарина М.А., Смургина А.А. Особенности принятия решений студентами в ситуации нескольких задолженностей // *Акмеология: научно-практический журнал*. 2014. № 1–2 (специальный выпуск). С. 64–65.

УДК 378(045)

Университетский сектор высшего образования: организационные формы и модели развития*

ГАЛИЧИН ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат философских наук, доцент, директор Центра мониторинга человеческих ресурсов ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: galichin@anx.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современных организационных форм и моделей развития университетов. Большинство национальных систем высшего образования являются дифференцированными, разнообразие миссий, профилей, типов и моделей учебных заведений, систем финансирования и управления – ответ на появление новых функций вузов, изменение потребностей студентов, новые запросы работодателей, рост конкуренции на рынке образовательных услуг. Одним из последствий развития систем высшего образования в различных странах стало усиление неоднородности вузов, что создает серьезные проблемы для их классификации в целях организации и финансирования исследований, составления рейтингов или формирования государственной политики.

Изучение ситуации в университетском секторе различных стран позволяет зафиксировать, что одним из наиболее распространенных подходов к описанию институционального многообразия является использование в качестве основания дифференциации масштабов исследовательской деятельности, что предполагает разделение учебных заведений на вузы с интенсивной исследовательской деятельностью, с менее интенсивной исследовательской деятельностью и локальные, региональные вузы.

В статье рассматриваются различные подходы к классификации университетов в условиях их превращения в центры производства и передачи новых знаний, передовых технологий и инноваций. Проведенный анализ показывает, что, несмотря на многочисленные попытки разделить вузы на определенные группы на основе различных критериев, в чистом виде невозможно следовать тому или иному типу учебного заведения; каждый университет должен найти свой вариант сочетания разных моделей образования и типов университетов, образовательных практик, схем финансирования и управления.

Ключевые слова: высшие учебные заведения; интернационализация высшего образования; международные рейтинги; национальные исследовательские университеты; предпринимательский университет; реформирование образования; типология вузов; университеты; федеральные университеты; финансирование образования.

The University Sector of Higher Education: Organizational Forms and Development patterns

VIKTOR A. GALICHIN, PhD in Philosophy, Associate Professor, Director of the Center for Monitoring Human Resources IPEI of the Russian Academy of National Economy and State Service under the RF President. E-mail: galichin@anx.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern organizational forms and models of University development. Most of the national systems of higher education are differentiated, the variety of missions, profiles, types and models of educational institutions, financing and management systems are a response to the emergence of new functions of higher educational institutions, the changing needs of students, new requirements of employers, increasing competition on the

* Статья подготовлена в рамках НИР, выполненной за счет бюджетных средств, в соответствии с государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2014 г.

market of educational services. One of the consequences of the development of higher education systems in different countries was the increased heterogeneity of the universities, which creates serious problems for their classification for the purposes of organization and financing of research, rankings, or formation of public policy.

The study of the situation in the University sector in different countries allows to identify that one of the most common approaches to the description of institutional diversity is the use as the basis for differentiation of the scope of research that involves the division of educational institutions into universities with intensive research activities, with less intense research activity and local, regional universities.

The article considers different approaches to the classification of universities in conditions of their transformation in the centers of production and transmission of new knowledge, advanced technologies and innovation. The analysis shows that, despite numerous attempts to divide universities into specific groups on the basis of various criteria, in its pure form it is impossible to follow one or another type of institution; each University should find its option in a combination of many different models of education and types of universities, educational practices, financing and management schemes.

Keywords: higher educational institutions, internationalization of higher education; international rankings; national research universities; the entrepreneurial University; educational reform; typology of higher education institutions; universities; Federal universities; funding of education.

Университеты составляют ядро современной системы высшего образования и играют важную роль не только в подготовке кадров высшей квалификации, организации и проведении научных исследований, разработке новых технологий, но и социально-экономическом и политическом развитии регионов и стран, в которых они находятся. Университет становится значимой структурой гражданского общества, а также выступает полем для обсуждения наиболее острых научных и общественных вопросов. Современный университет активно взаимодействует с бизнесом, структурами власти различного уровня, аналитическими центрами, неправительственными организациями и организациями работодателей.

Университеты сталкиваются с необходимостью выполнять многие функции, которые ранее для них не были свойственны или имели второстепенный характер, в том числе активно развивать так называемую третью миссию — деятельность, направленную на удовлетворение социально-экономических потребностей внешней среды: бизнеса, региона, социума.

Большинство национальных систем высшего образования являются дифференцированными, разнообразие миссий, профилей, типов и моделей учебных заведений, систем финансирования и управления является ответом на появление новых функций вузов, изменение потребностей студентов, новые запросы работодателей, рост конкуренции на рынке образовательных услуг и др.

Сегодня в мире существует широкий спектр институциональных моделей, в которых реализуются программы высшего образования. Это

классические и исследовательские университеты, технические вузы, «открытые университеты» с заочной (дистанционной) формой обучения и др. Все они занимаются подготовкой квалифицированных работников и специалистов, необходимых на рынке труда, каждый тип вуза выполняет свою значимую для современной экономики и общества функцию.

На протяжении современной истории развития университетов неоднократно предпринимались попытки их классификации. Например, популярна и широко известна так называемая «классификация Карнеги», в соответствии с которой американские колледжи и университеты группируются прежде всего в соответствии с таким критерием, как миссия вуза, его цели. В дальнейшем были попытки сгруппировать вузы на основе таких критериев, как типы высших учебных заведений (колледжи, университеты), содержание образования (гуманитарные, педагогические или технические колледжи).

В рамках другого подхода все вузы сгруппировали по принципу высшей присуждаемой степени: от степени *associate*. (ассоциат) до доктора наук. Это означает, что категория вузов «гуманитарный колледж» (или «колледж свободных искусств» — *liberal arts college*), теперь именуемая «бакалавриат», включает в себя все колледжи, где высшей присуждаемой степенью является степень бакалавра, а категорию так называемого «многопрофильного образования» (*comprehensive*) стали называть «магистерской», поскольку к ней были отнесены все вузы, присуждающие степень магистра как наивысшую.

В США реформирование системы профессионального образования на основе так называемого

«калифорнийского мастер-плана» привело к ранжированию учреждений высшего образования по трем уровням: система исследовательских университетов, система вузов для подготовки по массовым профессиям, система колледжей для подготовки квалифицированных исполнителей.

Анализ ситуации в университетском секторе различных стран позволяет зафиксировать, что одним из наиболее распространенных подходов к описанию институционального многообразия является использование в качестве основания дифференциации масштабов исследовательской деятельности, что предполагает разделение учебных заведений на вузы с интенсивной исследовательской деятельностью, с менее интенсивной исследовательской деятельностью и локальные, региональные вузы. Такой подход характерен для стран Западной Европы (Германия, Ирландия, Нидерланды) с исторически сложившейся бинарной системой высшего образования, включающей группы университетов и университетов (институтов) прикладных наук.

В Германии проводится последовательная дифференциация учреждений высшего образования по качеству оказываемых научно-образовательных услуг. В рамках этой политики выделяют четыре типа вузов. *Первый тип* — элитные университеты, фокусирующие свою деятельность на научных исследованиях и занимающие ведущие позиции в мировых рейтингах университетов. Вузы, относящиеся к этому типу, интенсивно сотрудничают с научно-исследовательскими институтами, обеспечивают инновационный характер проводимых исследований, являются привлекательным местом работы для выдающихся ученых и местом учебы талантливых студентов.

Большее количество университетов принадлежит ко *второму типу* вузов, которые имеют ряд направлений научно-образовательной деятельности, известных на национальном уровне. Эти вузы могут привлекать выдающихся ученых и способных студентов только на определенные факультеты, кафедры и направления подготовки. *Третий тип* вузов объединяет наибольшее количество университетов, которые предлагают образовательные программы различного уровня прежде всего студентам из своего региона и обеспечивают в процессе научно-образовательной деятельности региональные потребности. Региональные университеты выполняют заказы местных предприятий и организаций на подготовку кадров и научные

разработки. *Четвертый тип* вузов концентрирует свое внимание прежде всего на научно-образовательной деятельности, имеющей прикладной характер (*Fachhochschulen*).

Для определения критериев отнесения вузов к тому или иному типу была разработана система индикаторов и показателей. К таким индикаторам относятся: результаты конкурсов «выдающихся инициатив»; результаты участия в масштабных научных проектах; количество выдающихся ученых (например, количество лауреатов премии Лейбница, Нобелевской премии и т.д.); количество публикаций в престижных изданиях. В последние годы особое значение приобретает фактор интернационализации: международная привлекательность университета измеряется количеством иностранных профессоров, работающих в вузе, обучающихся иностранных студентов, а также количеством международных договоров и проектов [1].

Дифференциация университетов по типам сопровождается инициативами вузов Германии создавать элитные союзы. Примерами таких союзов являются объединение *TU-9*, в которое вошли девять технических университетов, позиционирующих себя как наиболее сильные исследовательские вузы в области технических наук, и союз *TU-15*, объединивший ведущие вузы в области медицины. Кроме того, стали вводиться новые организационно-правовые формы функционирования университетов. Например, в земле Нижняя Саксония получили распространение фондовые университеты, представляющие собой высшие учебные заведения, учредителями которых являются общественные или частные фонды. Преимуществом фондовых университетов является возможность многоканального финансирования (из государственных источников и средств фонда, налоговые льготы, большая независимость от государства, высокая степень административной, финансовой и академической автономии, успешное привлечение частного капитала). В Гессене новую форму фондового университета приобрел университет Гете во Франкфурте-на-Майне.

В Нидерландах к основным критериям, по которым разделяются группы исследовательских университетов и университетов прикладных исследований, относят: специализацию направлений исследований и преподавания, уровень интернационализации вуза и степень развития сотрудничества с реальным сектором экономики [2, с. 152].

Аналогичный подход используется в системах высшего образования других стран, например в Китае, ЮАР, Чили.

В Китае результатом проводимых реформ стало выделение четырех групп вузов:

- исследовательские университеты;
- университеты, в равной степени осуществляющие исследовательскую и образовательную деятельность;
- региональные вузы, преимущественно ориентированные на образовательную деятельность и в ограниченной степени проводящие исследования;
- специализированные школы профессионального образования.

В КНР создание современной структуры профессионального образования, кроме того, предусматривало объединение отраслевых вузов с целью формирования современных полидисциплинарных университетов.

Также была выделена группа университетов, поддержка которых должна создать условия для их включения в верхние строки мировых рейтингов. Программы развития этих университетов были разработаны с участием ведущих международных экспертов, на их финансирование были выделены значительные средства. Так, ведущим китайским вузам правительство выделило около 120 млн долл. каждому (40 китайских университетов получили 4,86 млрд долл.).

В ЮАР и Чили масштаб и направления исследовательской деятельности при выделении групп вузов дополнены описанием специфики магистерских и докторских программ. Например, классификация вузов ЮАР включает: университеты с широким набором докторских программ и интенсивной исследовательской деятельностью по широкому спектру научных дисциплин; университеты, предлагающие магистерские программы и ограниченный набор докторских программ, осуществляющие научную деятельность по ряду дисциплин; многопрофильные и узкоспециализированные институты бакалаврской подготовки с ограниченным набором программ магистерского уровня и исследовательской деятельностью в рамках учебных планов.

В качестве критериев классификации национальных университетов в Чили использовались: селективность, размер, престиж и форма собственности (государственная или частная), в результате были выделены восемь категорий вузов. Кроме

того, учитывалось количество ежегодных публикаций, а численность студентов и год аккредитации вуза стали второстепенными критериями.

В классификации учреждений высшего образования, разработанной ОЭСР, были выделены следующие группы вузов:

- университеты с широким спектром дисциплин, обеспечивающие национальные интересы;
- технические узкоспециализированные университеты, обеспечивающие национальные интересы;
- университеты, обеспечивающие интересы конкретной научной дисциплины;
- университеты с широким спектром дисциплин, обеспечивающие региональные интересы;
- узкоспециализированные частные вузы без регионального фокуса, обеспечивающие платный спрос на образование, и с региональным фокусом, обеспечивающие платный спрос на образование, востребованное в регионе.

Подход к дифференциации вузов на основе исследовательской деятельности не является единственным. Например, в Университете Твенте (Нидерланды) в целях формирования общеевропейской типологии в секторе высшего образования при поддержке Европейской комиссии был реализован проект, в рамках которого сформирован перечень параметров, сгруппированных по тематическим разделам. Подход авторов к построению интегрированных показателей учитывает значения ряда первичных количественных характеристик, систематизированных по следующим шести блокам:

- обучение и преподавание;
- студенты;
- исследования и разработки (ИИР);
- региональное взаимодействие;
- вовлеченность в обмен знаниями;
- международная деятельность.

Степень вовлеченности учебного заведения в международную интеграцию оценивается в классификации европейских вузов *U-Map*, где она рассматривается как одно из направлений деятельности вуза наряду с исследовательской, образовательной деятельностью, трансфером знаний и взаимодействием с регионом. Схожий подход использовался при разработке классификации вузов Среднего Востока и Северной Африки.

По мнению профессора Национального университета Сингапура С. Рамакришны, в секторе высшего образования необходима диверсификация университетов на исследовательские университеты

мирового класса, университеты, ориентированные на промышленность, и университеты, делающие акцент на преподавании [3, с. 199].

В условиях развития сетевых связей в секторе университетского образования российские специалисты выделяют три группы университетов (по степени включенности в сетевые структуры) [4, с. 266].

Первую группу составляют наиболее успешные и престижные университеты (по отдельным отраслям науки или в целом), хорошо интегрированные в межвузовские сетевые отношения и формирующие профессиональную сеть.

Ко второй группе относятся университеты, имеющие сетевые отношения с другими вузами, главным образом своей страны, но связи в значительной степени ограничены (в том числе имеют в основном региональный характер).

Третья группа — университеты, которые практически не включены в межуниверситетские связи, работающие на локальном уровне. Границы между тремя группами университетов подвижны, т.е. университеты могут перемещаться из одной группы в другую.

В России, как и в других странах, для классификации учебных заведений высшего образования в качестве важного (основного) критерия используются исследовательская деятельность и научный потенциал вуза. В соответствии с государственной программой «Развитие образования на 2013–2020 гг.» система российского высшего образования должна включать «ведущие¹ исследовательские университеты (40–60 вузов), являющиеся двигателями развития инновационной экономики, опорные вузы региональных экономических систем, обеспечивающие специализированную профессиональную подготовку, и вузы, осуществляющие широкую подготовку бакалавров».

В России основными механизмами стимулирования государством системных изменений в высшем образовании в последние годы стали:

- выявление и конкурсная поддержка лидеров — «точек роста» нового качества образования;
- оптимизация сети учреждений и реорганизация вузов, не соответствующих потребностям рынка труда, путем объединения учреждений и создания крупных научно-образовательных комплексов.

¹ Заметим, что понятия «ведущие» и «неэффективные» вузы, широко используемые в последнее время, в том числе в документах Минобрнауки, не представляются корректными и не содержат признаков характеристик.

В рамках применения первого механизма сформировалась группа ведущих вузов, в которую вошли МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ, федеральные и национальные исследовательские университеты. Именно эта группа вузов получает преимущественную финансовую поддержку со стороны государства, в том числе до 60% конкурсных средств, направляемых на всю систему высшего образования.

В условиях модернизации системы высшего образования в России и дифференциации вузов предпринимаются попытки выделить определенные группы учебных заведений. Одним из принципов (критериев) предлагается место (роль), которое вузы могут занять в экономике страны или в экономике конкретного региона, определить, каковы реальные возможности вузов и регионов [5].

Первую группу составляют вузы, работающие главным образом на общероссийский или даже мировой рынок научно-исследовательских кадров. Вторая — вузы, работающие на региональный или общероссийский рынок труда специалистов промышленности и сферы услуг, третья — вузы, работающие на специфические местные рынки труда.

Для каждой из этих групп нужны свои критерии эффективности. Так, для национальных исследовательских университетов важны количество публикаций, в том числе в международных реферируемых журналах, доля иностранных студентов. Технические вузы должны готовить квалифицированные кадры для промышленности и этим помочь развитию регионов, при этом оценивать их работу следует не только по количеству публикаций в международных журналах, а по связям с местными работодателями, трудоустройству выпускников.

По мнению авторов статьи, процесс формирования институционального многообразия российской высшей школы можно представить как сочетание и взаимодействие четырех моделей организации деятельности вузов [6, с.271–272].

1. «*Университет — исследователь*» — модель университетского развития с федерально-значимой миссией глобального исследовательского превосходства и конкурентоспособности на международном рынке научно-образовательных услуг.

2. «*Университет — системный интегратор*» — модель с федеральной социально-экономической миссией, в которой университет рассматривается как основной поставщик научных решений для развития отраслей знаний, отраслей экономики и крупных территорий.

3. «Университет — региональный интегратор» — модель развития с региональной социально-экономической миссией университета, фокусирующейся на массовой подготовке кадров для регионального рынка труда и преимущественно прикладных исследованиях в интересах предприятий региона.

4. «Университет — кадровый конструктор» — модель для вузов с локализованной миссией, ориентированной на удовлетворение массового спроса на качественное общее и специализированное образование с учетом (бюджетное) или без учета (платное) региональных потребностей в кадрах.

В данном подходе важно то, что, несмотря на его некоторую искусственность и специфическую терминологию, подчеркивается необходимость разработки (и корректировки) различных моделей университета, и это нашло подтверждение во время обсуждения проблем российского высшего образования с участием ректоров, представителей бизнеса и власти в рамках **Петербургского международного экономического форума** (ПМЭФ-2014) [7].

Особое место в классификации университетов занимают предпринимательские (представляется более корректным понятие «университеты предпринимательского типа»). Среди многочисленных определений и «концепций» предпринимательского университета акцент делается на необходимость (стремление и способность) учебного заведения преодолевать ограничения в различных сферах².

В системе высшего образования выделяют модели исследовательского университета, широкое распространение в мире получила американская модель, которая основывается на системе Калифорнийского университета.

Как большинство исследовательских университетов, Калифорнийский университет в Беркли одновременно является международным, национальным и локальным учебным заведением. Его деятельность имеет широкий международный охват, на работу и учебу приглашаются преподаватели и студенты со всего мира. Академические отделения и центры университета занимаются решением имеющих общемировое значение задач по всем научным дисциплинам. Влияние кампуса Беркли внутри страны отражается в его участии

в научно-исследовательской работе, поддерживаемой национальными организациями и лабораториями, которые финансируются федеральным правительством.

Под воздействием интернационализации в последние годы создаются новые исследовательские университеты и модернизируются действующие ранее. В книге Йохана Х. Виссемы (Нидерланды) «На пути к университету третьего поколения: управление университетом в переходный период», изданной в 2009 г., утверждается, что университеты вступили в переходный период своего развития и в настоящее время должны трансформироваться в «университеты третьего поколения» («3G-университеты»), в противном случае они рискуют оказаться в роли аутсайдеров.

Опираясь на свой опыт работы в ведущих исследовательских университетах в роли консультанта по инновациям, предпринимательству и коммерциализации, Виссема предлагает концептуальную модель и характеризует 3G-университет как сеть учреждений, стоящих в центре международного технологического знания [8, с. 239–240].

По мнению автора книги, рост глобализации и международной конкуренции, междисциплинарный характер фундаментальных и прикладных исследований, а также сокращение участия государства в управлении университетами и необходимость диверсификации источников доходов означают, что модель 3G-университета является единственной, при которой университеты смогут оставаться в авангарде научной деятельности.

3G-университет образует центр инновационного кластера, который стимулирует предпринимательскую деятельность и состоит из научно-исследовательских институтов, малых предприятий, а также финансовых и других учреждений, оказывающих различные услуги малым предприятиям и стартапам. В современной экономике, являющейся «экономикой знаний», университеты становятся инструментами экономического роста, тесно связанными с государственным и коммерческим сектором и финансируемыми в соответствии с механизмами трансфера технологий.

Другие эксперты выделяют необходимые условия деятельности исследовательского университета, способного занимать высшие строчки общемировых рейтингов [8, с. 26–27].

Успешно функционирующие исследовательские университеты являются частью дифференцированной академической системы, в которой они стоят

² Очевидно влияние определения «предпринимательство», данное Г. Стивенсоном, профессором Гарвардской школы бизнеса: «Предпринимательство — это поиски возможностей за пределами контролируемых на данный момент ресурсов».

на вершине образовательной иерархии и получают необходимую поддержку для выполнения своей миссии.

Исследовательские университеты наиболее успешны там, где соперничество между ними и не-университетскими научно-исследовательскими институтами минимально или вообще отсутствует. В некоторых странах предпринимаются попытки более эффективно интегрировать научно-исследовательские институты и ведущие университеты (в том числе путем их слияния) с целью усиления последних.

Исследовательские университеты нуждаются в большем финансировании, чем остальные вузы, для того чтобы привлекать лучшие профессорско-преподавательские кадры и студентов, а также создавать инфраструктуру, необходимую для высококлассных исследований и преподавания. Расходы на одного студента неизбежно выше, чем средние показатели внутри всей системы высшего образования. Адекватные зарплаты для профессорско-преподавательского состава, хорошо оснащенные библиотеки и лаборатории, а также повышенные стипендии для одаренных, но не очень обеспеченных студентов являются примерами подобных расходов.

Исследовательские университеты должны иметь достаточное и стабильное финансирование. Они не могут успешно функционировать в условиях недофинансирования или бюджетных колебаний в различные периоды времени.

В процессе создания и поддержания стабильной работы исследовательских университетов многие страны обращаются к международному опыту, в результате формируется неформальная всемирная модель исследовательских университетов,

Одним из последствий развития систем высшего образования в различных странах стало усиление неоднородности вузов, что создает серьезные проблемы для классификации вузов в целях организации и финансирования исследований, составления рейтингов или формирования государственной политики.

Несмотря на многочисленные попытки разделить вузы на определенные группы, в чистом виде представляется нереальным следовать тому или иному типу учебного заведения, каждый университет должен использовать все лучшее, что накоплено в мировой практике образования, чтобы быть успешным и конкурентоспособным. В этой связи современный университет должен найти свой

вариант сочетания разных моделей образования и типов университетов, образовательных практик, схем финансирования и управления.

Литература

1. Певзнер М.Н., Петряков П.А. «Новое общественное управление» в вузах Германии: путь к автономии или утрата академических традиций? // Непрерывное образование: XXI век. № 3 (3). 2013. [Электронный ресурс] URL: DOI: 10.15393/j5.art.2013.2150 (дата обращения: 28.10.2014).
2. Recommendations on the differentiation of higher education institutions. Wissenschaftsrat, 2010. P. 152. [Электронный ресурс] URL: http://www.wissenschaftsrat.de/download/archiv/10387-10_engl.pdf (дата обращения: 28.10.2014).
3. Императивы интернационализации. М.: Логос, 2013. 420 с.
4. Лебедева М.М., Барабанов О.Н. Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики // Вестник МГИМО-Университета. № 6 (27). 2012. С. 265–269.
5. Рылько Е. Абанкина: каждой группе вузов нужны свои критерии эффективности // РИА Новости. 18.12.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/society/20131218/984861546.html#ixzz2nueVKRrXr>
6. Дрантусова Н.В., Князев Е.А. Институциональный ландшафт высшего образования в России: ключевые векторы развития // Вестник международных организаций. 2013. № 1 (40). — С. 264–273.
7. Новые модели образования для экономики 21 века. ПМЭФ-2014, г. Санкт-Петербург, 23 мая 2014 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.forumspb.com/bfxcc/system/uploads/program_list_attr/program_file_ru/5/program_view_rus_0530.pdf (дата обращения: 28.10.2014).
8. Виссера Й.Х. На пути к университету третьего поколения: управление университетом в переходный период. Челтнем (Великобритания): Эдвард Элгар, 2009. 272 с.
9. Дорога к академическому совершенству. Становление исследовательских университетов мирового класса / Под ред. Ф. Дж. Альтбаха, Дж. Салми; пер. с англ. М.: Весь мир, 2012. 416 с.

УДК 81:378(045)

Деловая игра «Модель G20» как способ повышения мотивации студентов-экономистов при изучении иностранного языка

МАТЯВИНА МАРИЯ ФЕДОРОВНА, доцент кафедры «Иностранные языки-1» Финансового университета.
E-mail: MFMatyavina@mail.ru

КОРОВУШКИНА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки-1»
Финансового университета. E-mail: Marina.Koro@yahoo.fr

Аннотация: В статье рассказывается о проведении деловой игры как одной из форм интерактивного обучения для повышения мотивации студентов-бакалавров экономического профиля в изучении иностранного языка и дисциплин профессиональной направленности. Мотивация студентов представляет собой одну из наиболее актуальных проблем, а рассматриваемый в статье опыт проведения деловой игры может являться примером решения данной проблемы и представлять практический интерес для преподавателей. Кроме того, интерес к рассмотрению данной проблемы объясняется тем, что одним из требований стандартов к условиям реализации основных образовательных программ бакалавриата является широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий. Интерактивные формы используются наряду с активными в обучении преимущественно взрослых обучающихся, а деловые игры являются одной из интерактивных форм обучения, наилучшим образом способствующей становлению и развитию мотивации к изучению как иностранного языка, так и страноведения, а следовательно, и формированию коммуникативной и социокультурной компетенций у студентов, что представляет собой одну из важнейших целевых установок на занятиях по иностранному языку. Деловая игра дает возможность использования иностранного языка как инструмента для общения и решения профессиональных задач. Во второй части статьи рассматривается практика организации и проведения деловой игры «Модель G20» на иностранном языке с целью формирования коммуникативной и профессиональных компетенций у студентов-бакалавров факультета международных экономических отношений. Особое внимание уделяется оцениванию, при этом отмечается важность оценивания как подготовительной работы, так и активного участия студентов в проекте.

Ключевые слова: английский язык для специальных целей; интерактивный метод обучения; коммуникативная компетенция; ролевая игра.

G20 Model Simulation as a Type of Activity Aimed at Motivating the Students of Economics to Improve their Foreign Language Competencies

MARIA F. MATYAVINA, Associate Professor, «Foreign Languages-1» Department, Financial University. E-mail: MFMatyavina@mail.ru

MARINA V. KOROVUSHKINA, Senior Lecturer «Foreign Languages-1» Department, Financial University. E-mail: Marina.Koro@yahoo.fr

Abstract. The article touches upon the question of conducting business games that represent one of the forms of interactive training to motivate students majoring in economics while learning foreign languages and other professional subjects. Student motivation is one of the most challenging issues, so the described experience of conducting business games can be a solution to that issue that represents a practical interest for teachers. The interest in that problem is explained by the fact that one of the requirements of implementing concentration programme of bachelor degree courses implies an extensive usage of active and interactive lesson forms. Interactive forms are used along with active forms while teaching foreign languages to adults, business games are one of interactive forms of teaching that contributes to forming and developing student motivation to learn foreign languages and country studies as well, thus business games contribute to the development of communicative and sociocultural competencies that are a primary goal of foreign language acquisition. The business game allows using a foreign language as a tool of communicating and solving professional tasks. The second part of the article considers practical issues of organizing and conducting business game «G20» using the English language with the purpose of forming students' majoring in economics communicative and professional competencies. Particular attention is paid to the assessment that is important while preparing for the game and while participating in the project.

Keywords. Interactive method of teaching, role play, communicative competence, ESP, English for Specific Purposes

Согласно Федеральным государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования третьего поколения, действующим с 2009 г., в процессе получения высшего образования у студентов прежде всего необходимо вырабатывать и формировать общекультурные и профессиональные компетенции. С этой целью одним из требований стандартов к условиям реализации основных образовательных программ бакалавриата является широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий. По направлению подготовки «Экономика» удельный вес занятий, проводимых в интерактивной форме, должен составлять не менее 20% аудиторных занятий в сочетании с активной внеаудиторной самостоятельной работой студентов.

Интерактивные формы используются наряду с активными в обучении преимущественно взрослых обучающихся. Это объясняется тем, что интерактивность ориентирована на взаимодействие студентов друг с другом в процессе решения какой-либо задачи, а не только на общение «студент–преподаватель». При этом роль преподавателя сводится к тому, что он выступает в качестве проводника учащихся к самостоятельному поиску, направляющим их деятельность к достижению поставленной цели. Активность преподавателя сменяется активностью обучающихся, для поддержания инициативы которых он призван создать необходимые условия. Преподаватель выходит за рамки классического учителя, становится «современным

консультантом», призванным оказать помощь в решении поставленных задач профессиональной направленности [1, с. 86].

Использование интерактивных форм на занятиях по иностранному языку развивает способность к общению на иностранном языке, позволяет решать задачи по формированию у студентов как коммуникативных, так и необходимых профессиональных компетенций. Это связано с формированием у студентов желания овладеть иностранным языком как средством межкультурного общения и эффективного взаимодействия на профессиональном уровне. Различного рода активные и интерактивные методы обучения в большей степени способствуют становлению и развитию мотивации к изучению страноведения, формированию социокультурной компетенции, являющейся одной из важнейших целевых установок на занятиях по иностранному языку [2, с. 73].

К часто используемым и рекомендуемым методам интерактивного обучения профессиональному взаимодействию относятся дискуссии, решение ситуационно-коммуникативных задач, ролевые и деловые игры, метод проектов, мозговой штурм, аналитические тренинги и др. Каждый из этих методов имеет свои конкретные преимущества перед другими, но все они позволяют успешно решать задачи формирования общекультурных и профессиональных компетенций студентов-бакалавров, изучающих иностранный язык [3].

Одним из видов интерактивного обучения является деловая игра. Игра как вид деятельности

знакомы каждому человеку, представляя собой моделирование тех или иных ситуаций, активное их «проигрывание», воссоздание, стремление к максимальному сближению с видом деятельности или ситуацией, взятой за образец. Деловая игра позволяет воспроизвести тот или иной вид профессиональной деятельности, смоделировать систему условий работы и взаимоотношений, присущих выбранному виду практики. Иными словами, «процесс обучения максимально приближен к реальной практической деятельности руководителей и специалистов. Это достигается путем использования в деловых играх моделей реальных социально-экономических отношений» [4, с. 4].

Деловая игра была взята за основу проекта, который мы рассматриваем в данной статье. Весной 2014 г. в Финансовом университете в рамках проведения V Международного научного студенческого конгресса кафедрой «Иностранные языки-1» совместно с кафедрой «Мировая экономика и международные финансовые отношения» был предложен студентам проект, вобравший в себя элементы деловой игры, симуляции, проектной работы и метода проведения дебатов. Проект носил название «Модель G20» и в большей степени имел черты деловой игры; при этом за основу был взят действующий формат встреч на высшем уровне, а именно «Большая двадцатка», что определило имитационный характер деловой игры.

После определения формата мероприятия было решено привлечь к игре студентов-бакалавров 3-го курса, обучающихся на факультете международных экономических отношений, что объясняется следующими критериями. Во-первых, студенты должны были продемонстрировать уверенное владение иностранным языком, так как любой проект такого рода имеет в своей основе одну из главных целей обучения иностранному языку, а именно — достижение такого уровня практического владения иностранным языком, который позволит будущим выпускникам осуществлять их профессиональную деятельность на иностранном языке, т.е. служить очень важным инструментом для удовлетворения профессиональных потребностей, актуализации накопленных знаний и приобретенных навыков посредством иностранного языка. Во-вторых, нельзя не учитывать стремление к формированию компетенций будущего выпускника,

т.е. способности к выполнению определенной деятельности. Поскольку набор компетенций определяет диапазон приложимости профессиональных качеств, а солидарное владение компетенциями обеспечивает умение разнообразно сочетать их, исходя из сложившейся ситуации, было решено дать студентам возможность реализовать их в предъявляемых реальных проектных заданиях. И, в-третьих, необходимо было учесть, что в профессиональной деятельности работников международной финансово-банковской и внешнеэкономической сферы доминируют задачи устного общения, которые и были положены в основу проекта.

Однако осуществление профессионально ориентированной речевой деятельности невозможно без определенной информационной основы, представляющей совокупность информации, которая связывала бы субъект, объект, предмет речевой деятельности и ее цель. Тот факт, что овладение большими массивами специальной информации является основой для профессиональной коммуникации, привел к интегрированию в предполагаемый формат мероприятия профессиональной компоненты, формируемой на занятиях по профилирующим дисциплинам. В результате по предложению кафедры «Мировая экономика и международные финансовые отношения» как профилирующей кафедры факультета для мероприятия была выбрана тема «Влияние политики валютного курса на международную валютно-финансовую систему и экономику отдельных стран». Выбор темы определялся целью игры и ее спецификой, поскольку «Модель G20», подобно «двадцатке», является форумом для сотрудничества и консультаций по вопросам международной финансовой системы и представляет собой синтез научной конференции и деловой игры, в ходе которой студенты моделируют деятельность этой организации и, таким образом, демонстрируют профессиональные и языковые знания и навыки, а также лидерские и ораторские качества, умение работать в команде и приходить к компромиссу при выработке резолюций и рекомендаций по обсуждаемым проблемам.

Итак, для проведения деловой игры были привлечены студенты 3-го курса факультета международных экономических отношений. Им было предложено представить свои позиции в качестве делегатов Китая, Бразилии, России,

США, Евросоюза, а также от лица организаций МВФ и БМР соответственно, и затем выработать общую резолюцию по заявленной теме. Обязанности модератора дебатов, технических секретарей и переводчиков выполняли представители Студенческого совета и студенты 2-го курса того же факультета.

Нужно отметить высокую степень мотивации участников, что объясняется удачным выбором как формата, так и темы проекта, так как они были непосредственно связаны со сферой профессиональных интересов обучающихся. Мотивированность студентов — одна из наиболее актуальных проблем на сегодняшний день, которую ни в коем случае не следует игнорировать. Согласно современным исследованиям в области педагогики и психологии, роли как преподавателя, так и студента одинаково важны для успешного овладения материалом любой дисциплины и должны представлять собой сотрудничество партнеров, имеющих общую цель [1, с. 85]. Учитывая это положение, студентам была предоставлена возможность высказать свое мнение по поводу формата. Студенты активно поддержали идею взять за основу проекта такой широко известный формат проведения дебатов, как «Модель G20», предполагающий открытое обсуждение актуальных вопросов современности и принятие решений на основе консенсуса. Также этот факт гарантировал активное участие студентов в прениях и сказался на высокой степени коммуникативной свободы.

Готовясь к мероприятию, студенты провели много времени за самостоятельной подготовкой при формировании своей позиции как представителей стран или организаций. Для этого им пришлось проявить большую долю самостоятельности и творческой активности при поиске и переработке информации о позиции выбранной страны/организации. Нужно отметить положительную роль работы научного кружка на иностранном языке, который призван привлекать студентов к исследовательской деятельности с использованием широкого спектра материалов на иностранном языке. Организация же работы межкафедального кружка под руководством двух кафедр «Иностранные языки-1» и «Мировая экономика и международные финансовые отношения» могла существенно способствовать и облегчить самостоятельную работу студентов по профильному

направлению обучения с использованием иностранных источников [5, с. 141], особенно для подготовки к такому крупному проекту, как «Модель G20».

Как было упомянуто выше, проект выбрал в себя черты не только деловой игры, но и так называемого метода дебатов. Это определялось выбором формата проекта, имеющего жесткую структуру и подразумевающего участие задействованных студентов в прениях от лица стран и организаций, которые они представляли. Несмотря на четко обозначенные рамки прений, в них можно отметить отдельные черты метода «дебатов», а также их главную цель — «толерантное отношение к чужому взгляду на проблему» [6, с. 78]. Участники прений должны были продемонстрировать свое умение не только хорошо говорить и доказывать, но и слушать и понимать оппонента. Таким образом, в процессе проведения прений совершенствовались умения аудирования и говорения, а раунд перекрестных вопросов позволил привлечь почти всех участников к этой деятельности.

Отдельным и не менее важным моментом является оценивание как подготовительной работы, так и активного участия студентов в проекте. В жюри проекта вошли преподаватели обеих вышеназванных кафедр, а также преподаватели других экономических вузов, что обеспечило объективность оценки и было положительно воспринято участниками. При этом преподаватели каждой кафедры независимо друг от друга разработали критерии оценки выступлений студентов и их участия в прениях. Было решено, что 60 процентов общей оценки (большая часть) должны приходиться на оценку уровня сформированности профессиональных компетенций по профилирующей дисциплине, а оставшиеся 40 процентов — на оценку уровня владения иностранным языком. Данный подход объясняется тем фактом, что иностранный язык рассматривался исключительно как инструмент для общения и решения профессиональных задач. Владение иностранным языком при этом оценивалось по таким критериям, как логичность и ясность изложения, структура подачи материала, богатый словарный запас, грамматическая правильность, беглость речи и правильность произношения. Нужно отметить, что стремление студентов достойно выглядеть в глазах своих коллег, высокая мотивация

к участию в игре и качественная подготовка положительно отразились на результатах, и оценка работы студентов преподавателями была достаточно высокой.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Иностранный язык участвует в формировании поликультурной личности, что в условиях высшего профессионального образования представляет процесс формирования специалиста, способного к активной и эффективной профессиональной деятельности в поликультурной среде [7, с. 137]. Как мы видим, деловая игра дает возможность существенно сократить время накопления профессионального опыта, экспериментировать с тем или иным событием, ситуацией, опробовать разные стратегии разрешения проблем и т. д. применительно к кросс-культурным ситуациям общения. Она помогает сформировать у студентов-бакалавров целостное представление о профессиональной деятельности в ее развитии и приобрести опыт общения, действия в социуме (различного рода коммуникации, в том числе и на иностранном языке, принятие решений, отстаивание своей точки зрения и т. п.). Кроме того, данный проект предоставил возможность формирования таких важных компетенций, как языковая, прагматическая, социолингвистическая, социокультурная, а также стратегическая и дискурсивная. Социолингвистическая компетенция подразумевает готовность студента участвовать в диалоге на правах взаимного уважения, приобрести социальный опыт и понять, что существуют бесконфликтные способы разрешения противоречий. Дискурсивная компетенция представляется особенно важной, поскольку при ее формировании обучаемые подготавливаются к решению таких задач коммуникации, как умение высказать позицию в споре, настоять на своем, высказать и аргументированно обосновать свою точку зрения, предложить пути решения задач.

Литература

1. *Пушкина Г. Г.* Проблема мотивации при изучении иностранного языка // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 1 (13). С. 85–87.
2. *Долгалева Е. Е.* Особенности организации учебно-познавательной деятельности студентов в процессе обучения иностранному языку в вузе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 1 (13). С. 72–75.
3. *Ипатов Л. О.* Обучение профессиональному взаимодействию студентов экономических специальностей на занятиях по иностранному языку // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/03/33131> (дата обращения: 29.04.2014).
4. *Платов В. Я.* Деловые игры: разработка, организация и проведение: учебник. М.: Профиздат, 1991. 156 с.
5. *Оглоблина Е. В., Горячева Е. Н.* Инновационные приемы организации межкафедральных студенческих научных мероприятий на иностранном языке // Сборник международной научно-методической конференции «Векторы современного уровня образования — повышение качества и взаимодействие с работодателями». М.: Финансовый университет, 2013. С. 141–148.
6. *Львова О. В.* Использование технологии «Дебаты» при обучении иностранному языку // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 1 (13). С. 76–79.
7. *Седова Т. В.* Источники информации как средство формирования поликультурной личности // Иностранные языки в экономических вузах России: всероссийский научно-информационный альманах № 12. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 136–143.

УДК 004.056(045)

Философия безопасности — безопасность информации и энергии

ТРУСОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, кандидат философских наук, директор университетского колледжа информатики и программирования Финансового университета. E-mail: ntrusov@fa.ru

БАШЕЛХАНОВ ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ, кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией, преподаватель университетского колледжа информатики и программирования Финансового университета. E-mail: ivbashelhanov@fa.ru

КОЛМЫКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА, кандидат экономических наук, заместитель директора по УМР университетского колледжа информатики и программирования Финансового университета. E-mail: ekolmykova@fa.ru

Аннотация. Актуальность исследования соотношения понятий энергии (в форме кванта) и информации была выделена в фундаментальной работе Джона А. Уилера.

В нашей работе изучаются последствия семантической эквивалентности энергии и информации для информационной безопасности как кросс-науки.

Мы приходим к выводу, что любая система защиты требует обязательной надсистемной интеграции (в отличие от системной интеграции), более того — участия кросс-методологического оператора, владеющего конвергентной философией информационной безопасности, поскольку все вышеуказанные меры предотвращают стандартные, формализованные, схоластические угрозы, сколь бы «свежими» и инновационными ни были методы защиты. При динамическом древовидно-фрактальном подходе надсистемный интегратор в любой момент может расширить рассматриваемое им множество угроз и принять адекватные меры. Нами впервые рассмотрено появление дополнительных угроз, появляющихся при сегментации (разделении) методов защиты. Также впервые рассмотрены перспективы фрактально-математического и динамического подхода для анализа и предотвращения угроз, а также методологические последствия семантической эквивалентности энергии и информации. Впервые информационная безопасность (философия безопасности, философия информационной безопасности) рассматривается как единая кросс-наука — уходящая от междисциплинарности к единой конвергентной науке. Впервые предложено введение этих новых кросс-научных курсов в учебных заведениях всех уровней; вводится новый термин «метофилософер информационной безопасности» для субъекта, принимающего наиболее адекватные кросс-методологические, кросс-научные решения по актуальным, насущным задачам информационной безопасности. Наконец, мы обнаруживаем с помощью семантической эквивалентности энергии и информации (эффекта, феномена Итигэлова) обоснованность фундаментальной философской гипотезы Джона А. Уилера в отношении информации.

Ключевые слова: гипотеза Джона Уилера; защита информации; информационная безопасность; информационное отравление; информационные войны; киберпреступность; науки Hi-Hite; сегментирование; семантическая эквивалентность энергии и информации; токсичность информации; феномен Итигэлова; философия безопасности; фракталы.

Security Philosophy — Security Information and Energy

NIKOLAI A. TRUSOV, PhD, Director of the CCSP Financial University. E-mail: ntrusov@fa.ru

BASHELHANOV IGOR V. PhD., head of the laboratory, the teacher CCSP Financial University. E-mail: ivbashelhanov@fa.ru

KOLMYKOVA ELENA A. Ph.D., Deputy Director of CCSP Financial University E-mail: ekolmykova@fa.ru

Abstract. *The research of the relationship between the concepts of energy (in the form of quantum) and information was highlighted in the fundamental work of John A. Wheeler.*

In our work we study the consequences of semantic equivalence of energy and information for information security — as cross-science.

We come to the conclusion that any protection system requires mandatory super integration (as opposed to system integration), moreover the participation of cross-methodological operator, owning convergent philosophy of information security, since all these measures prevent standard, formalized, scholastic threats, no matter how fresh and innovative methods were not protection. When the dynamic tree-fractal approach super integrator may at any time extend considered by many threats and to take adequate measures. We first considered the appearance of additional threats emerging in the segmentation (division) methods of protection. Also for the first time discussed the prospects of fractal mathematics and dynamic approach for the analysis and prevention of threats and methodological implications of semantic equivalence of energy and information. First information security (security philosophy, philosophy of information security) are treated as a single cross-science — science, disappearing from interdisciplinarity to a single convergent science. First proposed the introduction of these new cross-academic courses in educational institutions of all levels. For the first time introduces a new term «metaphilosopher information security» for the subject, taking the most adequate cross-methodological, cross-scientific solutions for current, pressing problems of information security. Finally, we find with the help of semantic equivalence of energy and information (the phenomenon Itigelov) the validity of the fundamental philosophical hypotheses John A. Wheeler, in respect of information.

Keywords: *Security philosophy, information security, semantic equivalence of energy and information, the hypothesis John Wheeler, the phenomenon Itigelov, fractals, segmentation, data protection, information poisoning, toxicity information, information warfare, cyber crime, science Hi-Hume.*

Изучение соотношения энергии и информации, а также отдельно — понятия «информация» было, безусловно, одной из первоочередных задач современной науки. В своей недавней философской работе Е. А. Мамчур [1, с. 57] упоминает гипотезу выдающегося американского физика Джона А. Уилера [2], которая говорит о том, что в основе мироздания лежат «кусочки» информации («Все от бита» — «*It from bit*»). В результате исследований эффекта, феномена Итигэлова было установлено семантическое единство энергии и информации, а другими словами, установлена эквивалентность энергии и информации, но в более сложной форме, чем эквивалентность массы и энергии [3, с. 50]. При данных обстоятельствах гипотеза Уилера оправдана и обоснована. Далее мы рассмотрим научные и учебно-методические последствия нашего заключения и фундаментальной идеи Уилера. При семантическом объединении этих основополагающих понятий, как оказалось, кардинально упрощается мировидение и описание универсума. Человек является одной из замечательных вершин современного развития природы, Вселенной. Для его развития требуется гармонично сбалансированная информация, представленная в виде генетической (химической) энергии ДНК,

в виде химической энергии разнообразных продуктов питания и поступающая при передаче энергии от внешних источников в форме физико-химических полей, воздействующих на человека по оптическим, акустическим, обонятельным, осязательным, вкусовым каналам. При избытке, отсутствии или недостатке какого-либо вида информации (энергии) человек сначала чувствует дискомфорт (дисгармонию), при долговременном избытке или дефиците он заболевает (появляются депрессия, неадекватное поведение и т.д.), а затем гибнет. Информация в данном контексте выступает как гуманитарная энергия. Эта гуманитарная энергия в связи с вышесказанным может быть «токсичной», «отравляющей» при превышении порогов (пределов).

Так, при обсуждении своего доклада на Инфофоруме-2014 [4] профессор, главный научный сотрудник ФГБУ НИИ медицины труда РАМН, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники и премии Ф. Ф. Эрисмана по гигиене, кандидат технических наук и доктор биологических наук Э. И. Денисов использовал термин «отравление информацией». Мы подтверждаем научную обоснованность этого термина. Очевидна при таких условиях насущная необходимость защиты информации, обеспечения

информационной безопасности личности. Эксперты Инфофорума-2014 отметили, что в мире не хватает специалистов по информационной безопасности [4]. Этот кадровый дефицит составляет в настоящее время около 1 млн человек. Угрозы информационной безопасности представляют уже не отдельные хакеры, а их преступные группировки. Криминальный оборот, связанный со взломами официального программного обеспечения, совсем немного не дотягивает до мирового оборота наркотиков. Таким образом, угрозы, порождаемые киберпреступностью, могут определять в скором времени состояние экономики, экономическую, финансовую, военную безопасность целых стран.

Информационные ресурсы, сайты российских банков и их филиалов уже регулярно подвергаются атакам, угрожая значительной части их ликвидности. Сращивание противоправных структур со СМИ (в том числе и интернет-СМИ) может привести к потере устойчивости банковского учреждения (независимо от его размера), государства и любой другой социотехнической системы. Остра проблема отставания российских законов и нормативных актов от цифровых реалий современных угроз. Законодатели не успевают и «бьют по хвостам» злоумышленников, вместо того чтобы принимать предупредительные меры. При запоздалой борьбе используются старые подходы — подходы индустриального общества. Специалист одной из IT-компаний пояснил, что в день к ним поступает на анализ до 250 тыс. «зловредных» программ, в то время как год назад ежедневно поступало 100 тыс. Эксперты установили, что 80% инцидентов в сфере информационной безопасности связаны с человеческим фактором, поэтому гуманитарным проблемам информационной безопасности должно уделяться гораздо большее внимание, чем это делается сейчас. «Токсичность» информации, «отравление» информацией все больше дает о себе знать в связи с аномальным поведением подростков-школьников и вообще молодых людей до 40 лет. По сведениям прокуратуры г. Москвы, подростковая преступность только за 2013 г. выросла на 24%, а по особо опасным преступным проявлениям — на 30%. 70% этих преступлений совершают учащиеся школ и студенты [5].

Все это приобретает масштабы военных действий. Морально-этическому воспитанию молодежи в условиях информационных войн должно уделяться больше внимания со стороны

образовательных и других учреждений России. Эта проблема становится еще актуальнее, поскольку в последних технических новациях рассматривается вопрос прямого и косвенного «мягкого» (с помощью так называемой «мягкой силы» — *software*) вживления, встраивания микропроцессоров и их процессов в высшую нервную деятельность человека. Информационная безопасность в современных реалиях становится из узкоспециализированной *Hi-Tech* науки наукой *Hi-Hume*. Встречая на улице человека, совсем скоро мы рискуем натолкнуться на гибридного индивидуума, чьи возможности (а вместе с тем и угрозы) будут многократно усилены посредством физических полей, генерируемых процессами в киберпространстве.

В связи с этим считаем насущно необходимым ввести в учебные планы всех учебных заведений курс «Философия информационной безопасности», а в учебный курс физики — раздел «Физические основы защиты информации: энергия, информация, физика, квант, квантовая криптография» (в первую очередь для студентов, проходящих подготовку по специальности «Информационная безопасность»). Здесь мы учитываем упомянутую в начале нашей статьи идею фундаментальной философской работы 1990 г. Джона А. Уилера «Information, physics, quantum: the search for links» [2].

По определению [6, с. 39], «философия безопасности» — это наука о сохранении (защищенности) динамики устойчивых состояний системы социальных, технических и природных объектов и ближайших к ним координационных сфер (ближней социотехно-природной системы). Принципиальную роль в этой науке играет способность специалистов по философии безопасности (философии информационной безопасности) распознавать «своих» или «чужих», а точнее, какие «дружеские» или «вражеские» элементы находятся в изучаемой системе либо вблизи нее и их пропорции (величина угроз).

Все это возвращает нас к извечной философской проблеме «добра» и «зла», а именно к вопросу, что считать «добром», а что «злом». Для большинства это далеко не всегда очевидно. И даже более того, специалисты зачастую не различают угрозы и понятия «добра» и «зла». Нередко они сливаются в одно. Чтобы избежать этого слияния и путаницы понятий, на практике должен применяться дуалистический подход, развитый еще в древних религиозно-философских учениях.

Междисциплинарный подход, конвергенция наук, отмеченные ранее М. В. Ковальчуком, О. С. Нарайкиным, Е. Б. Яцишиной [7, с. 3; 8, с. 4], проявляются ныне на примере рассматриваемой нами информационной безопасности (философии безопасности, философии информационной безопасности), как феномен появления кросс-дисциплинарной науки [9], а в нашей уточненной терминологии — появления кросс-науки (поскольку границы в конвергирующей науке исчезают, а следовательно, исчезают и дисциплины в обычном понимании). Упомянутые в последней ссылке кросс-дисциплинарные методологические семинары проведены в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ с помощью математиков ИПМ им. М. В. Келдыша РАН, но мы должны перейти на новый, следующий уровень обобщения, абстракции. При этом философия безопасности и информационная безопасность очевидно конвергируют, сливаются в одну научную сущность.

В старом, но еще действующем определении Доктрины информационной безопасности РФ говорится: «информационная безопасность» — это состояние защищенности национальных интересов страны (а именно жизненно важных, сбалансированных между собой интересов личности, общества и государства) в информационной сфере от внутренних и внешних угроз [10, с. 31]. При нашем подходе узкая информационная сфера автоматически расширяется и становится семантически тождественной энергетической сфере. Под энергетической сферой, очевидно, понимается совокупность всех видов энергии, входящих и исходящих за пределы национально-государственных, суперэтнических границ. Среди видов энергии мы можем выделить также и «финансовую» энергию, проявляющуюся в финансовых отношениях. Национальная безопасность, например, Российской Федерации и США как развитых социотехнических систем, в настоящее время напрямую определяется состоянием их информационной безопасности. Все это позволяет рассматривать обеспечение национальной безопасности как способ защиты нации (и соответствующих ей суперэтносов, этносов и субэтносов) от внешнего и внутреннего вмешательства в уровень ее энергии. Несанкционированное и резкое изменение ее энергии, энергобаланса приводит к гибели социотехнической системы независимо

от знака изменения (будь-то положительного или отрицательного).

Фрактальная геометрия реального пространства, природы, материальной и духовной культуры, обнаруженная в последние десятилетия [11, с. 7], и бурно развивающиеся ее физико-математические подходы уже дают замечательные плоды познания окружающего мира [12, с. 5].

Фрактальное подобие можно распространить как с объектов неживой природы на объекты живой, так и наоборот. Исходя из принципа фрактального подобия, мы можем расширить эти подходы и на такие объекты, как знания и способы получения нового знания [13, с. 38].

В работе Г. Г. Малинецкого и др. [14, с. 6] подчеркивается идея, что парадигма динамического хаоса, которая может быть применена в нано-науке, приводит к выводу, что сложные структуры могут создаваться по весьма простым правилам. Как говорил советский нобелевский лауреат П. Л. Капица, «открытие — это необычное соединение уже известных элементов».

Рассмотрим вышесказанное применительно к такой конвергентной науке, как информационная безопасность.

М. А. Борисов и др. [15, с. 8] среди основных направлений защиты информации выделяют три: нормативно-правовую, организационно-техническую и экономическую. Так, И. Р. Бегишев [16, с. 433] выделяет три группы мер защиты информации: правовые, технические и организационные. При этом последний справедливо отмечает, что технические меры включают в себя, в том числе, криптографические и стеганографические.

Мы думаем, что выделение всех вышеуказанных мер является оправданным, и предлагаем дополнить и системно интегрировать все возможные варианты защиты в три группы. Последнее число целесообразно использовать в связи с тем, что человеческий мозг с трудом оперирует одновременно с большим числом параметров, степеней и степеней свободы. Вспомним, например, про математические уравнения второй и третьей степени, для которых возможны относительно простые аналитические решения. Большее число степеней и неизвестных резко увеличивает объем и время вычислений (время принятия решения). Поскольку время в информационной безопасности имеет критическое значение, то, следовательно, по аналогии имеет смысл сократить число рассматриваемых объектов до трех в первом приближении.

Таким образом, мы можем выделить, расширить и интегрировать три группы мер защиты информации, обеспечения информационной безопасности:

- 1) физико-техничко-математические меры (ФТМ);
- 2) организационно-экономико-маркетинговые меры (ОЭМ);
- 3) нормативно-право-конституционные меры (НПК).

В свою очередь, во втором приближении каждую составляющую нужно разделить на три меры (оптимальное число). Например, физическую защиту (физические меры) разделим на три метода.

1. Методы по физико-географической защите. Выбор физико-географического расположения объекта защиты информации очень важен. Например, место расположения атомной электростанции Фукусима в Японии было выбрано крайне неудачно как место атомного объекта, так и объекта информатизации, что привело к многочисленным его уязвимостям.

2. Меры по созданию физических препятствий (ограждение, стены, рвы, валы и т.п.) при приближении злоумышленника к объекту защиты.

3. Непосредственная капитальная защита объекта (здание, стены и т.п.).

Технические меры можно разделить, в свою очередь, на следующие три метода.

1. Непосредственная техническая защита информационных ресурсов, в том числе и физических лиц (как носителей информации): защищенные, бронированные двери, окна, бронежилеты, шлемы, оружие, система контроля управления доступом (СКУД, СКД) и т.п.

2. Непосредственная программная защита информационных ресурсов на физико-технических носителях (защита компьютеров, сетей, памяти от вирусов, атак и т.п.).

3. Аппаратная защита (защита от утечек ПЭМИН, заземление, экранирование, маскирование, скремблирование, «белый шум» и т.п.).

Таким же образом «разворачиваем» три математические меры.

1. Криптография.
2. Электронно-цифровая подпись (ЭЦП),
3. Стеганография.

Ветвление мер в последующих приближениях производится по такому же фрактальному (древовидному) принципу.

Как и всякое дробление, сегментирование, разделение приводит к потере информации и появлению новых уязвимостей, поскольку человеческий мозг при анализе ошибается в большей или меньшей степени. Это можно продемонстрировать на уязвимостях, появившихся в РФ, США и других развитых странах в результате разделения властей. В целом управленческая парадигма разделения властей — мера вынужденная и предназначена в основном для соблюдения прав и свобод граждан. Однако при отсутствии надсистемного интегратора, который нейтрализует угрозы, внедряющиеся через границы раздела компетенций отдельных, сегментированных государственных органов, эта парадигма становится ущербной и угрожающей безопасности государств и наций. Угрозы, не входившие в сферы компетенций ни одного государственного органа США, привели, например, к успешным атакам злоумышленников на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке в 2001 г.

Сегментирование рынка [17] (маркетинговое понятие), сегментирование рынка угроз и рынка мер противодействия им является удовлетворительным приближением в большом количестве случаев, но при появлении новой категории товаров (или по аналогии — новых угроз) такой подход равносителен защите от дождя под дырявым зонтом. В информатике, как и в других науках, сегментирование является неотъемлемой частью научного процесса. Например, в китайской информатике, становящейся лидирующей в результате развития таких ИТ-компаний, как HUAWEY и др., выделяют четыре ее основных направления, сегмента: конкурентная разведка, библиометрия, управление знаниями и автоматизированный информационный поиск. В свою очередь, в конкурентной разведке проводится сегментация контента, его анализ.

Видение антропологической, гуманитарной цели, конвергентный [18, с. 222], междисциплинарный подходы прослеживаются и во многих частных работах [19, с. 209; 20, с. 236; 21, с. 170].

Последствия конвергенции наук, установления семантической эквивалентности энергии и информации дают возможность лавинообразного развития науки *Hi-Hume*, а также насущную необходимость введения нового субъекта обеспечения информационной безопасности — метофилософера информационной безопасности (от терминов «методология» и «философия информационной безопасности»).

Литература

1. Мамчур Е.А. Информационно-теоретический поворот в интерпретации квантовой механики // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 57–71.
2. Уилер Джон Арчибалд. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Уилер> (дата обращения: 28.02.2014).
3. Башелханов И.В. Кристалл Итигэлова // Байкальские перспективы: Материалы IV научно-практической конференции, посвященной памяти М.П. Маликова. Российский государственный гуманитарный университет, ф-л в г. Улан-Удэ. Улан-Удэ: Из-во БГСХА. 2010. С. 48–50.
4. Инфофорум-2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.2014.infoforum.ru> (дата обращения: 06.03.2014).
5. Детская преступность в Москве выросла за год на 24% // Информационное агентство Моссовет. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mossoveto.info.ru/news/index.php?article=9444> (дата обращения: 06.03.2014).
6. Башелханов И.В. Философия безопасности и философия Заратуштры // Байкальские перспективы: Материалы III научно-практической конференции, посвященной памяти М.П. Маликова (5 мая 2008 г.). Российский государственный гуманитарный университет, ф-л в г. Улан-Удэ. Улан-Удэ: Из-во ВСГТУ. 2008. С. 39–40.
7. Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б. Конвергенция науки и технологий — новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 3–11.
8. Ковальчук М.В. Наука и жизнь: моя конвергенция. М.: Академкнига, 2011. 304 с.
9. Методологический семинар «Кросс-дисциплинарный синтез знаний как источник власти и лидерства для глобальных и локальных «точек сборки»: вызовы науке и образованию». [Электронный ресурс] URL: <http://www.igsup.ane.ru/index.php/meropriyatiya/613-metodologicheskij-seminar-kross-distiplinarnyj-sintez-znaniy-kak-istochnika-vlasti-i-liderstva-dlya-globalnykh-i-lokalnykh-tochek-sborki> (дата обращения: 06.03.2014).
10. Партыка Т.Л., Попов И.И. Информационная безопасность. М.: ФОРУМ, 2011. — 432 с.
11. Басса Мария Изабель Бинимелис. Мир математики: в 40 т. Т. 10. Новый взгляд на мир. Фрактальная геометрия. М.: Де Агостини, 2014. 144 с.
12. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Н. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Едиториал УРСС, 2003. 288 с.
13. Башелханов И.В., Башелханов С.И. Концепция защиты информации. Новые аспекты обеспечения информационной безопасности // VI Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Информационные технологии в науке, бизнесе и образовании (Технологии безопасности)». М.: Изд-во Финуниверситета, 2013. 272 с.
14. Малинецкий Г.Г., Митин Н.А., Науменко С.А. Нанобиология и синергетика. Проблемы и идеи. // Препринт Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН. 2005. № 29.
15. Борисов М.А., Романов О.А. Основы организационно-правовой защиты информации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2013. 208 с.
16. Бегишев И.Р. Меры предупреждения преступлений в сфере обращения цифровой информации // Информация и безопасность. 2011. № 3. С. 433–438.
17. Сегментация рынка. [Электронный ресурс] URL: <http://www.slovari.yandex.ru/сегментация/Лопатников/Сегментация%20рынка/> (дата обращения: 06.03.2014).
18. Де Шарден Пьер Тейяр. Феномен человека (Преджизнь, жизнь, мысль, сверхжизнь). М.: Наука, 1987. 240 с.
19. Белая Е.Н. Междисциплинарность, антропоцентричность, комплексность как основы интегративного метода исследования языковых репрезентаций эмоций // Вестник Омского государственного университета. 2012. № 2. С. 209–212.
20. Полещенко К.Н., Разумов В.И., Рыженко Л.И., Семенюк Н.А. Конвергенция социальных и технологических инноваций как основа перехода современного общества в когнитивную фазу развития // Вестник Омского государственного университета. 2012. № 2. С. 236–240.
21. Гидлевский А.В., Здриковская Т.А. Уровневая модель понимания текста // Вестник Омского государственного университета. 2012. № 2. С. 170–173.

УДК 1 (045) (470+571)

«Русская идея» кающегося аристократа. Н.А. Бердяев

Продолжение. Начало см. в № 3 (15) 2014 г.

КОВАЛЕВ-СЛУЧЕВСКИЙ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ, профессор Института журналистики и литературного творчества, член Общественного совета Министерства культуры РФ, писатель, историк. E-mail: kkovalev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты биографии философа и публициста Н.А. Бердяева, а также его отдельные философские взгляды и теории, в первую очередь – развитие им понятия «русская идея», сыгравшего немалую роль в становлении как религиозной философии, так и (в последнее время) политической мысли России. Статья написана на основе западных публикаций, в которых отражены мнения и выводы сподвижников Н.А. Бердяева, тех, кто знал его лично, разделял его взгляды или высказывал иную точку зрения. Рассматривается и то, как Бердяев развил идею свободы, изначально предшествующей бытию и Богу, выдвинул идею творчества, исходящего из изначальной свободы и из нее формирующего бытие, развил антропологическую идею о человеке-личности, воплощающем собой творческую потенцию свободы, широко осветил и по-своему рассмотрел идею истории как форму существования творческой личности, обладающей свободой. Статья посвящена тому, как Бердяев противопоставляет идею и философию свободы несвободе (необходимости), пассивности, безличной реальности (коллективизму), хаосу (отрицанию смысла истории), природе (натурализму). Осмыслиется его «персонализм» – обостренное чувство самого себя, ценности личности и восприятия мира через себя, ставшее этическим кодексом Бердяева.

«Русская идея» Бердяева рассматривается как стремление найти и оправдать саму «идею идеи», даже если сформулировать ее однозначно не представляется возможным. Отдельное внимание уделено эсхатологии Бердяева, «завязанной» на проблеме итога, конца, результата как для человека, так и для всего мира. Прослеживается его философское решение проблемы Апокалипсиса, размышления об оправдании христианства как духовной и исторической силы и каждого человека как Божьего сына и носителя изначальной свободы, оправдывающей его. Особое место отводится выявлению основ философии истории, культуры, религии Бердяева, а также развитию им философии человека – антропологии.

Ключевые слова: антропология; Бердяев; идеология; персонализм; политический прогноз; религиозно-философская мысль; русская идея; русская эмиграция; третий путь; христианский универсализм; эсхатология.

The «Russian Idea» of a Repentant Nobleman. N.A. Berdyaev

KONSTANTIN P. KOVALEV-SLUCHEVSKIY, Professor, Institute of Journalism and Creative Writing, a Member of the Public Council of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Writer, Historian. E-mail: kkovalev@mail.ru

Abstract. This article considers some aspects of the biography of the philosopher and publicist N.A. Berdyaev, and also his particular philosophical views and theories, primarily the development of the concept of «The Russian idea», which played a considerable role in the formation of religious philosophy, and (recently) the political thought of Russia. The article is written on the basis of Western publications, reflecting the opinions and conclusions of N.A. Berdyaev's associates, those who knew him personally, shared his views or expressed a different point of view.

The article also discusses the way Berdyaev developed the idea of freedom, initially prior to the Being and God, put forward the idea of creativity emanating from the original freedom and forming the Being, developed the anthropological idea of a human being -personality, embodying the creative potential of freedom, widely covered and considered in his

own way the idea of history as a form of existence of a free creative personality. The article is devoted to Berdyaev's way of opposing the idea and the philosophy of freedom and non-freedom (necessity), passiveness, impersonal reality (collectivism), chaos (the negation of the meaning of history), nature (naturalism). His «personalism» is considered- a heightened sense of self, values and personality perception of the world through himself, that became a code of ethics of Berdyaev.

«The Russian idea» by Berdyaev is considered as the desire to find and justify the very «idea of the idea», even if to formulate it clearly is not possible.

Special attention is paid to Berdyaev's eschatology, «tangled» on the issue of the outcome, the end result for the individual and for the whole world. The article traces his philosophical solution of the Apocalypse, reflections about the justification of Christianity as a spiritual and historical force and of each person as the son of God and the bearer of the original freedom justifying him. A special place is given to reveal the foundations of the philosophy of history, culture, religion of Berdyaev, as well as the development of his philosophy of a human being – anthropology.

Keywords: anthropology; Berdyaev; ideology; personalism; political forecast; religious and philosophical thought; the Russian idea; Russian emigration; third way; Christian universalism; eschatology.

В одном из разговоров с дипломатом о возможном возвращении он скажет прямо и безапелляционно: «Когда я узнаю, что все мои книги, написанные здесь, в эмиграции, распространяются в России, продаются свободно в книжных магазинах и лежат на открытых полках в библиотеках, тогда я вернусь» [1, с. 273]. Это значит, что доживи Бердяев до наших дней, т.е. до возраста более 100 лет — сейчас ему, по его собственному утверждению, пришлось бы раздумывать о возвращении.

Впрочем, появились причины прекратить неофициальные переговоры о встрече с родной землей. Непосредственным виновником этого стал... А.А. Жданов, подписавший знаменитое устрашающее постановление, громившее многих советских литераторов. Бердяев, узнав о постановлении, отреагировал немедленно, напечатав большую статью в одном из номеров парижских «Русских новостей», где выступил в защиту А. Ахматовой и М. Зощенко. «Оружие свободных людей есть свободное слово», — повторит он слова И.С. Аксакова. Это очередное его обращение к «русской идее», к русским мыслителям прошлого в связи с днем сегодняшним было действенным, живым.

После этой публикации дальнейшие разговоры о возвращении стали невозможны...

В это самое время на прилавках парижских магазинов появилась выпущенная на русском языке в YMCA-PRESS, издательстве, которое стало по-прежнему функционировать после войны, новая книга Бердяева — «Русская идея». Она была встречена с громадным интересом. И друзья,

и недруги — все прочли ее, находя и ошибки, и неточности, и некоторые дилетантские рассуждения в области истории России, в чем-то не соглашаясь с ним, но в то же время отдавая дань автору, дерзнувшему снова поднять вопросы историко-культурной преемственности и дальнейшего развития русской религиозно-философской мысли.

«Две книги, написанные в течение военных лет, были изданы перед его смертью — «Русская идея» и «Опыт эсхатологической метафизики». Первая, одна из наиболее систематизированных работ Бердяева, блестящий очерк русской мысли девятнадцатого и начала двадцатого века. Никто из стремящихся понять Россию не увидел ее так», — писал Дональд А. Лоури.

Через год книга увидела свет в Лондоне на английском языке и стала доступна всему англоязычному миру. А позднее — на многих других, в том числе и на японском.

Европейскому читателю снова представилась возможность познакомиться с ретроспективным взглядом на «русскую идею». Недаром писал современник: «Характерной и основной чертой мировоззрения Бердяева является его подлинный христианский универсализм, как бы унаследованный им от Владимира Соловьева ... Синтетическая сила построений Бердяева чрезвычайно велика; в каком-то музыкальном аккорде, не подавляя и не диссонировав один с другим, звучат в нем мотивы, которыми жило русское сознание; оттого на Бердяева можно проследить влияние самых различных русских мыслителей, что не мешает ему сохранять свою оригинальность» [2, с. 263].

«Русская идея» не была совершенно новой работой для Бердяева. В этой книге с особенной показательностью воплотилась его вышеуказанная «повторительность». Фактически подавляющее большинство прежних своих мыслей он просто систематизировал и перенес, вернее, собрал их в этом издании снова. Здесь итоговая мысль Бердяева более отточена и, в сравнении с подобными ранними публикациями, наиболее лаконична. Недаром он сам писал о «Русской идее» как об одной из тех книг, которые «лучше выражают мое философское мирозерцание, чем прежние книги...».

Источниками книги можно непосредственно назвать многие его статьи в дореволюционной, советской и эмигрантской периодике, другие книги и публикации. Среди них — «Духовный кризис интеллигенции» (1910), «Александр Степанович Хомяков» (1912), «Душа России» (1915), статьи из сборников «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), статья «Русская религиозная идея» из сборника «Проблемы русского религиозного сознания» (1924), а также книги «Судьба России» (1918), «Смысл истории» (1923), «Мирозерцание Достоевского» (1923), «Константин Леонтьев» (1926), «Истоки и смысл русского коммунизма» (издание на французском языке — 1938, на русском — 1955) и одновременно заканчиваемую книгу «Самопознание» (первое, неполное издание — 1949, полное — 1983), а также многие иные.

Еще только начав публиковаться и обратившись к духовному пути А. С. Хомякова, Бердяев заглянул в русский XIX в. и увидел в нем многие корни и источники происходящих в современном ему мире процессов. Жизнь Хомякова предоставила Бердяеву возможность еще раз проанализировать общественное движение в России, размышления славянофилов и западников о судьбах ее, постепенное перерождение их благотворного творческого диалога в более социальные доктрины, породившие преобразовательную неудержимость, с одной стороны, и консервативную иллюзорность, с другой.

В «Проблемах идеализма» Бердяев вместе с другими искал некоторые новые пути для определения и решения задач общественного движения.

«Вехи» углубили внимание Бердяева к проблеме личности в России и ее роли в установлении и укреплении общественных форм.

Сборник «Из глубины» создавался в 1918 г., на «горячих углях» революционной перестройки, хотя увидел свет лишь в 1921 г. (статья Бердяева, вошедшая в сборник, — «Духи русской революции» была все же опубликована в 1918 г. отдельно в «Русской мысли»). В предисловии к переизданию редчайшего сборника, один из двух сохранившихся экземпляров которого хранился в эмиграции у самого Бердяева, в 1967 г.

Никита Струве писал: «Менялись с годами взгляды некоторых авторов, в частности того же Бердяева, но революционная действительность оставалась поразительно верна их оценке и описанию». Позднее, в «Русской идее», Бердяев во многом процитирует свою статью в сборнике «Из глубины», где он разбирал образы национальной жизни у великих русских писателей — Гоголя, Достоевского, Льва Толстого. «Долгий исторический путь, — писал он в самом начале статьи, — ведет к революциям, и в них открываются национальные особенности даже тогда, когда они наносят тяжелый удар национальной мощи и национальному достоинству». «Старая Россия, — заключал Бердяев, — в которой было много зла и уродства, но также много добра и красоты, умирает. Новая Россия, рождающаяся в смертных муках, еще загадочна».

Написанный еще ранее, в связи с началом Первой мировой войны, весьма поэтичный этюд «Душа России» (впервые вышел отдельной книгой в Москве в 1915 г.) вошел позднее целиком в книгу «Судьба России», которая увидела свет в сложное для книгоиздания время и именно поэтому имеет своеобразную библиографическую редкость. Большинство других статей из «Судьбы России» были соответственно опубликованы с 1915 по 1917 г.:

- «О вечно-бабьем в русской душе» — появилась впервые в «Биржевых ведомостях» в январе 1915 г.;
- «Война и кризис интеллигентского сознания» — там же и тогда же, но в июле;
- «Темное вино» — там же, в том же году, в октябре;
- «Об отношении русских к идеям» — в «Русской мысли», январь 1917 г.;
- «Конец Европы» — «Биржевые ведомости», июнь 1915 г.;
- «Задачи творческой исторической мысли» — там же, в декабре 1915 г.;

- «Судьба Парижа» — одна из ранних в этом сборнике, там же, в ноябре 1914 г.;
- «Религия германизма» — там же, в июне 1916 г.;
- «Движение и неподвижность в жизни народов» — там же, в мае 1916 г.;
- «О частном и историческом взгляде на жизнь» — там же, в сентябре того же года;
- «Об отвлеченном и абсолютном в политике» (в сборнике название статьи несколько изменено) — там же, в августе 1915 г.;
- «Слова и реальности в общественной жизни» — там же и тогда же;
- «Дух и машина» — там же, в октябре 1915 г.

Этот неполный перечень говорит о том, какой подход к составлению книги избрал автор. Она не являлась сиюминутным откликом на события, происходившие в стране в 1918 г., когда книга увидела свет. Напротив, дописав отдельные статьи для сборника, Бердяев словно бы выступал с позиций последовательного ретроспективного анализа и оценки сложившейся ситуации, революционных преобразований, возможных перспектив общественного переустройства.

Начинал он с общих рассуждений о России, переходил к болевым проблемам опутавшей Россию войны, а заканчивал насущными задачами политики, общественной и социальной жизни.

Книга увидела свет быстро. Тираж ее был в значительной степени ограничен. Выпущенная на желтой, очень плохого качества бумаге, она предвлялась краткой справочкой, тщательно вклеенной в часть тиража перед титульным листом: «Книгоиздательство извиняется перед автором и читателями, что выпускает настоящее издание в таком малопривлекательном виде. Но цены на бумагу и типографские работы дошли до пределов, явно угрожающих русскому просвещению, и единственная возможность сделать книгу более доступной по цене широкому кругу читателей — это понижение требований к ее внешности».

И в самом деле, быть может, это издание с едва читающимся шрифтом было единственным в своем роде за всю жизнь автора...

Книга увидела свет в апреле-июне 1918 г. Чуть ранее то же издательство «Леман и Сахаров» выпустило небольшую книжечку Бердяева «Кризис искусства», представляющую из себя также сборник статей. Таким образом, из

крупных книг, посвященных вопросам социально-политического и философско-исторического плана, «Судьба России» стала последней книгой Бердяева, опубликованной на родине. Ибо «Философия Достоевского» (1921) и «Конец Ренессанса» (1922), выпущенные в Петрограде, уже не имели столь решающего и этапного значения, как сборник статей 1918 г. — более объемный и по составу, и по содержанию.

Бердяев, выпуская эту книгу в свет, уже осознавал начало новой эры в истории России и, самое главное, некоторую запоздалость своих оценок. Вот почему он так начинает предисловие к сборнику: «С горьким чувством перечитывал я страницы сборника статей, написанных за время войны до революции. Великой России уже нет, и нет стоявших перед ней мировых задач... Все переходит в совершенно иное измерение. Те оценки, которые я применял в своих опытах, я считаю внутренне верными, но неприменимыми уже к современным событиям. Все изменилось вокруг в мире, и нужны уже новые реакции живого духа на все совершающееся».

В «Судьбе России» Бердяев уже неоднократно и уверенно употребляет понятие «русская идея», причем в самом разнообразном контексте. Но главный из них — уже определился: Россия имеет некоторую миссию по отношению к Европе, причем не просто абстрактную миссию «спасения» и избранности, но конкретную — связанную с уже тогда предощущаемой Бердяевым мировой войной. «Темные разрушительные силы, убивающие нашу родину, все свои надежды основывают на том, что во всем мире произойдет страшный катаклизм и будут разрушены основы христианской культуры. Силы эти спекулируют на мировой войне, и не так уж ошибочны их ожидания... Жизнь народов Европы будет отброшена к элементарному, ей грозит варваризация». И далее: «Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе. И справедливость мировых задач России предопределена уже духовными силами истории. Эта миссия России выявляется в нынешнюю войну. Россия не имеет корыстных стремлений».

Эту особенную роль России Бердяев, всячески интерпретируя, в конечном итоге, не связывал с ощущением особенной национальной исключительности русских. Более того, он считал, что отсутствие чувства обостренного национализма

у русского человека и есть его преимущественная, поразительная наднациональность. «Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирует других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им...»

Но именно в этой книге почувствовались уже противоречия в самом представлении Бердяева о русской душе и о «русской идее». Призывы его к тому, чтобы русский народ имел свою идею, перестроился идейно и духовно, а не только экономически, общественно и государственно, имели некоторую умозрительную навязываемость, особенно когда он пытался «внедрить» идею тем, кто, по его же словам, имел «нелюбовь к идеям и равнодушие к идеям» [3].

Так есть эта «идея» или ее нет? Существует она или ее еще нужно заиметь?

Бердяев от книги к книге, от работы к работе по многу раз проговаривает эту тему, словно бы спорит сам с собой. Постепенно, исподволь он приходит к видению «русской идеи» в чем-то, что он называет «третьим». А именно: не в западничестве и не в славянофильстве, не в Востоке и не в Западе, не в национализме и не в космополитизме. Не в том и не в этом. А — в «третьем».

«Чтобы понять эту тайну (тайну русской души. — *Прим. авт.*), нужно быть в чем-то третьем, нужно вознестись над противоположностью двух начал — восточного и западного».

Но что это — «третье»?

В конечном итоге, можно сказать, что Бердяев выдвигает идею «примера», идею «русского примера», того самого примера, который Россия, жертвуя собой, должна подать всему человечеству при преображении мировой жизни и переходе ее в новое общественное христианское состояние, называемое им, как уже говорилось, «Новым Средневековьем». Образно говоря, Бердяев, вослед за некоторыми своими предшественниками, стремился выразить идею не večернего света, который укажет Европе путь в предстоящем сумраке и который исходит из окна, с таким упорством прорубленного когда-то Петром Великим.

Если спросить француза, что такое «французская идея», то он наверняка кое-что скажет по этому поводу. То же и англичанин, и итальянец, и американец. Но ни у кого разговор этот не вызовет какого-то особенного возбуждения, волнения, душевного напряжения, что ли.

Однако когда речь заходит о «русской идее», тема приобретает некоторую остроту. Дело, видимо, в том, что «русская идея», по мнению тех, кто признает ее существование, имеет «международное» значение, т.е. как бы претендует и покушается на суверенитет идей других народов.

Из этого вырастает боязнь.

Рождаются кривотолки.

«Русский мессианизм» становится притчей во языцех, и им, как и русскими ядерными боеголовками, пугают детей от рождения.

Только еще один народ, по убеждению Бердяева (и не только его, но и многих предшественников и последователей), — еврейский имеет подобную «всемирную идею» и ощущает свою «всемирную роль». По этой самой причине, читаем мы, взаимосуществование и взаимопонимание еврейского и русского мессианизма происходят наиболее трудно, наиболее обостренно.

«Германская идея», пытавшаяся в XX столетии занять силой положение «мировой», потерпела крах. «Русская идея» никогда не проповедовала силу, потому и казалась сильной. Однако, не обладая необходимой изворотливостью, «русская идея» порой встречала непонимание и противодействие. Обвинения в русификации идей других, в частности близ проживающих народов, которые в свое время сами жаждали вкушения от этого источника бесценной мировой питательной энергии, были явно незаслуженными, ведь Россия всегда принимала на себя наиболее сильные удары самых модных по изобретению и самых мощных по разрушительной силе «суперспасительных» для человечества «новых идей».

Россия обладала особенным духовным единством, имеющим исторические корни. Ведь, к примеру, европейские страны объединены одной Римской католической церковью (протестантизм — явление, также связанное с существованием Римской церкви). И хотя Ватикан находится на территории Аппенинского полуострова — вряд ли можно говорить, что в качестве особенной существует итальянская

религиозная мессианская идея. Потому и «идея» католичества, если можно так сказать, была надмирна, не связывалась с каким-либо одним народом.

В лице России христианский мир имел опыт уникального единства церкви и народа, обладающего крепкой государственностью, увлеченных одним житнетворческим порывом. Именно в этом духовном единстве, ощущаемом Западом, как стук сердца крепкого живого организма, раздающийся с Востока, откуда приходит ежедневный рассвет и который напоминает стук часов и ритм человеческой истории, именно в этом единстве искали некую «сверхидею», порой выдавая желаемое за действительное.

Вот почему самое парадоксальное состоит еще и в том, что «мысль изреченная есть ложь». Попытки определить неопределимое есть лишь желание приклеить приметный ориентир на стеклянной двери, чтобы не разбить случайно ее саму или об нее — голову. Существует ли сама «русская идея»? Не является ли попытка создания идеи «идеи» желанием хоть как-то определить неопределимое и в некотором роде изречь ту «неизреченность», которая явственно присутствует в судьбе русского народа?

Поразительно и само стремление отыскать «идею». И даже если ее нет, то, по мнению того же Бердяева, она должна быть, ибо «русская мысль, русские искания начала XIX в. и начала XX в. свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа».

Благая Весть, данная европейской культуре, пришла как бы извне. Но христианство требовало и ответного духовного движения — встречного, благой вести изнутри, личной, собственной вести каждого, со-вести, совести. Россия — одна из немногих стран, которая предлагала Европе поступать «по совести», «по правде», а не только «по закону», «по праву». Мессианизм России существует только в христианском смысле. Отнимите от России христианство — и не останется ничего, ни «русской идеи», ни ее, по Бердяеву, «умопостигаемого образа».

Быть может, Бердяев пытался изречь неизреченное, когда писал о «русской идее», в очередной раз употребив термин, который одновременно и в разном, и в едином (как это ни странно) значении употребляли его предшественники. Он не был автором термина, как это

незаслуженно ему приписывают (см. дискуссию «Русская идея: проблемы культуры — проблемы кинематографа» в журнале «Искусство кино», 1988, № 6). До него точно также назвал свою небольшую книгу В. Соловьев, выпустивший ее в Париже в 1888 г. после доклада для кружка лиц, интересовавшихся этими вопросами (русское издание — 1911), а ранее «ввел» этот «термин» Достоевский.

Напоминая еще раз о важности духовного, Соловьев писал: «Одним телом своим и чисто материальной работой Россия не может выполнить своей исторической миссии и выявить свою истинную национальную идею. А как ей выявиться, этой бедной русской идее, когда она заточена в тесную тюрьму, лишена воздуха и света...» Актуальное тогда оказалось актуальным и сегодня, иначе не расценить его же слова: «Религиозное и умственное освобождение России есть в настоящую минуту для нашего правительства дело такой же настоятельной необходимости, каким тридцать лет тому назад являлось освобождение крепостных...». «Исторический долг России», по мнению Соловьева, имеет отношение к духовной истории всех народов мира. Для Соловьева мессианство «русской идеи» еще не было столь политизированным, как для мысли XX в., для Бердяева. «В том, что эта идея, — писал Соловьев, — не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристического, что она представляет лишь новый аспект самой христианской идеи, что для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них — в этом лежит великое доказательство, что эта идея есть идея истинная» [4, с. 31, 32, 51].

Однако и В. Соловьев не родоначальник идеи «идеи». Об этом говорил уже и Чаадаев. «У меня есть глубокое убеждение, — писал он, — что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество». «Словом, Чаадаев проникается русской мессианской идеей», — подытоживает Бердяев.

Недаром именно этих двух мыслителей он ставил в особый ряд, когда писал: «В русской религиозной мысли исключение представляли лишь Чаадаев и Вл. Соловьев». Бердяев имел в виду, что они наиболее сильно оторвались от своих современников в сфере «идеи», тогда как

другие порой «с вершины духовной падали вниз, припадали к земле, искали спасения в стихийной народной мудрости» [3, с. 84].

«Идея» — понятие больше философское, «от ума», нежели чисто духовное. Этимология его определенная — «видение» или «ведение», упрощенно говоря — «знание». У родоначальника «концепции» «Москвы — Третьего Рима» игумена псковского Елеазарова монастыря Филофея, жившего в XVI веке, мы этого понятия не найдем. Духовное, церковное и православное еще не значилось «идеями», а было жизнью, «деланием». Бердяеву было близко это понятие, ибо, черпая свою мысль первоначально в марксизме, он весь принадлежал новой эпохе, эпохе глубочайшего столкновения философских школ, сопряженного с историческими переменами в действительной жизни многих народов.

Бердяева интересовал «вопрос о том, что замыслил Творец о России». Он хочет постичь тайну творения, проникнуть в Божественный Замысел. Но то, что он пишет, — и есть его, бердяевская «идея России», его, бердяевская «русская идея». Ибо если Творец и создавал, то не идею о народе, а народ, не идею о человеке, а человека. Можно сказать так: идея интересует в первую очередь философа, Бога интересует прежде всего — человек. Потому и идея «русской идеи» интересовала в первую очередь самого автора.

Бердяев и этого не отрицал. Он всегда соглашался с противоречиями в своем творчестве: «Мое мирозерцание многопланово и, может быть, от этой многоплановости меня обвиняют в противоречиях. В моей философии есть противоречия, которые вызываются самым ее существом и которые не могут и не должны быть устранены» («Самопознание»).

Бердяев познавал Россию своеобразно, в некотором роде умозрительным путем. С самого детства, когда он рос в атмосфере негостеприимного и замкнутого от посторонних людей дома, стремился в область мечтаний и иллюзий, подальше от действительности, представляющей ему еще более мрачной, нежели сама обстановка дома, в семье. Он сам писал многократно, что считает себя принадлежащим к другому миру, но не к обыденной реальности. «Я никогда не достиг равновесия между мечтой и действительностью. С этим связана дисгармоничность моей жизни», — исповедуется он в конце жизни.

Россия была ему нужна. Она была в нем, и он был в ней. Он проживал вместе с нею самые тяжелые и трудные дни. Но он познавал ее по-своему, если не эмпирически, то мысленно, через «идею».

Если В. Соловьев употребил термин «русская идея» для того, чтобы европейскому читателю легче было понять суть философско-политической концепции православной мысли, то Бердяев назвал свою книгу так же, может быть, для собственного осознания процесса развития русской мысли в новую и новейшую исторические эпохи и одновременно осознания себя в этом процессе. Они оба писали книги для европейцев. А для этого и использовали «доступный» заголовок. Интересно, назвали бы они так же свои работы, если бы они предназначались исключительно для русского читателя, причем не столичного, а провинциального? Вот почему можно отметить существование некоего феномена «отталкивания», когда эти книги начинает изучать русский читатель. Если европейский читатель увлекается «русской идеей», он любопытствует о ней, то читатель русский — ищет в ней смысла и, в конечном итоге... недоумевает. Но и западный читатель «недолюбливает» сию тему. За редким исключением, но почти во всех работах о Бердяеве и его творчестве, выпущенных в Европе и Америке, проблеме «русской идеи» в его осмыслении отводится два-три предложения (!), если вообще отводится. Книга Полторацкого «Россия и Запад» — единственное исключение.

В детстве у Бердяева была любимая кукла — «князь Андрей», герой толстовского романа «Война и мир». Он так любил эту куклу, что общался с ней, и она долгие годы заменяла ему настоящих живых друзей. Идея «идеи» — тоже подобие «куклы». Размышления о «русском» и о «русском мессианизме» у Бердяева зачастую умозрительны и мало имеют отношения к настоящим проблемам самих «носителей идеи».

Подспудное желание написать исследование через себя и для себя подсказывает одну из разгадок бердяевского замысла «Русской идеи», ведь не даром он в собственной книге по истории русской философии (книге отнюдь не биографического жанра) отводит место рассказу и о себе, ставит и себя в один ряд с предшествующими столпами русской мысли. Еще никто не определил ему этого места. Еще не вышли труды по истории русской религиозной философии,

такие, как издания работ В. Зеньковского или Н. Лосского, однако он спешит сам себе отвести место в этой цепи.

Самоуверенно? Да. Вызывающе? Как ни странно — нет. В чисто человеческой, в достаточной степени искренней и понятной, саморазоблачительной и самоаналитической интонации его голоса трудно усмотреть желание увековечить себя, а скорее отмечается естественное желание познать через себя весь неисчислимый пласт религиозно-философского наследия, облаченного в вуаль загадочности не только для Европы и для него самого, но и для самой России, отвергшей, не знавшей и не желавшей знать его, Бердяева, в те времена.

Размышления о «русской идее» потребовали от автора немалого напряжения сил. Недавно была закончена книга «Истоки и смысл русского коммунизма», которая вынудила «много перечитать по русской истории XIX века». Таким образом, ретроспективный взгляд обострил и взгляд на современность.

Бердяев любил цитировать слова Вл. Соловьева: «... русская интеллигенция всегда мыслит странным силлогизмом: человек произошел от обезьяны, следовательно, мы должны любить друг друга». Но и сам он не избежал этого «вируса силлогизма».

Когда он погружается, в частности, в «Русской идее» в русскую историю «до Чаадаева», то есть до XIX века, — недоговоренностей и противоречий становится все больше. Он размышляет о многосотлетнем периоде развития народа и государства и в самом деле как дилетант. Он не разобрался, а потому и не принял для себя влияния на Русь Византии и создания славянской азбуки Кириллом и Мефодием, он говорит о «безмыслии и безмолвии допетровской России» и удушливости «азиатско-татарского» (?) московского периода, как будто об этом никто толком не писал. Эта часть его повествования намеренно кратка и поверхностна, и составлена лишь для выявления упомянутой идеи «идеи».

Но как только Бердяев доходит до петровских времен, то есть до эпохи, ему близкой и понятной, оперирующей категориями, ему вполне доступными, так мысль его начинает пульсировать, идеи и ассоциации вспыхивают, словно искры. Ему ближе представление о том, что творческий потенциал русского народа раскрылся именно в петербургский период истории (т.е.

послепетровский), ибо ранее была «боязнь просвещения».

Рассуждения о становлении русской интеллигенции также весьма обрывочны. Бердяев, как и многие, кто пытался разобраться в этом вопросе, так и не определяет — а что же это такое, кто это — русский интеллигент. У него сначала первым интеллигентом в России назван Новиков, затем вдруг оказывается, что интеллигенция возникла и могла возникнуть только после Пушкина. Но и это не итог. Еще одна версия — родоначальник русской интеллигенции Радищев.

Истоки философской мысли в России для Бердяева имеют расплывчатые очертания. Выясняется, что первым философом в России, не склонной, по словам автора, к философии, был... Шварц, мистик, масон, действовавший в конце XVIII в. Даже если принять это утверждение как аксиому, закрыв глаза на работы Ломоносова, Сковороды, Болотова и некоторых их предшественников, то опровержение этому находится у самого же Бердяева, который вдруг чуть дальше по ходу повествования утверждает, что русскому народу вообще свойственно философствовать.

Поспешен и его вывод о том, что «никакого русского богословия не было, оно лишь начинается с Хомякова», так как совершенно аналогично можно утверждать, что не было никакого голландского, английского или испанского богословия.

Умозрительны рассуждения Бердяева о семейственности русских, которая почему-то им отрицается. Но тут же он пишет: «Славянофилы очень семейственные, родовые люди». Но ведь славянофилы — лишь мизерная часть высшего общества России XIX в.! Откуда же взялась их семейственность и родовитость? И куда вдруг делась общинная и усадебная культура русского крестьянства и дворянства, существовавшая на протяжении многих столетий?!

Однако не ради полемизирования с Бердяевым приводим мы примеры его «недоведенных» высказываний. Важно осознание того, что он сам находился в состоянии неопределенности и поиска, и это состояние словно бы передает читателю.

Представляют наибольший интерес его рассуждений о славянофилах и западниках, когда он приходит к выводу: «И те и другие любили

свободу. И те и другие любили Россию, славянофилы, как мать, западники, как дитя». Важно, что «славянофилы не были врагами и ненавистниками Западной. Европы», что Бердяев цитирует Достоевского, который писал: «Никогда вы» господ, наши европейцы и западники столь не любили Европу, сколь мы, мечтатели-славянофилы, по-вашему исконные враги ее», и что, наконец, по мнению Бердяева, «славянофилы и западники одинаково подлежат преодолению, но оба направления войдут в русскую идею, как и всегда бывает в творческом преодолении».

Также в книге «Царство Духа и Царство кесаря», над которой он работал до последней минуты и над рукописью которой скончался, Бердяев пытается словно бы вновь обобщить и пересказать уже сказанное. Стилистические неровности в тексте стали выражением интонации самого философа, а что как не эта естественная интонация дороже всего современному человеку сегодня, ведь мы привыкли лишь к «выверенным» и выхолощенным текстам с отработанными формулировками.

В своей последней книге Бердяев размышляет о настоящем и будущем общества, в котором мы живем. Судьба современной России продолжает интересовать его в первую очередь. Много, очень многое он предопределял и предугадывал. Например, о бюрократии: «Самой мучительной проблемой в социализме является проблема свободы. Как соединить проблемы хлеба для всех людей, от которой зависит сама жизнь людей, со свободой, от которой зависит достоинство людей?.. Не будет греховных форм эксплуатации человека человеком, не будет классов в том смысле, в каком они созданы капиталистическим строем. Но образуется новый, привилегированный правящий слой, новая бюрократия, та, что теперь называется «организаторы».

Или еще — о революции и культуре, о положительных чертах русского человека: «Революционность определяется радикальным уничтожением прошлого. Но это иллюзия революции. Яростное уничтожение прошлого есть как раз прошлое, а не грядущее. Уничтожить можно лишь прогнившее, изолгавшееся и дурное прошлое. Но нельзя уничтожить вечноценного, подлинного в прошлом... Наиболее положительные черты русского человека, обнаружившиеся в революции и войне, необыкновенная жертвенность, выносливость к страданию, дух

коммунотарности, — есть черты христианские, выработанные христианством в русском народе, то есть прошлым».

Впрочем, цитировать можно всю книгу. Но еще лучше — ее прочитать. Терпеливо. Со вниманием.

Олдос Хаксли когда-то взял эпиграфом к своему роману «О дивный новый мир» слова Бердяева, почему-то выпавшие из некоторых изданий последних лет: «Утопии, к несчастью, осуществимы. И, может быть, настанет время, когда человечество будет ломать себе голову над тем, как избавиться от утопий».

И в самом деле, если Бердяев сам стремился к «Новому Средневековью», в чем-то утопической стране будущего, то, во всяком случае, делал это, максимально заостряя внимание на проблемах насущных, повседневных, духовно важных для каждого человека. Именно потому он всегда выделялся среди своих известных современников-философов. «На чисто философских весах некоторые современные русские философы весят больше Бердяева; так Лосский и Франк имеют больше чисто философских заслуг, чем Бердяев, о. Павел Флоренский превосходит его высотой религиозно-философских прозрений, а о. Сергей Булгаков выше его в богословском отношении. Но в Бердяеве есть, по крайней мере, одна черта, которая выделяет его из других: он был философом пророческого, пророческого духа, он был в высшей степени чуток к болезням века сего... [5, с. 137].

Сам себя он называл «верующим вольнодумцем». Профессор Дональд Лоури, написавший о нем прекрасную книгу и знавший Бердяева лично, охарактеризовал его как «мятежного пророка». Еще один профессор — Матвей Спинка, также автор книги о философе — называл его «пленником свободы», в отличие от М. Валлона, озаглавившего свою книгу «Апостол свободы». Еще, когда речь шла о его отношении к свободе и его свободолюбии, Бердяева отмечали «фанатиком».

Запад долгое время изучал Россию «по Бердяеву». Ибо в чем-то он был «над» многими важнейшими вопросами. Для Советской России он был неприемлем, но и для эмиграции — не свой, особенно в конце жизни. «Он был нетерпим к малейшему проявлению лжи, раболепия или компромисса... Испытав на себе принудительное равенство, введенное в России, он написал

блестящее его опровержение, книгу «Философия неравенства». Оказавшись в среде русской эмиграции, Бердяев выступил против огульного осуждения коммунизма и сыскал себе в глазах реакционеров репутацию «красного философа» [6, с. 168–169].

А это писал он сам:

«Борьба за свободу, которую я вел всю жизнь, была самым положительным и ценным в моей жизни... Все столкновения с людьми и направлениями происходили у меня из-за свободы».

«Я постоянно слышу, что у меня «мировое имя»... Я очень известен в Европе и Америке, даже в Азии и Австралии, переведен на много языков, обо мне много писали. Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, — это моя Родина...»

В самом деле, библиография работ Бердяева постоянно уточняется.

Н.А. Бердяев давно ушел из жизни. Книги его изданы на многих языках. Десятки книг, сотни статей и публикаций. В Париже существует центр его имени, а в Москве — музей. Многие исследователи занимаются изучением его наследия. По данным собрания его сочинений, которое было выпущено в Париже, число его статей, публикаций и книг достигает 483 наименований, он переведен на 20 языков мира.

«Русская идея» в период перестройки и Ельцина овладела умами многих. Однако к началу XXI в., вдруг, почему-то стала почти неинтересной. Другие, более материальные заботы завладели умами. А редкие и тихие «голоса» некоторых мыслителей стали вовсе не слышны во всеобщем сонме пустых политических лозунгов.

После Бердяева «русская идея» приняла более социально-политическую «окраску», нежели духовно-философскую. Например, книга А. Янова «Русская идея и 2000-й год» уже вся проникнута исключительно политикой.

Жизнь продолжается. Произведения Бердяева понемногу издаются и переиздаются. И мы ясно видим, что темы, затронутые им, — важны и актуальны по сей день. В последнее время к работам философа ощущается новый интерес, включая и руководство России.

Творческое, но не пассивное отношение к его наследию — то, о чем автор мог лишь мечтать, ибо упреждал о своей собственной «погрешимости»:

«В сущности, никакая из написанных мною книг меня не удовлетворяет, никакая не выражает вполне... Мысль необходимо изрекать, человек должен совершать этот акт, но в известном смысле остается верным, что «мысль изреченная есть ложь...»

Литература

1. Lowrie D. *Rebellious Prophet. A Life of Nicolai Berdyaev*. N. Y., 1960.
2. Зеньковский В. Русские мыслители и Европа. Париж, 1955. 281 с.
3. Бердяев Н. Об отношении русских к идеям / Судьба России. М., 1918.
4. Соловьев В.С. Русская идея. М.: Путь, 1911.
5. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Франкфурт-на-Майне, 1981.
6. Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974.

От кризиса к устойчивому благополучию

МУЖИЧКОВА ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Финансового университета. E-mail: muzhichkova@yandex.ru

С 8 по 13 июля 2014 г. в Париже состоялся 28-й Международный конгресс ассоциации прикладной психологии (ICAP), организованный Международной ассоциацией прикладной психологии (IAAP). Мероприятие прошло под лозунгом «От кризиса к устойчивому благополучию». Конгресс объединил 4500 исследователей и практиков более чем из 100 стран и включал 18 секций, представляющих основные разделы прикладной психологии, среди которых экономическая, политическая и организационная психология, психология труда и другие направления. Сотрудники кафедры «Прикладная психология» Финансового университета при Правительстве РФ также приняли участие в конгрессе.

Церемонию открытия возглавили президент конгресса профессор Кристина Роланд-Леви (*Christine Roland-Levy*) и президент Международной ассоциации прикладной психологии (IAAP) профессор Хосе Мария Петро (*Jose M. Petro*), которые отметили нарастающий интерес бизнеса и общества к прикладным наукам, особенно на современном этапе экономического развития.

Профессор Тим Джексон (*Tim Jackson*), экономист, член Комиссии по устойчивому развитию при правительстве Великобритании, в открытой лекции на церемонии открытия говорил о консьюмеризме: «Нас убеждают тратить деньги, которых у нас нет, на вещи, которые нам не нужны, чтобы производить недолговечные впечатления на других людей, мнения которых нам безразличны». Основная идея устойчивого развития заключается не в непрерывном экономическом росте (его необходимость как раз Тим Джексон отрицает), а в переходе на технологии, позволяющие снизить потребление энергоресурсов, сохранить окружающую среду.

В рамках секции «Экономическая психология» проводились открытые лекции, круглые столы,

симпозиумы, на которых ведущие специалисты в области экономической психологии и поведенческой экономики обсуждали актуальные проблемы, встающие перед современной наукой: восприятие риска и действие эвристик на рынке, экономическая социализация, денежная иллюзия, налоговое поведение, принятие решений, поведение заемщиков и кредиторов, безработица и сбережения, психология денег, поведение потребителей и многие другие. Следует отметить, что в качестве основного метода исследования ученые психологи используют эксперимент. Во многих докладах были отражены результаты экспериментов, основанных на теории игр и теории принятия решений.

Следует выделить ряд ключевых моментов в работе конгресса — это лекции ведущих ученых (*keynote lecture*) в различных направлениях прикладной психологии.

Президент Международной ассоциации исследований в области экономической психологии (IAREP) профессор Дэвид Лэйсер (*David Leiser*) выступил в первый день работы конгресса с лекцией об обыденном (непрофессиональном) понимании макроэкономических процессов. Д. Лэйсер отметил, что в большинстве развитых стран Центральный банк следует режиму планирования инфляции. Доверие со стороны общества помогает банку в его попытке сохранить уровень инфляции. Однако причины этого доверия отличаются от предполагаемых банкирами. В большей степени обыденные представления о макроэкономических процессах обеспечиваются эвристикой «добро порождает добро». Эта эвристика увеличивает эффективность монетарной политики в случае, когда общественное настроение не выражено, однако при нарастании недовольства производит дестабилизирующий эффект. Волна пессимизма в обществе может усиливать снижение общего спроса. Также Д. Лэйсер отметил, что большинство

механизмов, порождающих и поддерживающих кризис, связаны с дефицитом доверия.

Профессор Эрик Хелзл (*Erik Hoelzl*) в открытой лекции говорил о кредитном поведении, отметив, что в последнее время во многих странах отмечен рост потребительских кредитов. Э. Хелзл выделил основные факторы кредитного поведения: социально-демографические, знания и правильное восприятие кредита, мысленный подсчет, социальные нормы, благополучие, управление деньгами. В докладе речь шла также о внедряющихся программах, способствующих улучшению кредитных решений и своевременному возврату долга.

В рамках отдельного симпозиума обсуждались методы исследования налогового поведения. Профессор Эрик Киршлер (*Erich Kirchler*) являлся модератором этой темы, а также выступил на церемонии закрытия конгресса с открытой лекцией о взаимодействии налогоплательщиков и властей. Согласно концепции «мягкого уклонения от налогов», налоговое поведение определяется как экономическими, так и психологическими факторами. Принято считать, что основными стимулами, влияющими на соблюдение правил уплаты налогов, являются возможные штрафы и аудит. Однако существуют важные психологические факторы, влияющие на налоговое поведение: восприятие справедливости налоговой системы и социальные нормы, которые определяют доверие к власти и возможность добровольного сотрудничества. Честность при уплате налогов может быть достигнута либо путем принятия мер, повышающих доверие к власти, либо путем увеличения мощности, однако результат этих мер будет качественно различаться. Доверие к власти может быть повышено за счет правительства, которое принимает решения на справедливой и прозрачной основе, в то время как мощность может зависеть главным образом от частоты и эффективности проверок. Исследование этой концепции было проведено в 42 странах. Как и следовало ожидать, самые высокие показатели по уплате налогов были обнаружены при соблюдении двух условий: высоком доверии к власти и высокой мощности власти. Самые низкие показатели наблюдаются в тех странах, где низок уровень доверия к власти и малая мощность.

Данная концепция показывает необходимость перехода от управления и контроля к синергическому климату взаимодействия. Помимо

рассмотрения вопросов доверия к правительству, вероятности штрафов и аудита, в рамках симпозиума обсуждались другие причины, влияющие на налоговое поведение. Так, профессор Геррит Антонидес (*Gerrit Antonides*) в своем докладе говорил о специфических условиях для обмана при выплате налогов, а именно о пластичности налоговых правил и возможности обмануть умеренно. Кроме того, поведенческие экономические идеи, касающиеся возможной прибыли и убытков, личностные качества, такие как ценностные ориентации, маккиавеллизм и самоконтроль, влияют на налоговое поведение.

Профессор Томас Залескевич (*Tomas Zaleskiewicz*) в открытой лекции «Деньги как инструмент саморегуляции» говорил о нерациональных аспектах, проявляющихся в отношении к деньгам. Он привел следующие примеры: общественное неприятие введения монеты достоинством один доллар в США, негативные реакции по поводу введения евро в некоторых европейских странах, таких как Великобритания и Германия, моральный запрет на использование денег как средства обмена в некоторых ситуациях (права человека, дети, романтические отношения и т.д.).

Деньги являются психологическим ресурсом, используемым в межличностном регулировании. Т. Залескевич привел результаты эксперимента: дети (3–8 лет), которые премировались за правильные ответы при обучении, стали менее готовыми к помощи, когда экспериментатор просил их об этом. В то же время они успешнее решали задачи, чем дети, которых не премировали в процессе эксперимента. Взрослые участники, которых не премировали, также не помогали другим, но и справлялись с задачами без постоянной помощи. Иными словами, присутствие денежного вознаграждения в эксперименте способствует более эгоистичным предпочтениям.

В рамках секции «Организационная психология» выступил Шалом Шварц (*Shalom H. Schwartz*) с лекцией на тему «Ценности как основа политических установок в 15 странах». В своей лекции Ш. Шварц представил результаты масштабного кросс-культурного исследования роли ценностей в объяснении различных политических установок. Было показано, что существуют как универсальные связи ценностей и политических установок во всех странах, так и специфические связи, характерные только для пост-коммунистических

стран. В частности, такой специфический характер имеют ценности сохранения.

В целом можно сказать, что в настоящее время экономическая и политическая ситуация в мире ставит перед учеными задачи и проблемы, которые необходимо решать, используя возможности и методы психологической науки, что нашло отражение как в главной теме конгресса «От кризиса к устойчивому благополучию», так и в выступлениях и дискуссиях в рамках секций. В последний день работы конгресса учеными

психологами была поддержана декларация о мерах, необходимых для достижения устойчивого развития в 2015–2030 гг., предназначенная для Организации Объединенных Наций. В качестве основной звучала идея о том, что психическое здоровье и благополучие являются фундаментом для достижения предложенных целей устойчивого развития, а право на наивысший уровень физического и психического здоровья и благополучия должно присутствовать в перечне основных прав человека.

Принципы и подходы философии толерантности

КИШЛАКОВА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА, кандидат философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета. E-mail: nmkishlakova@mail.ru

В рамках реализации планов международного и межвузовского сотрудничества в области научно-исследовательской работы кафедрой «Философия» Финансового университета 17 марта 2014 г. была организована и проведена презентация энциклопедического словаря «Толерантность» (авторы — У.Р. Кушаев и И.Г. Дорошина), вышедшего в этом году в научно-издательском центре «Социосфера» (г. Пенза). В презентации приняли участие заинтересованные лица из числа профессорско-преподавательского состава и аспирантов кафедр, входящих в Совет по гуманитаризации образования Финансового университета.

В своем вступительном слове заведующий кафедрой «Философия» д-р филос. наук, профессор А.А. Чумаков отметил, что инициаторы и авторы этого издания канд. филос. наук, старший научный сотрудник Ташкентского исламского университета У.Р. Кушаев и канд. психол. наук, доцент, главный редактор чешского мультидисциплинарного журнала «Парадигмы познания» И.Г. Дорошина взяли за решение весьма актуальной задачи и хорошо понимали, что мировое сообщество сегодня как никогда остро нуждается в новом видении современных реалий, переоценке и уточнении устоявшихся понятий и представлений. В итоге авторы адекватно реализовали свой замысел, предложив широкому кругу читателей свежий взгляд на

важнейшие категории, отражающие современный мир через призму понятия толерантности.

Презентуя энциклопедический словарь, У.Р. Кушаев и И.Г. Дорошина, подчеркнули, что замысел родился уже давно. Его истоки первоначально были связаны с попыткой осмысления проблемы религиозной толерантности. В результате длительных исканий и раздумий в словарь включены около 600 слов и словосочетаний, представляющих собой различные стороны сложного и многогранного феномена толерантности. В нем проанализированы не только термины и категории, но и принципы и подходы философии толерантности.

Особое внимание уделяется выбору и описанию слов и понятий, касающихся экономической, политической и культурной сфер жизни общества. Кроме того, издание включает статьи, описывающие особенности проявления черт толерантности на различных уровнях взаимодействия и взаимоотношений социальных субъектов.

В обсуждении презентуемого энциклопедического словаря приняли участие профессора Финансового университета Т.М. Махаматов, М.М. Скибицкий, В.В. Викторов, Н.М. Кишлакова, доценты Л.И. Чернышова, Д.З. Музашвили и преподаватель Л.Б. Омарова, которые отметили не только его актуальность, но и высказали авторам свои пожелания и предложения.

В добрый путь, русский язык!

МАСЛЕННИКОВА ИННА ЛЬВОВНА, профессор, советник при ректорате Финансового университета. E-mail: in.Maslennikowa@yandex.ru

«В добрый путь», — говорим мы русскому языку, который отправился в Турцию, где по инициативе Турецко-Российского фонда культуры под эгидой Совета при Президенте РФ по русскому языку в Стамбульском университете Айдын 21–24 ноября 2014 г. прошла первая олимпиада по русскому языку, получившая название «Олимпрус». Олимпиада проводилась при поддержке Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». В заключительном этапе олимпиады приняли участие, предварительно пройдя внутривузовские испытания в своих университетах, 150 преподавателей, студентов, переводчиков из 15 университетов различных областей Турции (всего русский язык изучается в 17 университетах Турции). Цели Олимпиады — повышение интереса к русскому языку как одному из мировых языков, а также расширение и углубление дружеских связей между Россией и Турцией в контексте изучения русского языка и культуры [см. Асальюглу А., Махаматов Т.М. К 250-летию истории российско-турецких культурных и исторических связей // Гуманитарные науки 2012. № 2 (6)]. Основная цель, безусловно, достигнута, так как принято решение, что «Олимпрус» будет проводиться ежегодно в одном из университетов Турции. По приглашению турецкой стороны в жюри олимпиады работала советник ректората Финансового университета при Правительстве РФ профессор И.Л. Масленникова, которая рассказала: «Конкурс проходил по четырем номинациям: «Знание русского языка», «Страноведение», «Творческий конкурс» и «Видеоролик». Общий вопрос, который был поставлен перед каждым участником олимпиады: «Почему я решил изучать русский язык?», дает ответы на многие вопросы современности. Отвечает серьезный взрослый человек, занимающийся международными отношениями: «Я, зная особенности современного мира, предполагаю, что именно знание русского языка поможет мне правильно построить свою работу по специальности и активно участвовать в политической жизни моей страны». Отвечает выпускник математического факультета: «Я владею несколькими европейскими языками. Выбирая новый язык, к изучению которого готов был приступить, я провел большую работу.

Сначала думал остановиться на арабском языке, но, описательно познакомясь с грамматическим строем русского языка, увидел в нем некую математическую стройность и закономерность, соответствующие моей любви к математике. Понимая масштабы русского языка как мирового, я приступил к изучению русского языка, а каковы мои успехи, оцените, пожалуйста, вы». Ответ студента младших курсов университета: «Я очень люблю литературу, но читать по-русски Пушкина, Толстого, Достоевского, конечно, еще не могу. На занятиях по русскому языку мы читали стихотворение Лермонтова «Белеет парус одинокий... «И студент наизусть читает стихотворение. Члены жюри решили, что после декламации он раскроет тему одиночества в поэзии Лермонтова, но студент говорит: «Прочитайте стихотворение с закрытыми глазами, и вы услышите шум моря. Я не могу победить на конкурсе, но я буду продолжать изучать русский язык, потому что я получаю от этого удовольствие». Эти ответы так напоминают высказывания великих людей, знакомые нам с детства и практически подтвержденные событиями сегодняшнего дня, о русском языке: его стройности, точности, роли на мировой арене в области науки, дипломатии, политики и, конечно, эмоциональном воздействии. Победители в каждой номинации были награждены поездкой в летнюю языковую школу в Москве. В церемонии награждения приняли участие председатель Совета при Президенте РФ по русскому языку В.И. Толстой и почетный председатель жюри конкурса народный артист СССР И.Д. Кобзон.

Закончился праздничный день великолепным концертом многих известнейших артистов России и Турции. Олимпиада прошла чрезвычайно успешно. Хочется еще раз напомнить, что русский язык — это важнейший язык мира и средство международного общения, культурного и мирового сотрудничества.

Через неделю после закрытия «Олимпрус-1» 1 декабря 2014 года Президент РФ В.В. Путин в ходе своего визита в Турцию при обсуждении грандиозных экономических проектов напомнил: «Укрепляются контакты в культурно-гуманитарной сфере наших отношений». Безусловно, эти отношения мы будем продолжать, поддерживать и развивать, постепенно готовясь к «Олимпрус-2».

Содержание журнала «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» за 2014 г.

№ 1

ФИЛОСОФИЯ

С.А. Степанов, А.М. Тарко Государство и гражданское общество: критерии оценки их взаимодействия

Е.Г. Панов Социальные характеристики римского налогообложения

М.И. Билалов Метаморфозы дагестанского образования

ПОЛИТОЛОГИЯ

А.В. Брега Управление политическим конфликтом

В.В. Кафтан Идеологические основания террористической деятельности

ИСТОРИЯ

Р.М. Черных Особенности реформирования в дореволюционной России

В.Ю. Байбиков Денежная реформа С. Ю. Витте в оценке консерваторов

ПСИХОЛОГИЯ

А.Н. Лебедев Психологические механизмы социальной памяти в условиях ценностно-смысловой неопределенности

ЛИНГВОДИДАКТИКА

М.А. Гагарина, Т.С. Полунина Трудности употребления и перевода фразовых глаголов в финансово-экономическом дискурсе

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

М.Г. Харченко Метод конкретных ситуаций как способ формирования профессионального мышления

Е.Е. Долгалёва Особенности организации учебно-познавательной деятельности студентов в процессе обучения иностранному языку в вузе

О.В. Львова Использование технологии «Дебаты» при обучении иностранному языку

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.И. Лаврушин, Н.М. Кишлакова, Т.М. Махаматов Методология исследования денежно-кредитных отношений

ЮБИЛЯРЫ

Т.В. Седова

№2

ФИЛОСОФИЯ

Е.И. Замараева Лингвистические и социокультурные аспекты евразийской концепции Н.С. Трубецкого

В.С. Хазиев «Третий Кант» или Кант-педагог

ПОЛИТОЛОГИЯ

Е.О. Савченко Особенности внешней политики США в период Второй мировой войны

ИСТОРИЯ

Н.А. Разманова Институциональные аспекты зарождения российского протекционизма: принятие Торгового устава 1653 года

С.Э. Цветков Как начался «настоящий» XX век (к 100-летию начала Первой мировой войны)

СОЦИОЛОГИЯ

Г.Г. Силласте Вызовы и социальные риски модернизации высшей школы в изменяющемся мире

ПСИХОЛОГИЯ

А.Н. Лебедев Проблемы патриотического воспитания студентов российского вуза

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Т.И. Жаркова Современные методы обучения иностранному языку

И.Ф. Мусаелян Комплекс упражнений, направленных на формирование языковой компетенции

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

М.В. Афанасьева, Т.Н. Николаева Новые подходы к формированию и оценке иноязычных компетенций у студентов-бакалавров в экономическом вузе

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Л.С. Перепелкин Будущее: взгляд из Москвы

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.М. Кишлакова, Т.М. Махаматов Проблемы языка в глобальном мире

Е.А. Агеева Государство, общество, церковь в истории России XX века

С.Т. Махаматова, Д.Ю. Мовшин Презентация инновационного учебника «Философия»

Ю.Е. Мужичкова Психология поведенческих финансов

Д.З. Музашвили, Т.Т. Махаматов Гармонизация образовательной и научной деятельности как направление стратегического развития вузов

А.В. Комаров, Е. Устинова Уроки Первой мировой войны: взгляд через столетие

А.Н. Чумаков Философия в Финансовом университете: приглашение к сотрудничеству

№ 3

Н.М. Розина, В.М. Зуев Качество подготовки выпускников вузов: теоретико методологические аспекты

ФИЛОСОФИЯ

М.М. Скибицкий Вызовы глобализации и оптимизация образования в современной России

ПОЛИТОЛОГИЯ

Т.В. Семькина Взаимодействие политической и экономической систем в современной России

О.В. Матвеев Проблемы взаимодействия государства и гражданского общества

ИСТОРИЯ

Е.Г. Неклюдов Предпринимательство, менеджмент и власть в 1917 г.: специфика отношений в условиях войны и революции

С.Э. Цветков Как начался «настоящий» XX век (к 100-летию начала Первой мировой войны)

СОЦИОЛОГИЯ

Г.Г. Силласте Быть или не быть Международному финансовому центру в России: ожидания отечественного и зарубежного делового сообщества

ПСИХОЛОГИЯ

Е.В. Камнева, Н.В. Анненкова На пороге жизни: отношение к деньгам и карьерная ориентация

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Л.А. Швечкова, О.Н. Кабанова Презентация как жанр деловой коммуникации и средство формирования междисциплинарных компетенций

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Ю.В. Гаврилова Антропология и лингвистика в теории Бронислава Малиновского. Значение его взглядов для истории языкознания

АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД

К.П. Ковалев-Случевский «Русская идея» кающегося аристократа. Н.А. Бердяев

А.В. Окороков, Л.С. Перепелкин Почем человек? Размышления о книге Светланы Алексиевич «Время секонд хэнд»

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ю.М. Полянская Война, экономика и государственное регулирование в 1914–1918 гг. (к 100-летию Первой мировой войны)

А.Н. Чумаков, И.И. Мазур, В.Гэй Глобалистика. Энциклопедический словарь (Global Studies Encyclopedic Dictionary)

Е.И. Замараева Презентация монографии

ФИЛОСОФИЯ

Е.В. Зорина, Д.З. Музашвили Россия и глобализация: проблемы ценностной трансформации сознания личности

В.В. Викторов Диалог культурно-исторических общностей

ПОЛИТОЛОГИЯ

В.В. Кафтан Финансово-экономические основания современного терроризма

ИСТОРИЯ

С.Э. Цветков Как начался «настоящий» XX век (к 100-летию начала Первой мировой войны)

Е.М. Скворцова Проблемы модернизации России: опыт историко-экономического анализа

СОЦИОЛОГИЯ

С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная Временная миграция в России: понятийный аппарат, классификация и статистический учет

ПСИХОЛОГИЯ

М.А. Гагарина Влияние представлений о долговом поведении на принятие решений

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В.А. Галичин Университетский сектор высшего образования: организационные формы и модели развития

ЛИНГВОДИДАКТИКА

М.Ф. Матявина, М.В. Коровушкина Деловая игра «Модель G20» как способ повышения мотивации студентов-экономистов при изучении иностранного языка

АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД

Н.А. Трусов, И.В. Башелханов, Е.А. Колмыкова Философия безопасности — безопасность информации и энергии

К.П. Ковалев-Случевский «Русская идея» кающегося аристократа. Н.А. Бердяев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ю.Е. Мужичкова От кризиса к устойчивому благополучию

Н.М. Кишлакова Принципы и подходы философии толерантности

И.Л. Масленникова

В добрый путь, русский язык!